

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М. И. Платова»

На правах рукописи

Слизкий Евгений Анатольевич

**СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата социологических наук

Научный руководитель –
доктор философских наук, профессор
Воденко Константин Викторович

Новочеркасск, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретико-методологические основания социологического исследования социально-интеграционных практик в полиэтничном регионе в постсоветский период.....	25
1.1. Социально-интеграционные практики инокультурных групп в принимающем сообществе как предмет междисциплинарных исследований.....	25
1.2. Этнокультурная специфика социального пространства Краснодарского края.....	66
1.3. Институциональные практики регулирования межнациональных отношений в Краснодарском крае.....	89
Глава 2. Факторы и установки практик межэтнической интеграции в Краснодарском крае: опыт эмпирического исследования.....	110
2.1. Позиционирование этнических групп в медиапространстве как фактор межэтнических взаимодействий.....	110
2.2. Оценка этническими группами институциональных условий реализации интеграционных установок.....	131
2.3. Социальное самочувствие этнических групп и перспектива межэтнической интеграции.....	149
Заключение.....	181
Список литературы.....	185
Приложение 1. Дизайн социологического исследования	204
Приложение 2. Программа исследования «Условия интеграции представителей диаспор и земляческих групп в социальную среду полиэтничного региона».....	207
Приложение 3. Гайд фокус-группы.....	211

Приложение 4. Программа исследования «Социальное самочувствие представителей диаспорных и земляческих групп в среде учащихся вузов Краснодара»	213
Приложение 5. Бланк анкеты.....	224
Приложение 6. Основные термины.....	232

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Для современного общества одной из наиболее острых проблем становится тенденция роста разобщенности. На первый взгляд, процессы глобализации определили создание предпосылок для активной культурной коммуникации, налаживания сотрудничества между различными странами, народами, социальными группами, а современный исторический этап по ряду оснований можно обозначить как время «стирания границ». Интенсивность социального взаимодействия возрастает, и это, в свою очередь, определяет рост взаимосвязи между членами общества, что проявляется, в том числе, в повышении плотности социальных контактов между ними.

Все это внешне можно обобщить в качестве предпосылок интеграции, однако по факту размытие границ между сообществами, ранее существовавшими обособленно, равно как и возникновение внешних условий интенсификации социального взаимодействия в совокупности приводят к тому, что противоречия, ранее имевшие потенциальный или латентный характер, получают обширное проявление на уровне социального взаимодействия.

Одним из наиболее опасных проявлений межгрупповой конфликтности является развитие конфликтов между представителями различных этнических групп, в ходе течения которых основанием конфликтной идентификации становится этническая принадлежность¹. Очевидно, что данная проблема обладает различной степенью актуальности в зависимости от национального состава локального государства: чем более многообразным он является, тем, соответственно, больше рисков возникновения межэтнических противоречий может возникнуть. Российское общество, в котором проживает множество народностей, относится к группе риска

---

¹ Кацаев, А. Е. Социальный конфликт : опыт философско-социологического анализа / А. Е. Кацаев. – Иркутск : изд-во Иркутского университета, 1998. – 365 с.

развития межэтнической конфликтности, в особенности в тех регионах, где имеет место развитая экономическая деятельность и связанные с ней процессы трудовой миграции².

В этом контексте одним из важных направлений исследовательской деятельности является отражение условий, принципов, механизмов и тенденций протекания социальных отношений в межэтнической среде. Важно понимать, насколько естественные процессы, развертывающиеся в сфере межэтнического взаимодействия, способствуют развитию конструктивных форм отношений между представителями разных народов, или, напротив – определяют тенденции обострения конфликтности между ними³. Это позволяет на базовом уровне осмыслить стратегии регулирования межэтнического взаимодействия с учетом тенденций социальной интеграции/дезинтеграции в межэтнической среде⁴. Здесь следует выделить два ключевых аспекта этнического взаимодействия:

- естественные особенности межэтнических отношений как объективный фактор взаимодействия в полиэтничном регионе;
- конструируемый аспект межэтнического взаимодействия (собственно, те самые исторически складывающиеся отношения, которые могут иметь вариативный характер и во многом зависят от социальных ожиданий и моделей поведения, направленных в отношении различных этносов и их представителей).

---

² Подробнее: Авксентьев, А. В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения / А. В. Авксентьев, В. А. Авксентьев. – Ставрополь : СГПИ, 1993. – 222 с; Аклаев, А. Р. Проблема насилия в межнациональных конфликтах / А. Р. Аклаев // Социальные конфликты. – 1993. – № 3. – б/с; Баграмов, Э. А. Национальные проблемы в современных условиях : сборник статей / Э. А. Баграмов. – Москва : ИМЛ, 1988. – 265 с.; Гасанов, Н. Н. Национальный вопрос: иллюзии и поиск истины / Н. Н. Гасанов, К. Я. Зачесов // Социально-политический журнал. – 1993. – № 3; Жовтун, Д. Т. Противоречие и социальные конфликты в условиях социализма / Д. Т. Жовтун // Научный коммунизм. – 1989. – № 7; Загер, П. Национализм новая опасность / П. Загер // Дружба народов. – 1992. – № 7; Запрудский, Ю. Г. «Внутри конфликта» / Ю. Г. Запрудский // Социс. – 1993. – № 7. – С. 51-58; Здравомыслов, А. Г. Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов : материалы Международного симпозиума, 18-20 апреля 1994 г. / Российский независимый институт социальных и национальных проблем ; отв. ред. А. Г. Здравомыслов. – Москва : РНИСИНП, 1994.

³ Тишков В. А. О природе этнического конфликта / В. А. Тишков // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 5-14; Тишков, В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе / В. А. Тишков // Вопросы социологии. – 1993. – № 1/2. – С. 3-38; Тишков В. А. Что есть Россия? / В. А. Тишков // Вопросы философии, 1995. – № 2.

⁴ Слизский, Е. А. Типы идентификационных стратегий в межэтнической среде как фактор формирования отношений между различными этническими группами / Е. А. Слизский // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 12. – С. 29–32.

Что касается первого аспекта, отметим, что существуют различия в ценностях, обычаях, нормах поведения представителей разных этносов, которые определяют возможность возникновения определенных противоречий между ними – и это тот объективный фактор, который находит статистическое проявление в социальной практике. Вместе с тем, помимо объективно существующих различий в сфере межэтнического взаимодействия, существует вариативный аспект, связанный с тем, каким образом в межэтнической среде принято воспринимать друг друга и взаимодействовать друг с другом. Этот аспект разнится в зависимости от того, какая история отношений сложилась между представителями разных этносов и какое отражение она получила на уровне общественного сознания.

На наш взгляд, конструируемый аспект межэтнических отношений имеет критически важное значение для понимания ситуации в полиэтничном регионе и воздействия на нее, поскольку речь идет о вариативной, ситуативно меняющейся системе отношений между социальными группами, определяемыми по критерию этнической принадлежности. И здесь проявляется вариативность формирования отношений между представителями различных этносов, что характеризует как наличие факторов риска конструирования и воспроизводства негативных идентификационных стратегий, так и своеобразного «окна возможностей» по интеграции представителей различных этносов в социальную среду российского общества.

Таким образом, исследование процессов интеграции этнических групп в полиэтничном регионе характеризуется высокой степенью актуальности, теоретической и практической значимости и отвечает области интересов современного российского общества, связанной с корректным отражением характера межэтнических отношений, а также определением перспективных направлений социального регулирования, направленного на создание условий для интеграции представителей различных этносов в единую социальную среду российского общества.

Научная проблема исследования. В рамках исследования осуществляется постановка проблемы изучения динамических факторов межэтнического

взаимодействия, связанных с идентификационными стратегиями этнически маркированных групп. Основное внимание при решении проблемы уделено социально-интеграционным практикам этнических меньшинств и тому, как эти группы включаются в общественную жизнь региона при сохранении своей культурной идентичности. В условиях Краснодарского края, который характеризуется высоким уровнем этнического разнообразия и интенсивной миграцией, возникают противоречивые процессы: с одной стороны, межэтнические взаимодействия могут сопровождаться напряженностью и конфликтами, связанными с различиями в культурных ценностях, традициях и образе жизни этнически маркированных групп, с другой стороны, институты региона разрабатывают и внедряют меры, направленные на интеграцию этих групп, аккомодацию их культурных особенностей и формирование толерантной среды межэтнического общения⁵. Важной задачей становится создание условий для социальной инклюзии этнических меньшинств, что подразумевает их участие в социальной структуре региона без утраты культурной идентичности. Таким образом, исследование фокусируется на выявлении ключевых факторов, механизмов и тенденций, влияющих на межэтнические отношения в регионе. Оно включает анализ социальных, экономических, политических и медийных процессов, которые определяют успешность или трудности интеграции этнических меньшинств в социальную структуру Краснодарского края, а также выявлению потенциальных рисков, связанных с неполной или обратимой аккомодацией этнических групп, что может приводить к усилению этнической напряженности и социальному отчуждению.

Степень разработанности темы диссертации. Анализируя разработанность проблемы социального взаимодействия в полиэтничном регионе, следует отметить, что речь идет о чрезвычайно обширной и сложной тематической сфере, что определяет проблематичность однозначной оценки ее раскрытия на

---

⁵ Проблема межэтнической интеграции усложняется рядом факторов. Во-первых, миграционный прирост, особенно в последние годы, ведет к увеличению численности различных этнических групп, что ставит вызовы перед социальной и культурной инфраструктурой региона. Во-вторых, институциональные меры, направленные на регулирование межэтнических отношений, иногда оказываются недостаточными или противоречивыми, что затрудняет достижение полной интеграции этнических групп. В-третьих, важную роль играют медиаресурсы, которые могут как способствовать взаимопониманию и интеграции этнических меньшинств, так и усиливать негативные стереотипы и этнокультурные противоречия.

уровне исследовательской литературы. Это связано с тем, что различные аспекты и динамические факторы социальных отношений в межэтнической среде обнаруживают тесную связь с рядом серьезных исследовательских проблем, таких как социальное познание, влияние медиа на формирование социальной картины мира, стереотипизация социальных групп, межгрупповые конфликты и сценарии их возникновения и т. д. Каждая конкретная промежуточная тематическая сфера, соответствующая одной из поставленных нами в исследовании задач, имеет отражение на уровне сравнительно большого числа исследований. Вместе с тем среди современных подходов к проблеме межэтнического взаимодействия обнаруживается недостаток работ, объединяющих различные области знания о поставленной проблеме. Как результат, существуют определенные теоретические пробелы, на заполнение которых направлено настоящее исследование.

В рамках подготовки работы осуществлена опора на несколько групп источников. Первая группа источников включает в себя классические труды по теоретической социологии, представленные в трудах таких авторов, как Т. Парсонс⁶, Э. Дюркгейм⁷, Р. Мертон⁸, Э. Гидденс⁹. На уровне данных работ формируется общее понимание специфики и основных детерминант социального взаимодействия. В частности, в опоре на труды данных авторов формируется понимание значения и соотношения институциональных и культурных факторов в выстраивании отношений между членами общества, осмысливается групповой аспект взаимодействия и отдельные аспекты механизмов социальной идентификации и самоидентификации.

Вторую группу источников составляют работы, отражающие ключевые аспекты социального познания и, соответственно, различные элементы социальной действительности на уровне мировоззрения субъекта. В рамках подготовки работы

---

⁶ Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева // под ред. М. С. Ковалевой. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.; Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2000. – 880 с.

⁷ Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – Москва : Канон, 1995. – 352 с.

⁸ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ, 2006. – 873 с.

⁹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

осуществлялась опора на труды таких авторов, как П. Бергер, Т. Лукман¹⁰, являющихся основоположниками теории социального конструктивизма, а также А. Шютца¹¹, заложившего основы социальной феноменологии. Идеи, представленные в их работах, способствовали более глубокому осмыслению вопроса о том, как у социального субъекта формируются представления об окружающих его людях и, в частности, какое влияние на непосредственно приобретаемый им социальный опыт оказывают уже наличествующие на уровне его мировоззрения представления и ожидания. Также для понимания принципов влияния современных информационных процессов на характер социального мировоззрения большое значение имели идеи М. Маклюэна¹², отражающие специфику медийных процессов и их влияние на общество. Одним из важнейших концептов, заимствованных из трудов М. Маклюэна, стал принцип опосредованного познания, последовательно раскрытый им в рамках теории органопроекции.

Значительную роль в построении исследования сыграло обращение к теоретическому подходу Р. Парка¹³, отражающему проблематику социальной интеграции мигрантов, относящихся к различным этнокультурным группам в условиях их встраивания в социальную среду принимающего региона, и, в частности, классификация стадий социальной интеграции приезжих.

Серьезное влияние на формирование исследования оказали работы, посвященные непосредственно тематике межэтнического взаимодействия. В частности, в ходе подготовки работы было осуществлено обращение к трудам таких авторов, как Н. К. Грамотунова¹⁴, А. Г. Бесаева, Н. К. Гассиева,

---

¹⁰ Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / пер. Е. Д. Руткевич – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.

¹¹ Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

¹² Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 462 с.

¹³ Парк Р. Избранные очерки: сб. переводов / Р. Парк / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Ефременко Д. В. - Москва, 2011. – 320 с.

¹⁴ Грамотунова, Н. К. Этническая идентификация и этническая идентичность / Н. К. Грамотунова // Символ науки. – 2016. – № 7-2. – С. 140–141.

А. А. Джигоева¹⁵, Н. Ф. Беляева¹⁶, Д. Горовиц, Р. Э. Бараш¹⁷, Ф. Н. Ильясов¹⁸, О. О. Чулкова¹⁹ и др. В рамках данных работ производится глубокая проработка принципов и механизмов межэтнического взаимодействия, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Отдельного внимания заслуживают труды таких авторов, как В. И. Мукомель²⁰, а также исследования А. В. Дятлова, реализованные в сотрудничестве с такими учеными, как Г. И. Герасимов²¹, Д. А. Гугуева²², Ю. Г. Волков, А. В. Сериков²³, К. В. Воденко²⁴, М. А. Васьков²⁵, П. В. Сажин²⁶. Существенный вклад в понимание данного вопроса осуществили также

---

¹⁵ Бесаева, А. Г. К вопросу о формировании этнической идентификации / А. Г. Бесаева, Н. К. Гасиева, А. А. Джигоева // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 41–42.

¹⁶ Беляева, Н. Ф. Этническая культура в процессах этнической идентификации и культурного диалога / Н. Ф. Беляева // Регионоведение. – 2010. – № 2. – С. 245–256.

¹⁷ Горовиц, Д. Структура и стратегия этнического конфликта / Д. Горовиц, Р. Э. Бараш // Власть. – 2007. – № 6. – С. 35–41

¹⁸ Ильясов, Ф. Н. Причины и типология этнических конфликтов / Ф. Н. Ильясов // Социальные исследования. – 2017. – № 2. – С. 20–33.

¹⁹ Чулкова, О. О. Природа социально-этнического конфликта / О. О. Чулкова // Известия МГТУ. – 2013. – № 1 (15). – С. 116–122.

²⁰ Мукомель, В. И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации / В. И. Мукомель. – 2021. – № 1–2. – С. 53–68.; Мукомель, В. И. Интеграция и трансформация идентичностей внутрироссийских мигрантов / В. И. Мукомель // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) : сб. материалов Междунар. науч. конф. (Москва, 28–30 ноября 2019 г.) [Электронный ресурс] / ответственный редактор. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 131–133; Мукомель, В. И. Мифология идентичности / В. И. Мукомель // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов II Междунар. науч. междисциплинарной конф. (июнь 2018 года, г. Севастополь) [Электронный ресурс] / под ред. О. А. Габриеляна и др. – Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 321–323.

²¹ Межэтнические отношения в полиэтничном регионе: особенности восприятия населением (на материалах Юга России) / А. В. Дятлов, Ю. С. Панфилов, Г. С. Пшегусова [и др.] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Регионоведения: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 4. – С. 87–96.

²² Дятлов, А. В. Национальная идентичность – как основа европейской идентичности / А. В. Дятлов, Д. А. Гугуева // Вестник НГУЭУ. – 2017. – № 1. – С. 230–241.

²³ Волков, Ю. Г. Общероссийская и этническая идентичность на Юге России: соотношение и ресурсы / Ю. Г. Волков, А. В. Дятлов, А. В. Сериков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – № 4. – С. 156–161.

²⁴ Волков Ю. Г., Дегтярев А. К., Воденко К. В. Ценностная политика в контексте совершенствования межнациональных отношений на региональном уровне // Гуманитарий Юга России. 2017. Том. 6. № 4. С. 14–24.

²⁵ Васьков, М. А. Организационная культура в контексте дискурса этических ценностей и внутриорганизационных отношений / М. А. Васьков, А. В. Дятлов // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 7. – С. 244–249.

²⁶ Дятлов, А. В. Понятие «информация» в контексте гуманитарного знания и теории коммуникаций / А. В. Дятлов, П. В. Сажин // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 4. – С. 117–133.

В. А. Авксентьев²⁷, А. В. Авксентьев²⁸, Б. В. Аксюмов, В. А. Васильченко, Г.С. Денисова. На уровне данных работ дается глубокий анализ ряда проблем, непосредственно связанных с тематической сферой настоящего исследования, в частности, проблем идентификации и идентичности в этнической среде, влияния миграционных процессов на межэтнические отношения, соотношения гражданской и этнической идентификации, влияния информационных факторов на межэтнические отношения и т. д. Среди работ, посвященных влиянию социокультурных факторов на межэтническое взаимодействие, следует отдельно выделить работы А. В. Лубского, В. П. Войтенко, Ю. Г. Волкова, Г. С. Денисовой²⁹. Значительную роль в осмыслении рисков в сфере межэтнического взаимодействия имело обращение к научным трудам Т. А. Хагурова³⁰, осуществившего теоретический анализ проблемы с учетом региональной специфики Краснодарского края. Существенную роль в раскрытии проблематики этничности и межэтнического взаимодействия играют работы таких авторов, как В. А. Тишков³¹, Р. Брубейкер³², Л. М. Дробижеева³³, З. В. Сикевич³⁴, Н. М. Лебедева³⁵, А. Ю. Шадже, Е. С. Куква³⁶,

---

²⁷ Авксентьев, В. А. Массмедиа и этнический дискурс на Северном Кавказе: политизация или деполитизация? / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 11 (88). – С. 12–20.

²⁸ Российская идентичность и политика идентичности : конструкция и деконструкция: монография / А. В. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, В. А. Васильченко [и др.] / отв. ред. В. А. Авксентьев. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2018. – 214 с.

²⁹ Денисова, Г. С. Межэтнические взаимодействия на Юге России как предмет научных исследований / Г. С. Денисова, А. В. Лубский, В. П. Войтенко // Гуманитарий Юга России. – 2018. – № 6. – С. 41–56.

³⁰ Хагуров, Т. А. Молодежь полиэтничного региона в нелинейном глоболокальном социуме: идентичность и ценности, жизненные стратегии, риски / Т. А. Хагуров, Л. М. Чепелева // Сборник тезисов Краевой отчетной конференции грантодержателей Кубанского научного фонда, Сочи, 24–25 июня 2021 года / отв. ред. В.В. Анисимов. – Краснодар : Унитарная некоммерческая организация «Кубанский научный фонд», 2021. – С. 216–218.

³¹ Тишков, В. А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы / В. А. Тишков // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 4. – С. 408–412; Тишков, В. А. Этнологические исследования в академической науке / В. А. Тишков, Е. А. Пивнева // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики / под ред. В. А. Тишкова; сост. Б. А. Синанов. – Москва : ИЭА РАН, 2018. – С. 5–50

³² Брубейкер, Р. Этничность без групп : пер. с англ. / Р. Брубейкер / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва. : Дом «Высшая школа экономики», 2012. – 408 с.

³³ Дробижеева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижеева. – Москва : Институт социологии РАН. – 2003. – 376 с

³⁴ Сикевич, З. В. Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности / З. В. Сикевич // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7, № 2. – С. 36–53.

³⁵ Лебедева, Н. М. Социальная психология аккультурация этнических групп : специальность 19.00.05 : диссертация на соискание степени д-ра психологических наук / Лебедева Надежда Михайловна. – Москва, 1997. – 310 с.

³⁶ Шадже, А. Ю. Модернизирующийся Северный Кавказ: параметры идентичности / А. Ю. Шадже, Е. С. Куква // Вестник МГОУ. Серия : Философские науки. – 2012. – № 2. – С. 31-37

М. А. Аствацатурова³⁷. Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные специфике межэтнических отношений в условиях активной миграции. В частности, речь идет о работах таких авторов, как М. В. Донцова³⁸, В. Н. Петров³⁹. Помимо них, в работе осуществлено обращение к материалам региональных исследований таких авторов, как О. В. Матвеев, В. Н. Ракачев⁴⁰, И. В. Юрченко⁴¹, М. В. Савва⁴², А. В. Баранов⁴³. Расчеты концепции и результатов эмпирического исследования производились с опорой на методологию изучения межнациональных отношений разработанную П.Н. Лукичевым⁴⁴.

Таким образом, в рамках настоящего исследования осуществляется опора на обширную источниковую базу, что не исключает момента приращения знания о специфике идентификационных стратегий в межэтническом взаимодействии, связанного с объединением и сопоставлением полученного на уровне различных источников знания.

---

³⁷ Аствацатурова, М. А. Рецензия на монографию «Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России» / отв. ред. Ю. Г. Волков. – Москва: РУСАЙНС, 2021. – 180 с. / М. А. Аствацатурова // Гуманитарий Юга России. – 2022. – № 3. – С. 186–194.

³⁸ Донцова, М. В. Этнические мигранты и принимающее общество: процессы социального взаимодействия: на материалах Краснодарского края: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Донцова Мария Владимировна. – Краснодар, 2007. – 194 с.

³⁹ Петров В. Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России: монография / В. Н. Петров. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. – 265 с.

⁴⁰ Матвеев, О. В. Татары на Кубани: история и современное состояние / О. В. Матвеев, В. Н. Ракачев // Гасырлар авазы – Эхо веков. - 2021. - № 3. - С. 189–199.

⁴¹ Юрченко, И. В. Миграционные процессы и межэтнические противоречия в «Русских» регионах Юга России / И. В. Юрченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2014. - №12-1. - С. 223–226.

⁴² Савва, М. Армяне Краснодарского края в контексте современной миграционной ситуации / М. Савва // 21-й век. - 2007. - № 2 (6). - С. 71–87.

⁴³ Баранов, А. В. Роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества / А. В. Баранов // История и современность. - 2014. - № 1. - С. 69-86.

⁴⁴ Лукичев, П. Н. Определение максимально допустимого уровня миграции / П. Н. Лукичев // Лосевские чтения: тр. Междунар. ежегод. науч. конф., г. Новочеркасск, май 2008 г. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2008. – С. 225–231; Лукичев П. Н. Социодинамика, миграция и этнодемографическая напряженность / П. Н. Лукичев // Вестник ЮРГТУ (НПИ). - 2009. – № 1. – С. 3–14; Лукичев, П. Н. Межнациональные отношения в студенческой среде / П. Н. Лукичев // Методология, теория и история социологии: сб. науч. статей Всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 11–12 нояб. 2011 г. / под ред. д.с.н. В. И. Филоненко. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2012. – С. 534–541; Лукичев, П. Н. Полиэтнические семьи / П. Н. Лукичев, Н. С. Пасечник // Методология, теория и история социологии: сб. науч. ст. (Ростов-на-Дону, 23–24 ноября 2012 г.); в 3 т. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012. – Т. 2. – С. 389–394; Лукичев, П. Н. Экономико-демографические показатели социальной напряженности / П. Н. Лукичев // Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе: сб. науч. статей., г. Ростов-на-Дону, 20–21 декабря 2012 г. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012. – Вып. 4. – С. 83–98; Lukichev P. N., Potseluev S. P., Konstantinov M. S. Language, Religion and civic Identity / P. N. Lukichev, S. P. Potseluev, M. S. Konstantinov [et al.] // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences: International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism». - 2019. - Vol. LVIII. - P. 514–528 и др.

Объект исследования – межэтническое взаимодействие в Краснодарском крае.

Предмет исследования – социально-интеграционные практики в межэтническом пространстве Краснодарского края (включая основные факторы, механизмы и тенденции выстраивания межэтнического взаимодействия).

Цель исследования – определение общей специфики и актуальных тенденций интеграции этнических групп в социальную среду Краснодарского края.

Для выполнения поставленной цели сформирован следующий круг **задач**:

- определить специфику социоинтегративных практик инокультурных групп в принимающем сообществе как предмета междисциплинарных исследований;

- выявить этнокультурную специфику социального пространства Краснодарского края;

- проанализировать институциональные практики регулирования межнациональных отношений в Краснодарском крае;

- выявить основные характеристики позиционирования этнических групп в медиадискурсе Краснодарского края;

- определить влияние институциональных факторов, имеющих место на уровне Краснодарского края, на процесс интеграции этнических групп в социальное пространство региона;

- охарактеризовать социальное самочувствие этнических групп Краснодарского края и перспективы межэтнической интеграции.

Гипотеза исследования заключается в том, что в Краснодарском крае актуализируются противоречия этнокультурного плана, возникающие между представителями различных этнически маркированных социальных групп и институциональными мерами, направленными на интеграцию представителей этих групп в социальное пространство региона. Основной моделью их включения является создание условий для встраивания в общую структуру взаимодействий с сохранением культурной идентичности (аккомодации), что способствует развертыванию межкультурного сотрудничества представителей различных этносов и формированию толерантной среды межэтнической коммуникации. К

числу факторов риска относятся: обратимый характер аккомодации как формы социальной интеграции этнических меньшинств; институциональные противоречия, связанные с последствиями интенсивного миграционного прироста; репрезентация в культурно-информационной среде деструктивных моделей идентификации представителей этнических меньшинств.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основания исследования включают в себя несколько различных методологических установок, способствующих решению поставленных в рамках работы задач. Определяющим аспектом выстраивания методологической базы исследования стал сложный характер исходной проблемы, поставленной в рамках работы, а также предметные характеристики ключевых аспектов исследуемого объекта. Первоначальным шагом в выстраивании исследования стала оценка совокупности промежуточных задач, решение которых необходимо для исчерпывающего раскрытия поставленной проблемы. Это определило целесообразность применения таких классических методов научного познания, как анализ, сравнение, абстрагирование, синтез. Важность исторического контекста динамического становления системы межэтнических отношений определяет целесообразность применения исторического подхода.

Сложный характер исследуемой проблемы и, в частности, тот факт, что межэтнические отношения выстраиваются в общем контексте социального взаимодействия (в том числе обусловлены структурными характеристиками системы общества) определили необходимость применения системного подхода. Его высокая значимость для настоящей работы связана также с тем, что в рамках объединения результатов частных исследований, раскрывающих отдельные аспекты исследуемого объекта, целесообразно их холистическое рассмотрение, учитывающее перекрестные связи между отдельными раскрываемыми факторами.

Также в ходе работы применяются отдельные элементы структурно-функционалистского и социально-конструктивистского подходов. Значение структурно-функционалистского подхода в рамках настоящей работы связано, прежде всего, с осмыслением общего социального контекста выстраивания

межэтнических отношений, а также с применением развитого теоретического аппарата, способствующего пониманию индивидуального аспекта социальных отношений в рамках группового взаимодействия.

Ценность социально-конструктивистского подхода для настоящего исследования связана с тем, что он позволяет осмыслить общие принципы интерпретации социального опыта членами общества на основании действующих представлений и предрассудков, что характеризует моменты инерционности социального мировоззрения даже в условиях его существенного расхождения с реальной социальной практикой, а также значение социальных стереотипов и механизмов их воспроизводства.

Развернутый анализ формирования идентификационных стратегий осуществляется в опоре на социально-феноменологический подход, в рамках которого исследуется природа социальной идентификации как процесса, привлекающего познавательные способности субъекта и, в том числе, основанного на уже сформировавшейся на уровне его мировоззрения системы представлений.

Также в исследовании применяется концепция структуризации, разработанная Э. Гидденсом.

Отдельного внимания заслуживает теория социальной интеграции в полиэтнической среде, разработанная Р. Парком. В рамках настоящего исследования социально-интеграционные практики, применяемые представителями диаспорных и земляческих групп, анализируются в опоре на сформированную в работах Р. Парка классификацию типов и стадий интеграции в иноэтническую социальную среду.

Эмпирическая база исследования сформирована с учетом особенностей исследуемого объекта и основного спектра исследовательских задач, определенных в рамках диссертационной работы.

В 2020–2021 гг. автором был проведен фокус-групповый опрос «Формирование идентификационных стратегий диаспор и земляческих групп в полиэтничном регионе» на территории Краснодарского края. В ходе данного исследования осуществлялось глубинное качественное изучение особенностей

этнической самоидентификации, поскольку формат фокус-групп позволил выявить ценностные установки, представления, практики поведения и ожидания респондентов. Выборка выстраивалась по квотному принципу, что дало возможность включить в исследование представителей 11 этнических групп (адыги, армяне, белорусы, греки, курды, лезгины, русские, таджики, татары, украинцы, чеченцы), длительно и недавно проживающих в регионе. В связи с отсутствием формального перечня организаций либо реестра носителей разных этнокультурных традиций, использовалась методика «снежный ком», при которой первоначально выбранные респонденты рекомендовали других, близких по профилю и готовых к открытому обсуждению проблематики. Численный состав одной фокус-группы составил 10–15 человек, что обеспечило достаточную насыщенность данными при обсуждении, а общее число участников фокус-групп – 144 человека – позволило охватить весь спектр мнений и практик.

В 2022 г. автором был проведен анкетный опрос «Социальное самочувствие представителей диаспорных и земляческих групп в среде учащихся вузов Краснодара». Исследование имело цель получить обобщенную количественную оценку социальной удовлетворенности, уровня напряженности и установок межэтнического взаимодействия в студенческой среде. Исходя из задач выявления особенностей социальной интеграции и возможных конфликтогенностей среди молодежи, в качестве объекта исследования были выбраны студенты вузов, поскольку эта группа наиболее чувствительна к динамизму культурных контактов и быстро восприимчива к проблемам межэтнической коммуникации. Выборка была квотной, неслучайной, что позволило целенаправленно включить в опрос представителей наиболее распространенных этнических групп, проживающих в Краснодарском крае, и сбалансировать их долю в выборочном массиве. Такой подход дает возможность статистически корректно сопоставить установки студентов разных общностей, включая как титульный этнос, так и малочисленные группы. Опрос в объеме 271 респондента, при уровне доверительной вероятности 95 %, характеризуется стандартным отклонением $\delta = \pm 5,95\%$ в одномерных

таблицах, что свидетельствует о допустимом уровне статистической ошибки для задач выявления тенденций.

Данные исследования – фокус-групповое (качественное) и анкетное (количественное) – осуществлялись на основе продуманной стратегии отбора респондентов. Фокус-группы обеспечили детализированное понимание ценностно-мотивационной сферы и идентификационных стратегий, тогда как анкетный опрос позволил выявить масштабы и обобщенные характеристики социальной ситуации в межэтническом взаимодействии, учитывая при этом репрезентативность данных для молодежной среды.

Также был осуществлен вторичный анализ эмпирических данных, представленных в других работах, раскрывающих отдельные аспекты исследуемой проблемы⁴⁵. Также в рамках работы осуществляется контент-анализ ряда публикаций, представленных на уровне масс-медиа и затрагивающих сферу межэтнического взаимодействия (в том числе, анализируются медиатексты, на уровне которых осуществляется формирование образа того или иного этноса).

Научная новизна исследования определяется тем, что в процессе работы достигнуты следующие позиции:

---

⁴⁵ В ходе исследования произведено обращение к данным Росстата, а также результатам исследований, отражающих этнический состав, уровень миграционных потоков, характер социальных установок жителей региона. См., например, Гаева, А. С. Международная миграция на постсоветском пространстве: современное состояние и прогнозы / А. С. Гаева // *Обозреватель - Observer*. - 2021. - № 4 (375). - С. 87–103; Ктиторов, С. Н. Города Кубани и Причерноморья в процессах межэтнической коммуникации в конце XIX - начале XX века / С. Н. Ктиторов // *Культурная жизнь Юга России*. - 2014. - № 4. - С. 72–79; Данные всероссийской переписи населения 2020 года / Официальный сайт РОССТАТ. – URL : https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1.xlsx; Данные всероссийской переписи населения 2010 года / Официальный сайт РОССТАТ. – URL : <https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Национальный%20состав%20Краснодарского%20края.html>; Юрченко, И. В. Миграционные процессы и межэтнические противоречия в «Русских» регионах Юга России / И. В. Юрченко // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. - 2014. - №12-1. - С. 223–226; Савва, М. Армяне Краснодарского края в контексте современной миграционной ситуации / М. Савва // *21-й век*. - 2007. - № 2 (6). - С. 71–87; Денисова, Г. С. Риски конфликтности межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи / Г. С. Денисова, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // *Наука. Культура. Общество*. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 185–199; Лукичев, П. Н. Протестный потенциал студенческой молодежи Юга России (по материалам социологического исследования) / П. Н. Лукичев // *Социально-гуманитарные знания*. - 2014. - № 7. - С. 199–209; Юсупов, М. М. Анализ российской географии проявлений этнофобий / М. М. Юсупов // *Известия вузов. Социология. Экономика. Политика*. - 2008. - № 1. - С. 18–21; Петров, В. Н. Толерантность и идентичность: взаимодействие этнических мигрантов и местного населения в Краснодарском крае / В. Н. Петров // *Социологический журнал*. - 2002. - № 4. - С. 110–120; Баранов, А. В. Роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества / А. В. Баранов // *История и современность*. - 2014. - № 1. - С. 69–86 и др.

- определена специфика социально-интеграционных практик инокультурных групп в принимающем сообществе как предмета междисциплинарных исследований. В частности, осуществлен анализ основных аспектов процесса интеграции представителей этнических меньшинств в социальную среду принимающего региона, определены ключевые факторы, влияющие на природу и характер выстраиваемого социального взаимодействия. С учетом специфики основных аспектов динамики межэтнического взаимодействия определен круг теоретических подходов, раскрывающих сущность и детерминанты выстраивания межэтнического взаимодействия в социальной среде полиэтничного региона. На основании классификации типов (стадий) социальной интеграции, сформированной Р. Парком, сформирован теоретический подход, описывающий неполную интеграцию представителей этнического меньшинства;

- выявлена этнокультурная специфика социального пространства Краснодарского края, что связано с отражением демографической ситуации в регионе, рассмотрением исторических предпосылок формирования межэтнических отношений в нем, а также с определением основных механизмов и тенденций выстраивания межэтнических отношений в крае. В частности, определены тенденции изменения социальных ожиданий в отношении представителей иноэтнических групп, определены основные тренды трансформации способов социальной идентификации представителей иноэтнических групп;

- проанализированы институциональные практики регулирования межнациональных отношений в Краснодарском крае. В частности, осуществлен последовательный анализ общей стратегии регулирования межэтнического взаимодействия и заложенного в нее целеполагания на формирование условий для аккомодации представителей различных этносов, что обеспечивает, с одной стороны, формирование единой структуры социального взаимодействия, с другой – сохранение этнокультурной идентичности представителей различных этносов. Определены особенности социально-правовых, экономических, политических, медийных процессов в общей системе факторов социальной интеграции представителей различных этнических групп;

- в процессе исследования были выявлены основные тенденции и закономерности, связанные с репрезентацией в медийной сфере информационной продукции, содержащей в себе упоминания представителей этнических групп, проживающих на территории Краснодарского края. В частности, были конкретизированы представления о соотношении позитивных и негативных информационных сообщений, освещающих отдельные качества и характеристики этнических меньшинств;

- в ходе исследования была произведена оценка значения актуального состояния основных общественных институтов как фактора интеграции этнических групп в социальное пространство региона, а также были определены институциональные особенности социальной включенности ведущих этнических групп, проживающих на территории Краснодарского края;

- на основании материалов авторского социологического опроса были определены ключевые характеристики условий интеграции этнических групп в социальное пространство Краснодарского края. В рамках исследования определены социальные риски межэтнического взаимодействия, имеющие место на уровне актуальной ситуации, а также определены перспективные направления социального регулирования межэтнического взаимодействия в регионе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Процесс интеграции представителей различных этносов в социальную среду полиэтнического региона определяется во многом следующими факторами:

- исходные социокультурные характеристики различных этнических групп и их совместимость (различия и сходства в обычаях, ценностях, моделях поведения, способах социальной идентификации и самоидентификации);

- структурные факторы, определяющие внешние условия включения представителей различных этносов в социальную среду принимающего региона;

- исторические факторы, характеризующие специфику длительного процесса выстраивания взаимодействия между отдельными народами (включая социально-исторические факторы конфликтного восприятия представителей отдельных этносов);

- уровень знакомства членов общества, относящихся к различным этносам, с культурой, обычаями, нормами поведения других народов, проживающих на территории региона;

- характер освещения социокультурных характеристик представителей различных этносов в культурно-информационном пространстве общества.

Сложный и многофакторный характер процесса выстраивания взаимодействия между представителями различных этносов предопределяет и междисциплинарный характер методологии, охватывающей в совокупности область культурных и структурных факторов выстраивания взаимодействия в межэтнической среде. При этом для понимания многообразия форм и стадий социальной интеграции представителей различных этносов в социальную среду полиэтничного региона высокую степень применимости имеет теоретический подход Р. Парка, характеризующий стадийность социальной интеграции представителей этнических меньшинств.

2. Анализ специфики этнокультурной ситуации в Краснодарском крае позволяет выделить следующие характеристики межэтнического взаимодействия, развертывающегося в регионе:

- зависимость социальных оценок приезжих от институциональных и инфраструктурных факторов (в первую очередь, от уровня конкуренции);

- высокое влияние социально-коммуникативных процессов на распространение конкретных форм отношения;

- наличие в 90-х и «нулевых» годах тенденции обострения межэтнических отношений, связанной с актуализацией этнического аспекта социальной маркированности и широким распространением этнических предрассудков;

- тенденция нормализации отношения к представителям других этносов, связанная с деактуализацией этнического критерия социальной идентификации в современном социокультурном пространстве региона.

В настоящее время культурно-информационный аспект выстраивания взаимодействия между представителями различных этносов имеет доминирующее значение, поскольку преобладание опосредованного социального познания среди

механизмов формирования социальной картины мира свидетельствует о значительном потенциале подмены реальных характеристик конкретных этнических групп их конструируемым образом.

3. Институциональные практики по регулированию межэтнического взаимодействия в Краснодарском крае носят комплексный характер и подчинены общей стратегии национальной политики России, центральной идеей которой является обеспечение равноправия народов, сохранение их самобытности и культурного наследия. Это определяет вектор на обеспечение аккомодации как формы социальной интеграции, способствующей органичному включению членов общества в социальную структуру при сохранении культурной идентичности. Мероприятия, реализуемые в целях обеспечения благоприятного климата межэтнического взаимодействия, связаны с мониторингом факторов риска, обеспечением контроля правопорядка, миграционной политикой, культурной политикой, поддержкой общественных организаций, способствующих сближению проживающих в крае народов.

4. В настоящее время доминирующее значение в освещении характеристик представителей различных этнических групп приобретают социальные сети, публикации в которых преобладают как численно, так и в плане совокупного охвата аудитории. Если рассматривать качественный аспект освещения основных этносов в медиaprостранстве, можно констатировать преобладание нейтральных и негативных по своей тональности сообщений, в то время как число позитивных сообщений обо всех рассмотренных этносах многократно меньше, нежели число негативных сообщений. Это характеризует момент напряженности в развертывающихся в настоящее время межэтнических отношениях, а также создает предпосылки для их обострения. При этом анализ медийной представленности этносов, проживающих на территории края, свидетельствует о том, что существует значительное расхождение в способе отражения длительное время проживающих в крае народов и этнических групп, осваивающих социальное пространство региона в настоящее время (новых диаспор и землячества). Отражение длительное время проживающих в регионе народов благоприятно для их интеграции в

социальное пространство региона, в то время как обширная представленность негативных информационных сообщений о представителях новых диаспор и землячества препятствует их интеграции в структуру региона и создает предпосылки для развития конфликта между коренным населением и субъектами миграции.

5. Действующие социальные институты играют двойственную роль в формировании межэтнических отношений: они детерминируют уровень качества жизни и социальной удовлетворенности членов общества (тем самым определяя их конфликтогенный потенциал), а также выступают в роли среды взаимодействия и альтернативного по отношению к этническому основания групповой идентификации. Это определяет потенциал отдельных институциональных сфер в нормализации межэтнических отношений. Оценка характеристик институциональных факторов выстраивания межэтнических отношений на территории Краснодарского края позволяет судить о том, что на уровне региона имеют место, в целом, благоприятные условия выстраивания межэтнического взаимодействия, связанные с состоянием основных общественных институтов. При этом ограничения в сфере институционального взаимодействия связаны, преимущественно, с характером субъектности приезжих (социально-правовой, материальный статус, языковые компетенции, гражданство и т. д.).

6. По результатам авторского эмпирического исследования было выявлено, что в настоящее время в Краснодарском крае наблюдается умеренный уровень межэтнической напряженности, при этом основные проблемы, которые отметили респонденты, относятся к области социально-мировоззренческих факторов, что свидетельствует о преобладающем значении социокультурного аспекта межэтнической напряженности. Данное положение было подтверждено также на уровне эмпирических материалов, свидетельствующих о преобладании в медийной сфере информации, способствующей развитию негативных форм социального восприятия представителей других этносов. Приоритетным направлением создания предпосылок для интеграции различных этнических групп в социальное пространство региона на настоящий момент является социокультурная сфера,

определяющая ключевые аспекты коллективных представлений и установок членов общества и задающая характер реализуемых ими социальных практик.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования связана с производимой в процессе работы систематизацией знания об основных детерминантах межэтнического взаимодействия, а также с построением теоретической модели, описывающей динамическую взаимосвязь между этнокультурными, социально-информационными и институциональными факторами межэтнического взаимодействия.

Практическая значимость исследования обусловлена прикладным характером работы и ее ориентацией на решение актуальной социальной проблемы межэтнической напряженности. Результаты исследования могут быть использованы как теоретико-методологическая база для мониторинга межэтнических отношений в полиэтническом регионе. Отдельные результаты исследования могут быть использованы в рамках подготовки учебных курсов по дисциплине «Социология», а также в рамках осуществления научных разработок, посвященных тематике межэтнических отношений.

Соответствие темы диссертации паспорту научной специальности. Область исследования соответствует научной специальности по следующим пунктам: 4. Теории и процессы социальной дифференциации/интеграции. Критерии и факторы социальной дифференциации/интеграции. Новые основания сегментации социальной структуры; 7. Динамика и адаптация социальных групп и слоев в трансформирующемся обществе; 16. Особенности формирования и динамики социально-демографических, социально-этнических, гендерных групп населения и соответствующих неравенств.

Апробация результатов исследования. Основные положения и идеи диссертации прошли апробацию и были одобрены в рамках различных научно-практических конференций:

Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы (Всероссийская научно-практическая конференция, 13 апреля 2021 г.,

г. Уфа); Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты (VII Международная научно-практическая конференция, 20 ноября 2020 г., г. Краснодар); Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике (III Международная научно-практическая конференция, 20 апреля 2021 г., г. Москва); Управление культурными различиями и цифровизация как векторы устойчивого развития высшего образования: международный опыт и особенности Центральной Азии и России (Международная научно-практическая конференция, 14-15 октября 2021 г., г. Новочеркасск).

Основное содержание и выводы диссертации изложены в 14 публикациях, в том числе в 7 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав по три параграфа в каждой, заключения, списка использованной литературы из 180 источников и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРАКТИК В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1.1. Социально-интеграционные практики инокультурных групп в принимающем сообществе как предмет междисциплинарных исследований

Закономерной тенденцией развития общества является дифференциация, вызванная усложнением общественной структуры⁴⁶. Происходит увеличение числа социальных ролей, разделение населения по критериям материального достатка, образования, профессиональной принадлежности, культурной определенности. Исследователи обращают внимание на риски социальной фрагментации⁴⁷, как одной из крайних форм дифференциации, в результате которой происходит обособление отдельных элементов общественной структуры, групп и сообществ, нарушение связей между ними. Для сохранения целостности общественной системы необходимо, чтобы процессы социальной дифференциации уравновешивались социальными механизмами и практиками, обеспечивающими консолидацию членов общества, их включение в общую структуру социального взаимодействия. Это определяет значимость исследования механизмов социальной интеграции членов общества, характеризующихся существенными различиями по

---

⁴⁶ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: пер. с фр. / Э. Дюркгейм, А. Б. Гофман, В. В. Сапов. – Москва : Наука, 1991. – 572 с.

⁴⁷ Сащенко, Н. П. Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии / Н. П. Сащенко // Наука. Культура. Общество. - 2022. - № 4. - С. 22–35.

отдельным социальным признакам. Подобная позиция находит свое выражение в рассмотренных нами зарубежных работах⁴⁸.

Одним из немаловажных аспектов социального деления является этническая определенность, задающая выделение специфических социальных групп, определяемых по критериям этнической и культурной принадлежности. Проблема интеграции членов общества, относящихся к различным этническим группам, в социальную среду полиэтнического региона имеет высокую степень актуальности: речь идет о процессе, который изначально осложнен различиями в традициях, ценностях, социальных нормах у представителей различных этносов, и ситуация лишь усугубляется тем, что данные противоречия получают отражение на уровне общественного сознания⁴⁹.

Социально-политические процессы, развернувшиеся в результате распада СССР, привели к формированию особой структуры взаимодействия, характеризующейся высоким уровнем подвижности системы социальных отношений в условиях активных миграционных процессов, реализуемых на постсоветском пространстве⁵⁰. Под влиянием политических, экономических, информационных факторов, возникают новые вызовы, связанные с необходимостью обеспечения стабильности общества в условиях интенсивного преобразования общества. В этих условиях осмысление социально-интеграционных практик, реализуемых представителями различных этнических групп, приобретает

---

⁴⁸ Amstutz, M. An Introduction to political science. The management of conflict / M. Amstutz. – Northbrook, Illinois : Scott Foresman & Co. – 1982. – 432 p; Greenfield, L. Nationalism: Five Roads of Modernity / L. Greenfield. – New York, 1992. – P. 581; Krisberg, L. Sociology of Social Conflict / L. Krisberg. – New Jersey : Prentice-Hall, 1973. – 300 p; Lambert W.E. and Wneberg O. Children's Views of Foreign Peoples. A Cross-National Study. New York, 1967; Lynn, R. Personality and National Culture / R. Lynn. – New York : Pergamon Press, 1971. – 201 p; Smith, A. The Ethnic Origin of Nations / A. Smith. – Oxford, 1986. – 312 p; The Cold War as Cooperation: Superpower Cooperation in Regional Conflict Management. – London, 1991. – 439 p; Yinger, J. M. Ethnicity of complex societies: Structural, cultural and characterologic factors / J. M. Yinger // The uses of controverse in sociology. – New York, L., 1976; 177. Lambert, W. E. Children's Views of Foreign Peoples. A Cross-National Study / O. Wneberg, W. E. Lambert. – New York, 1967. – 319 p.

⁴⁹ Климова, С. Г. Изменения ценностных оснований идентификации / С. Г. Климова // Социс. – 1995. – № 1. – С. 59-72.

⁵⁰ Одной из основных детерминант активной миграционной деятельности в постсоветском пространстве является экономическая целесообразность миграционной активности: по оценкам исследователей, свыше 90% мигрантов из стран ближнего зарубежья приезжают в Россию ради заработка, при этом средние показатели уровня миграции составляют 4–6 миллионов человек в год. См. Гаева, А. С. Международная миграция на постсоветском пространстве: современное состояние и прогнозы / А. С. Гаева // Обозреватель - Observer. - 2021. - № 4 (375). - С. 87–103.

высокую степень значимости как с точки зрения обогащения социологической теории, описывающей структуру и характер межэтнических отношений, так и с точки зрения практического запроса на формирование социального знания, позволяющего осуществлять адекватную оценку структуры и характера выстраивающихся межэтнических отношений, а также определение дальнейших тенденций их изменения и доступных «точек воздействия» на ситуацию⁵¹.

Одной из ключевых задач на первоначальном этапе исследования является теоретическая детализация проблемы социально-интегративных практик, реализуемых в ходе выстраивания межэтнического взаимодействия. Исходя из этого актуализируется задача определения теоретических оснований исследования межэтнических отношений. Рассмотрим основные подходы, обращение к которым может способствовать пониманию данной проблемы.

Характеризуя специфику межэтнических отношений, стоит отметить, что выстраивание социального взаимодействия между представителями различных этносов реализуется в конкретном социально-политическом и историческом контексте, определившем практики выстраивания отношений между представителями разных народов, проживающих на территории одной страны⁵². Социально-политическое пространство, на уровне которого реализуется взаимодействие между представителями различных народов, выражается в таких терминах, как «многонациональное государство» (если речь идет о конкретной стране, взятой в целом) и «полиэтнический регион» (если подразумевается область взаимодействия представителей разных народов, ограниченная географическими рамками конкретного региона). В ходе исторического сосуществования различных народов на одной территории усилиями власти, а также в результате влияния общих для всего населения факторов формируется альтернатива по отношению к этническому самосознанию – гражданская (национальная) самоидентификация,

---

⁵¹ Волков, Ю. Г. Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты : учебное пособие / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. – Ростов-на-Дону : РГУ, 1994. – 262 с.

⁵² Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы : ежегодник. - Вып. 25. - Москва : Наука, 1998. – 284 с.

имеющая интегративный, объединяющий характер. В этом смысле характер межэтнического взаимодействия определяется соотношением этнической и гражданской самоидентификации⁵³. «Восприятие другого» как акцентуация на принадлежности человека к иному этносу (его иноэтничность) сосуществует и взаимодействует с «восприятием своего» – представителя общей социально-политической системы. При этом наиболее остро осознание различий реализуется в условиях, когда действие социальных факторов аккомодации и ассимиляции (в терминологии Р. Парка) носит незначительно выраженный характер. Именно по этой причине рассмотрение иноэтничности⁵⁴ как социального признака (при всей универсальности данной категории, характеризующей принадлежность к другому народу) чаще всего реализуется в контексте социальных практик и отношений между членами общества, различия и противоречия в этнокультурных установках которых еще не сгладились в ходе социальной практики. Речь идет о ситуациях миграции (как внешней, связанной с переездом людей из другой страны, так и с внутренней, при которой люди мигрируют из одного региона в другой и сталкиваются с различиями в социальной и культурной среде, к которым им еще только предстоит адаптироваться⁵⁵). В этом контексте актуализируется применение таких категорий, как «принимающее сообщество»⁵⁶, «титульный этнос»⁵⁷, «этническая группа»⁵⁸.

---

⁵³ Грамотунова, Н. К. Этническая идентификация и этническая идентичность / Н. К. Грамотунова // Символ науки. – 2016. – № 7-2. – С. 140–141.

⁵⁴ Подразумевается принадлежность к этнокультурной общности, оцениваемой субъектом восприятия в качестве внешней по отношению к его собственной этнической группе.

⁵⁵ Капицын, В. М. Регуляторы адаптации мигрантов (вопросы методологии и классификации) / В. М. Капицын // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5. – № 1(14). – С. 158–166.

⁵⁶ Подразумевается совокупность жителей региона, обладающих сложившейся системой норм и практик взаимодействия, обладающих определенной мерой социальной устроенности и включенности, в отличие от которых приезжие (мигранты) характеризуются различиями как по критерию культурной определенности, так и по критерию институционально определенных возможностей, жилищного статуса и т. д.

⁵⁷ Под титульным этносом подразумеваются представители народа, проживающего в конкретном социально-политическом объединении, характеризующего преобладающими социально-политическими возможностями, а также близостью культурных норм с утвержденной системой права. Само понятие «титульности» связывается исследователями с обозначением связи между наименованием народа и социально-политической единицы, в роли которой может выступить отдельный регион или целая страна. Вместе с тем принцип титульности не связывается исключительно с наименованием государства или его субъекта и отражает, в первую очередь, доминирующие позиции конкретного этноса. См., например, Авксентьев В. Этнические элиты и этнократии Северного Кавказа: взаимодействие с институтами современного общества / В. Авксентьев, В. Васильченко // Россия и мусульманский мир. - 2014. - № 11 (269). - С. 68–86.

⁵⁸ Общность, составленная представителями конкретного этноса.

На первоначальной стадии исследования следует обратить внимание на то, что отражение в исследовательской традиции условий и характеристик межэтнического взаимодействия в значительной степени подчинено способу понимания этничности как социальной, культурной и морфологической определенности членов общества. В данном контексте можно выделить три классических позиции, в русле которых трактуется категория этноса:

- примордиализм, в рамках которого всякий этнос рассматривается в единстве эволюционно-биологических (генетически заданных) характеристик представителей конкретного народа и их ментально-культурных характеристик. С точки зрения сторонников примордиализма этнос определяется как «...особая интегральная общность с присущими им чертами этничности в виде территории, языка, осознаваемого членства, общего психического склада»⁵⁹;

- конструктивизм, полагающий этничность в качестве сконструированной идентичности (что определяет вариативность этнокультурных характеристик и возможность значительных трансформаций этнокультурных установок представителей конкретной общности). Сторонники конструктивизма определяют этнос как «...некий ментальный конструкт, создаваемый самим индивидом в процессе построения своей когнитивной картины мира благодаря целенаправленному воздействию на него извне элитарных творцов культуры и который впоследствии используется в качестве инструмента при решении политических и экономических задач»⁶⁰;

- инструментализм, рассматривающий этничность в контексте социально-политических процессов как искусственную форму коллективной самоидентификации, обеспечивающую управляемость масс и возможность мобилизационной деятельности со стороны политических элит. Поэтому, например, Дж. Найджел отмечает, что «этничность может возникать, усиливаться или ослабевать в зависимости от ситуации»⁶¹.

---

⁵⁹ Триль, Ю. Н. Феномен этноса как научная проблема / Ю. Н. Триль // Вестник Майкопского государственного технологического университета. - 2009. - № 3. - С. 37–41, С. 38.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 38.

Следует отметить, что способ осмысления природы этничности отчасти определяет характер подхода к трактовке межэтнических отношений, в частности, способ постановки вопроса об условиях и возможных формах интеграции представителей разных этносов в структуру социального взаимодействия. Рассмотрение межэтнического взаимодействия в рамках парадигмы примордиализма предполагает отсутствие гибкости участников взаимодействия, связанное с тем, что их характеристики предопределены не только на культурном, но и на генетическом уровне; в свою очередь, представление о природе этничности, свойственное сторонникам конструктивистского подхода, допускает момент вариативности социальных характеристик субъектов, относящихся к одному этносу, а также возможность их изменения в процессе включения в социальную среду принимающего региона. Последнее делает возможным осмысление таких процессов, как адаптация и ассимиляция приезжих в процессе их встраивания в социальную и культурную среду принимающего региона⁶², что характеризует значительный эвристический потенциал данного подхода.

Проблематика интегративных практик в межэтнической среде разрабатывается в контексте общих теоретических подходов, описывающих взаимодействие между представителями различных этнических групп. В ходе разработки данной проблемной области выделились следующие преобладающие направления исследовательской деятельности:

- *культурное*, описывающее процесс взаимодействия представителей различных этносов с точки зрения динамики межкультурного взаимодействия и ориентированное на осмысление процессов, связанных с актуализацией (или деактуализацией) культурных различий в межэтнической среде. К числу таковых подходов относятся теория аккультурации и мобилизации;

- *структурное*, описывающее взаимодействие различных этнических общностей в экономической и социально-политической сферах. К числу таковых относятся теории интегрированности и внутреннего колониализма.

---

⁶² Дьячков, М. В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах / М. В. Дьячков // Социс. – 1995. – № 7. – С. 88-92

Рассмотрим по порядку специфику данных теоретических подходов. Теория аккультурации была разработана в 30-е годы XX века такими американскими культурными антропологами, как Р. Редфилд, Р. Линтон, М. Херсковиц. В рамках их теории, как отмечает И. Ю. Глинская, было выдвинуто положение о том, что в процессе взаимодействия носителей различных культур происходит смешивание культурных традиций, вплоть до достижения однородности, при которой культурные различия между представителями различных народов, фактически, стираются⁶³. Данная теория легла в основу знаменитой идеи среды межкультурного взаимодействия как «плавильного котла», в котором со временем происходит интеграция одних элементов сосуществующих культур и предание забвению других. Центральным моментом данного подхода является принцип ассимиляции, которая рассматривается как длительный и постепенный процесс вливания представителей различных этносов в общую культурную среду, в процессе чего происходит постепенное стирание различий⁶⁴.

Что касается теории мобилизации, в ее основе лежит представление о роли государственной власти в навязывании малым этносам, проживающим на уровне конкретного региона или страны, форм идентичности и культурных установок, которые отвечают интересам власти и соответствуют принятой в конкретном обществе системе социального взаимодействия⁶⁵. Данная теория во многом близка к конструктивистскому и инструменталистскому подходам, поскольку допускает момент задания новых форм идентичности⁶⁶; при этом в рамках данного подхода существенная роль отводится идеологическому и культурно-информационному воздействию на представителей этнических меньшинств, что способствует недопущению отторжения интегрирующего мобилизационного воздействия (что

---

⁶³ Глинская, И. Ю. Диалог культур в рамках мультикультурного пространства Евразии / И. Ю. Глинская // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. - 2007. - № 3. - С. 11–15.

⁶⁴ Арзиева, Н. Т. Концепция «Плавильного тигеля» как модель этнического развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 5–1. - С. 45–47.

⁶⁵ Халтурин, А. Н. Этнокультурное взаимодействие: понятие, теории, модели / А. Н. Халтурин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 60–66.

⁶⁶ Слизский, Е. А. Взаимосвязь гражданской и национальной идентичности в условиях миграционных процессов многонационального российского общества / Е. А. Слизский // Символ науки. - 2021. - № 4. - С. 183–186

может привести к обратному эффекту конфронтации между малым этносом и социальной средой локального общества, вплоть до возникновения сепаратистских установок). В данном контексте некоторые авторы обращают внимание на роль политических технологий и, в частности, роль личности правителя (что восходит к идее «харизматичного лидера» М. Вебера⁶⁷), как фактора, влияющего на характер национальной и этнической самоидентификации представителей этнических меньшинств.

Различия в нормах, традициях, способе мировоззрения, характере постановки и реализации целей – один из мощных факторов выстраивания межэтнических отношений, однако характер взаимодействия между представителями различных этносов не ограничивается проявлением этнокультурных факторов: для пояснения данного положения достаточно отметить роль социально-исторических, в частности, политических, оснований межэтнического взаимодействия, при которых сходные в культурном плане народы могут на длительный срок вступать в острую конфронтацию, либо (при других обстоятельствах) мирно сосуществовать⁶⁸. Также немаловажное значение имеет то, что процесс выстраивания отношений между представителями различных этнических групп может определяться конкретными социальными ситуациями, создающими условия как для роста напряженности, так и, напротив, для налаживания конструктивных отношений. В данном контексте примечательным является высказывание А. Н. Халтурина о том, что среди исследований межэтнического взаимодействия условно можно выделить работы, посвященные дискурсивному осмыслению культурного и структурного аспектов взаимодействия представителей различных народов⁶⁹. В рамках структурного дискурса выделяются теории социальной интегрированности и внутреннего колониализма⁷⁰.

---

⁶⁷ Подробнее о концепции харизматичного лидера М. Вебера см. Гениндоржиева, Д. Б. Концепция харизмы Макса Вебера / Д. Б. Гениндоржиева // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. - 2013. - № 5. - С. 131–135.

⁶⁸ Кененов, Т. В. Теория межэтнических отношений в работах исследователей / Т. В. Кененов // Вестник науки. – 2020. – № 1 (22). – С. 76–79.

⁶⁹ Халтурин, А. Н. Этнокультурное взаимодействие: понятие, теории, модели / А. Н. Халтурин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 60–66.

⁷⁰ Там же.

Теория социальной интегрированности, отдельные компоненты которой близки по своему содержанию идейным установкам структурного функционализма, предполагает значимость включения представителей нетитульного этноса в структуру экономического взаимодействия, что задает тесный межэтнический контакт и определяет принятие представителями этнических меньшинств ролевого набора и моделей поведения, которые характерны для принимающего региона. Как отмечает А. Н. Халтурин, в рамках теории интегрированности культурная ассимиляция становится лишь следствием, органичным продолжением активного включения мигрантов в систему социально-экономических отношений⁷¹.

Особенность теории внутреннего колониализма заключается в том, что в ее рамках раскрываются механизмы навязывания культурной традиции представителями элит, относящихся к этническому меньшинству на уровне конкретной социальной среды, при этом ресурсом для осуществления данного процесса становятся экономические и политические возможности представителей малой этнической группы. Данная теория получила развитие в трудах М. Хетчера, развивавшего идею культурного разделения труда, по сути, стратификации по этнокультурному признаку, в ходе которой отдельные этнические элиты монополизируют ряд сфер общественной жизни⁷². В качестве примера ситуации внутреннего колониализма можно привести процессы организации крупного бизнеса в слаборазвитых странах, в результате которых носители экономической деятельности, будучи в количественном меньшинстве, характеризуются наличием доминирующих позиций в социальной сфере.

Отдельного внимания заслуживает когнитивный подход, описывающий различия в картине мира представителей различных этносов как фактор взаимодействия между ними. Специфика когнитивного подхода состоит в

---

⁷¹ Халтурин, А. Н. Этнокультурное взаимодействие: понятие, теории, модели / А. Н. Халтурин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 60–66.

⁷² Деметрадзе, М. Р. Современные теоретические подходы к исследованию национализма / М. Р. Деметрадзе, С. П. Шорохова // Вестник «ИМЦ». - 2020. - № 3 (28). - С. 22–26.

осмыслении различий языкового, ценностно-нормативного плана, различиях в представлениях об окружающей действительности, характерных для представителей различных этносов⁷³. Данный подход рассматривает культуру этноса с точки зрения ее влияния на индивидуальное мировоззрение, и через это – «точки пересечения» и расхождения позиций представителей разных этносоциальных групп. Важной особенностью когнитивного подхода является его близость к сфере психологического знания⁷⁴, а также потенциал осмысления таких вопросов, как роль процессов идентификации и самоидентификации в выстраивании межэтнического взаимодействия. Рассматривая положение данного подхода в общей системе теорий, описывающих этнокультурное взаимодействие, следует отметить, что представленная выше классификация является во многом условной и не исчерпывает весь спектр возможных теоретических подходов, ряд из которых объединяет отдельные аспекты структурного и культурного осмысления межэтнического взаимодействия, либо предполагает альтернативный взгляд на данный вопрос. Отчасти когнитивный подход можно отнести к разновидности культурного подхода к межэтническому взаимодействию, однако это связано, преимущественно, с мировоззренческой составляющей и ее трактовкой.

Рассматривая подходы к осмыслению процессов интеграции представителей различных этносов в структуру социального взаимодействия принимающего региона, стоит отдельно обратить внимание на исследовательский подход основоположника Чикагской социологической школы Р. Парка, который концептуализировал значение социальной среды и ввел классификацию форм выстраивания межэтнических отношений, основанную на типах взаимодействия, развертывающегося между представителями разных этнических групп и степени их интеграции в социальную систему. Теория Парка, определяемая им самим как «социальная экология», основывается на рассмотрении роли и значения

---

⁷³ Суюнова, Г. С. Межэтническая коммуникация с точки зрения когнитивного подхода / Г. С. Суюнова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2014. - № 2. - С. 41–49.

⁷⁴ В данном контексте, в частности, вызывают интерес отдельные подходы, связанные с рассмотрением непривычных для носителей конкретной этнокультурно-обусловленной социальной картины мира ограничений на уровне принимающего региона как основания фрустрации и, как следствие, роста напряженности.

социального пространства как среды взаимодействия, причем социальное пространство рассматривается им в детализированной форме – не только как область пересечения интересов и возникновения ситуативных коммуникаций, но и как среда, отношения в которой характеризуются большей или меньшей степенью дистанцированности. При этом одним из центральных понятий в социологической теории Парка становится понятие маргинальности. Разработка концепции маргинального состояния была осуществлена Парком в контексте анализа активных миграционных процессов, протекающих в Чикаго, в результате которых в рамках общего социального пространства сталкивались люди, принадлежащие к различным социальным прослойкам, в том числе, культурным традициям, что порождало затруднения в выстраивании органичного социального взаимодействия⁷⁵. Категория маргинальности, значительно разработанная Р. Парком, в его трактовке носит междисциплинарный характер, будучи отражением комплекса явлений, имеющих отношение к области культурных, социальных и психологических⁷⁶ феноменов⁷⁷. Как отмечает А. В. Кочетков, Р. Парк удачно применил в возникшей проблемной ситуации идею Г. Зиммеля рассмотреть тип «чужака» как некую социальную универсалию⁷⁸. Важной особенностью подхода Парка при этом является то, что «слово «маргинальный» употребляется в научной литературе сразу в двух значениях (это связано с этимологией указанного слова, которое в переводе с латинского (–margo) значит «край», «граница»). В политологической, социально-экономической литературе, в обыденном употреблении под этим словом понимается ситуация, когда нечто или некто находится на периферии или границе по отношению к состоянию благополучия в стандартном его понимании. При этом слово «маргинальный» в подобном контексте употребляется, как правило, для демонстрации негативной оценки

---

⁷⁵ Кочетков, А. В. Маргинальность как социальное явление: трактовка Роберта Парка / А. В. Кочетков // Горизонты гуманитарного знания. - 2019. - № 4. - С. 96–103.

⁷⁶ Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – Москва : Наука, 1966. – 213 с.

⁷⁷ Кочетков, А. В. Маргинальность как социальное явление: трактовка Роберта Парка / А. В. Кочетков // Горизонты гуманитарного знания. - 2019. - № 4. - С. 96–103.

⁷⁸ Там же. С. 97.

ситуации. Р. Парк, рассуждая о маргинальности, пользуется вторым значением слова – он говорит о том, что некто находится не на краю, а между: между двумя культурными мирами»⁷⁹.

Для социологического подхода Парка характерно применение и соотнесение двух различных теоретических ракурсов: рассмотрение процессов, происходящих в социальном пространстве на макроуровне, что позволяет формализовать, обобщать полученные наблюдения, выявлять тенденции и действующие социальные механизмы, а также рассмотрение процессов интеграции и адаптации на микроуровне, что характеризует, с одной стороны, вариативность индивидуальных проявлений членов общества, участвующих в межэтническом взаимодействии, с другой – форму и содержание воздействия, оказываемого на них общим контекстом выстраиваемых на уровне социальной среды отношений. Принцип маргинальности Парка тесно связан с моментом несоответствия между средой, в которую оказываются включены приезжие, и тем набором моделей и практик, к которым они привыкли в своей первоначальной среде обитания. Отсюда основополагающим фактором возникающих сложностей и противоречий становится момент устаревания тех социальных установок, носителями которых являются мигранты.

Одним из важных аспектов теории Парка является разделение коллективного и социальных аспектов взаимодействия. Коллективные процессы, согласно позиции исследователя, могут иметь ситуативный, случайный характер, протекать под влиянием психических факторов. Вместе с тем формирование социальных практик и закрепление отношений возникает при условии, когда конкретные формы отношений приобретают повторяемый, воспроизводимый характер⁸⁰. Для области межэтнических отношений (которые могут реализовываться как на индивидуальном, так и на групповом уровне), Парк рассматривал следующий набор стадий интеграции в общественную систему:

---

⁷⁹ Кочетков, А. В. Маргинальность как социальное явление: трактовка Роберта Парка / А. В. Кочетков // Горизонты гуманитарного знания. - 2019. - № 4. - С. 98.

⁸⁰ Луков, В. А. Чикагская социологическая школа: начало качественной стратегии в эмпирической социологии / В. А. Луков, Д. А. Тихомиров // Горизонты гуманитарного знания. - 2019. - № 1. - С. 89–107.

- конкуренция;
- конфликт;
- аккомодация;
- ассимиляция.

Конкуренция (борьба за выживание) представляет собой исходный пункт включения в социальную среду, связанный с ограниченностью присутствующих на ее уровне ресурсов. Объектами конкурентного взаимодействия могут стать материальные ресурсы, ресурс конкретных институциональных сфер (например, бюджетные места в высшем учебном заведении или рабочие места), жизненное пространство. При этом сам по себе момент конкуренции предполагает противоречие интересов, но еще не является осознанным, личностно-ориентированным конфликтом⁸¹.

Конфликтная ситуация разворачивается в условиях интенсивного проявления противоречий между представителями разных этнических групп⁸². По сути,

---

⁸¹ Золотарева, Т. А. Влияние этнических стереотипов на становление личности и их функции / Т. А. Золотарева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 12-4 (102). – С. 134–138

⁸² Подробнее об основаниях конфликтологии межнациональных отношений, представленной в научном дискурсе см.: Аклаев, А. Р. Проблема насилия в межнациональных конфликтах / А. Р. Аклаев // Социальные конфликты. – 1993. – № 3. – б/с; Баграмов, Э. А. Национальные проблемы в современных условиях : сборник статей / Э. А. Баграмов. – Москва : ИМЛ, 1988. – 265 с.; Бородин, Ф. М. Внимание конфликт / Ф. М. Бородин, А. М. Коряк. – 2-е изд. перераб. и доп. - Новосибирск : Наука, 1989. – 18 с.; Геллнер, Э. Национализм возвращается / Э. Геллнер // Новая и новейшая история. – Москва, – 1989. – № 5; Горовиц, Д. Структура и стратегия этнического конфликта / Д. Горовиц, Р. Э. Бараш // Власть. – 2007. – № 6. – С. 35–41; Дементьев, И. О психологии национальных конфликтов / И. О. Дементьев // Коммунист. – 1990. – № 1; Денисова, Г. С. Риски конфликтогенности межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи / Г. С. Денисова, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 185–199; Жовтун, Д. Т. Противоречие и социальные конфликты в условиях социализма / Д. Т. Жовтун // Научный коммунизм. – 1989. – № 7; Загер, П. Национализм новая опасность / П. Загер // Дружба народов. – 1992. – № 7; Запрудский, Ю. Г. «Внутри конфликта» / Ю. Г. Запрудский // Социс. – 1993. – № 7. – С. 51–58; Здравомыслов, А. Г. Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов: материалы Международного симпозиума, 18–20 апреля 1994 г. / Российский независимый институт социальных и национальных проблем ; отв. ред. А. Г. Здравомыслов. – Москва : РНИСИНП, 1994; Здравомыслов А. Г. Исследование конфликта на макроуровне. Н. Новгород. 1994; Ильясов, Ф. Н. Причины и типология этнических конфликтов / Ф. Н. Ильясов // Социальные исследования. – 2017. – № 2. – С. 20–33; Кашаев, А. Е. Социальный конфликт : опыт философско-социологического анализа / А. Е. Кашаев. – Иркутск : изд-во Иркутского университета, 1998. – 365 с.; Косолапов, Н. А. Постсоветские конфликты и Россия / Н. А. Косолапов // Этнополис. – 1995. – № 5; Мнацаканян, М. О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты : учебное пособие для студентов / М. О. Мнацаканян. – Москва : Анкил, 1998. – 186 с; Мукомель, В. И. Демографические последствия этнических конфликтов / В. И. Мукомель // Этнополитический вестник. – 1992. – № 1; Нечипоренко, Л. А. Буржуазная «социология конфликта» / Л. А. Нечипоренко. – Москва : издательство политической литературы, 1982. – 142 с.; Нечипоренко, Л. А. Феномен социального конфликта в условиях социализма / Л. А. Нечипоренко // Драма обновления. – Москва, 1990. – С. 455–479; Осипов, Г. В. Социология Т. 1 : Социальная структура и социальные процессы / Г. В. Осипов. – Москва : Наука, 1990. – 203 с; Павленко, Н. В. Чужой среди своих, свой среди чужих : молодежные субкультуры в национальном культурном ландшафте Японии / Н. В. Павленко, С. Н. Якушенков // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – № 3. – С. 177–205; Паин, Э. А. Проблемы регулирования этнических конфликтов в постсоветском обществе / Э. А. Паин // Социальные конфликты:

именно на уровне конфликтной ситуации наиболее отчетливо раскрывается принцип маргинальности, описанный в теории Р. Парка, несоответствие моделей, практик взаимодействия, паттернов поведения, характерных для социокультурной среды исхода и тех принципов взаимодействия, которые характерны для социальной среды принимающего общества. При этом, с точки зрения Парка, конфликт представляет собой стадию перехода конкурентных противоречий на уровень осознанного, личностно-ориентированного отношения, характеризующего противоборство с противоположной стороной⁸³.

Особенность аккомодации как формы социальной интеграции состоит в том, что представители иноэтнических групп адаптируют свое поведение в соответствии с реалиями принимающего региона, сохраняя при этом преобладающие мировоззренческие установки. Аккомодация представляет собой форму адаптации внешних аспектов поведения представителей этнических меньшинств при сохранении ими ядра этнокультурного мировоззрения.

Ассимиляция представляет собой заключительную, завершенную форму социальной интеграции, в ходе которой происходит глубокое встраивание представителей малой этнической группы в социальную среду, связанное с принятием ими социальных установок, моделей и практик поведения, способов

экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. - Москва, 1992. - Вып. 2. - С. 123–139; Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева // под ред. М. С. Ковалевой. - Москва: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.; Петров, И. И. Проблемы социального конфликта в современной буржуазной социологии / И. И. Петров, Л. А. Семенова // Философские науки. - 1975. - № 3. - С. 82-89; Политология вчера и сегодня / Ред. кол. : В. С. Афанасьев и др. , Отв. ред. Г. И. Иванов; Академия общественных наук ЦК КПСС, Научно-информационный отдел. - Москва, 1991. - Вып. 3. - 222 с; Прохоренко, И. Л. Межгосударственные и межнациональные конфликты на территории бывшего СССР (взгляд зарубежных ученых) / И. Л. Прохоренко // США: экономика, политика, идеология. - 1994. - № 8–9. - С. 65-75; Рубан, Л. С. Межнациональные отношения и межконфессиональные противоречия / Л. С. Рубан // Социологические исследования. - 1995. - № 4. - С. 97-103; Семенов, В. С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием / В. С. Семенов // Социс. - 1993. - № 7; Слизский, Е. А. Взаимосвязь социального неравенства и возникновению очагов межэтнического напряжения / Е. А. Слизский // Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике : эл. сб. науч. статей по материалам III Международной науч.-практ. конф., 20 апреля 2021 г. - Москва : НИЦ МИСИ, 2021. - С. 320–325; Тишков, В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе / В. А. Тишков // Вопросы социологии. - 1993. - № 1/2. - С. 3-38; Чулкова, О. О. Природа социально-этнического конфликта / О. О. Чулкова // Известия МГТУ. - 2013. - № 1 (15). - С. 116–122; Эванс, Г. Ненасильственный национализм / Г. Эванс // Дружба народов. - 1992. - № 2. - С. 203-214.

⁸³ Крейк, А. И. Термин «конкурентность» как интегрирующее выражение семантически сходных проявлений противоборства между представителями вида *homo sapiens* в условиях повседневности / А. И. Крейк, Е. Д. Давыдова // Социально-гуманитарные знания. - 2022. - № 2. - С. 216–225.

социальной идентификации и самоидентификации, принятых на уровне данной среды.

Для подхода Р. Парка характерно рассмотрение данных форм взаимодействия в качестве стадий, через которые проходят отдельные представители иноэтнических групп или сообщества в процессе их интеграции в социальную и культурную среду принимающего региона, то есть фактически его теория предполагает в качестве конечной фазы выстраивания межэтнического взаимодействия ассимиляцию. Вместе с тем в настоящее время ряд исследователей обращает внимание на то, что ассимиляция представляет собой не единственный исход формирования межэтнического взаимодействия: в ряде случаев формируются устойчивые закрытые сообщества, определяемые как анклав⁸⁴, характеризующиеся значительной степенью закрытости и низкой динамикой изменения моделей и паттернов поведения их представителей при ориентации на сохранение исходных культурных установок. Исходя из этого можно сделать следующие выводы:

- в отдельных ситуациях процессы культурной ассимиляции замедляются (вплоть до остановки), что связано с внутренними практиками взаимодействия, в том числе, воспроизводства социальных и культурных установок на уровне институционализированных сообществ, представленных членами этнических меньшинств. В качестве факторов, препятствующих процессам ассимиляции и интеграции представителей малого этноса в структуру общественного взаимодействия, можно обозначить, например, запреты (или, как минимум, негативное восприятие) браков с членами общества, относящимися к другим этнокультурным единицам;

---

⁸⁴ Среди публикаций, на уровне которых обращается внимание на данную проблему, можно выделить следующие работы: Воронова М. В. Аналитическая модель факторов адаптации и интеграции мигрантов в регионах России / М. В. Воронова, В. В. Воронов // Власть. – 2019. – № 6. – С. 69–76; Мадюкова, С. А. Анклавизация как стратегия межэтнических взаимодействий в крупном городе (на примере Новосибирска) / С. А. Мадюкова, О. А. Персидская // ЭКО. - 2017. - № 10 (520). - С. 36–51; Трушкова, Е. А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях / Е. А. Трушкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. - 2018. - № 3. - С. 377–382.

- фиксация процесса социальной интеграции на определенной стадии определяет сохранение конкретных практик и социальных механизмов, направленных на воспроизводство этнокультурной идентичности и акцентуации внимания на различиях с представителями внешней среды⁸⁵. Исходя из этого можно судить о значительной роли этнических объединений, как того коллективного субъекта, на уровне которого реализуются векторы обособления.

На основании изложенного можно заключить о том, что не только воздействие социального пространства на субъектов миграции, но и структурные характеристики этнических сообществ, а также реализуемые на их уровне практики и механизмы внутреннего и внешнего социального позиционирования имеют существенное значение в контексте анализируемой проблематики. Одним из ключевых институтов, ответственных за интегративные (или дезинтегративные) процессы, становятся устойчивые сообщества представителей этнических меньшинств, которые определяют принципы формирования включенности отдельных членов общества в социокультурную среду региона, а также способ их взаимодействия с представителями других этнических групп. К числу таковых институционализированных сообществ относятся диаспоры и землячества, специфика социального взаимодействия внутри которых в значительной степени проецируется на характер межэтнических отношений в регионе. При этом от характера идентификационных стратегий, реализуемых на уровне институционализированных этнических групп, в значительной степени зависит способ поведения их представителей и их способность к адекватному включению в социальную структуру принимающего региона.

---

⁸⁵ Иванов, В. Х. Социально-психологический фактор в межнациональных отношениях / В. Х. Иванов // Социс. – 1992. – № 4; Левашкина, А. О. Трактовки понятия идентификации в отечественных и зарубежных исследованиях // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. – С. 208–211; Кон, И. С. Национальные особенности психологии людей / И. С. Кон // Социальная психология / под ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. – Москва : Политиздат, 1975. – С. 141-153; Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности : монография / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Денисова Г. С. [и др.]; отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. – 304 с.; Волков Ю. Г., Дегтярев А. К., Воденко К. В. Ценностная политика в контексте совершенствования межнациональных отношений на региональном уровне // Гуманитарий Юга России. 2017. Том. 6. № 4. С. 14-24.

Интерес представляют как процессы сплочения представителей одного этноса, так и практики межэтнического взаимодействия, реализуемые ими с учетом преобладающих моделей межгрупповых отношений, реализованных на уровне конкретной институционализированной группы⁸⁶.

Анализ существующих подходов к осмыслению межэтнического взаимодействия, а также его соотнесение с доступными эмпирическими данными, обобщающими практики выстраивания социальных отношений в полиэтнической среде, свидетельствует о нелинейном характере данного процесса: в противном случае не было бы, например, такого явления, как устойчивое обособленное сосуществование народов, сочетающееся с сохранением ими ключевых социокультурных установок (классическим примером выступает характер этнокультурного взаимодействия в Великобритании, характеризующийся отчетливой дифференциацией отдельных этносов, несмотря на длительную историю сосуществования). Еще одним аргументом в пользу неоднородности процессов этносоциального взаимодействия является наличие практик многолетнего пребывания отдельных этносов в состоянии конфликта. Это характеризует несводимость проблемы социальной интеграции в полиэтнической среде исключительно к области социоструктурных факторов (в роли которых выступает наличие общей среды взаимодействия и реализуемых на ее уровне институциональных практик), без учета исторических, культурных, политических факторов, а также понимания динамических закономерностей протекания межгрупповых конфликтов. Это, с одной стороны, характеризует сложность исследуемого вопроса, с другой – определяет применимость междисциплинарного подхода в его разрешении.

На настоящем этапе, с учетом значимости характеристик конкретных этнических сообществ, а также векторов развертывающегося на их уровне взаимодействия, целесообразной является актуализация проблемного поля, связанная с аналитическим рассмотрением специфики этнических общностей, а

---

⁸⁶ Постников, А. Н. Межэтнические отношения и процессы в современном мире / А. Н. Постников // Вестник БГУ. – 2019. – № 3. – С. 83–88.

также реализуемых на их уровне механизмов социального позиционирования (идентификации «другого» и самоидентификации). Ниже нами будет осуществлен анализ основных факторов и процессов, понимание которых способствует более детализированному и дифференцированному подходу к осмыслению межэтнических отношений.

Включение в социальную жизнь людей, относящихся к различным этносоциальным группам, в существенной степени обнаруживает зависимость от таких факторов, как социальный статус представителей различных этнических групп, их материальное положение, уровень различий культурного плана (в соотнесении с титульным этносом конкретного региона), специфика социальной самоидентификации представителей конкретной этнической группы. Представители одного и того же этноса могут характеризоваться различными социальными признаками, что в немалой степени зависит от характера их включенности в социальную структуру. Очевидны различия, например, между представителем армянского этноса, исторически проживающим на территории региона и имеющим жилище, образование и профессиональную устроенность, и представителем той же этнической группы, недавно переселившегося в целях осуществления трудоустройства⁸⁷. Социальная уязвимость мигрантов определяет ряд сложностей с включением в социальную жизнь региона, и она же задает повышенный уровень активности, направленной на приобретение своего места в системе общественных отношений. Нередко это может быть сопряжено с ростом социальной напряженности (например, по причине острой конкуренции в отдельных социальных сферах), что несет в себе серьезные социальные риски.

Итак, интеграция представителей различных народов в социальной среде полиэтничного региона не может быть рассмотрена абстрактно от социальных характеристик членов рассматриваемых этнических групп. И в данном отношении одним из критически важных аспектов рассматриваемой проблемы является характер социальной включенности представителей этнических меньшинств, что,

---

⁸⁷ Майорова, Е.А. Трудовая миграция в РФ: причины и последствия / Е. А. Майорова, М. О. Демиденко // Проблемы экономики и менеджмента. - 2015. - № 12 (52). - С. 72–75.

в частности, требует пристального внимания к таким вопросам, как характер взаимодействия внутри этнической группы, проживающей на уровне конкретного региона (включая идентификационные стратегии представителей данной группы), а также характер внешних социальных проявлений, имеющих место в процессе взаимодействия межэтнического характера.

Рассматривая данный вопрос в русле теории Р. Парка, можно констатировать, что разные представители одного и того же этноса могут пребывать на различных стадиях социальной интеграции, что не позволяет обобщенно рассматривать всех представителей конкретного этноса с точки зрения характера их включенности в структуру этносоциального взаимодействия. В данном случае правомерна постановка вопроса о роли этнических сообществ (диаспор и землячеств), в том числе, в качестве одного из институтов социализации и интеграции мигрантов. Отсюда представляет интерес то, на какой стадии интеграции находится этническое сообщество в целом.

Вместе с тем следует учитывать, что само по себе маркирование состояния этнических групп в рамках модели Парка представляет собой рационализацию, характеризующую состояние процесса включения представителей этнического меньшинства в социальную среду принимающего региона. Поскольку речь идет о характеристиках процесса взаимодействия членов общества, закономерным является признание динамики данного процесса. И здесь актуализируется вопрос о том, насколько линейным является данный процесс (в том числе, является ли он обратимым). В рамках концепции Парка конечный итог включения представителей этнического меньшинства представлен ассимиляцией, что предполагает принятие культурных установок, характерных для принимающего региона и «растворение» в его социальной среде, нивелирование различий. Однако, характеризуя стадию аккомодации, можно судить о двойственности предпосылок социального поведения и, в том числе, социального самоопределения: при сохранении фактических различий (уровень мировоззрения, культурно-ценностных предпосылок социального поведения) реализуется изменение паттернов поведения

в соответствии с общепринятыми на уровне принимающего региона практиками⁸⁸. Очевидно различие между «внешними» и «внутренними» (характерными для этнического сообщества на уровне диаспоры или землячества) социальными установками; при этом следование внешним нормам предполагает, с одной стороны, необходимость соблюдения такого условия, как понимание набора этих внешних норм, однако не сводится к нему, подобно тому, как знание закона еще не гарантирует его повсеместное выполнение. Отсюда, при условии ослабления влияния мотивирующих факторов, способствующих социально приемлемому (с точки зрения социальной модели, принятой на уровне принимающего региона) поведению, правомерно предположение о возможности нарушения аккомодации как формы интеграции представителей этнического меньшинства в социальную среду региона, иными словами, об обратимости процесса социальной интеграции представителей этнических меньшинств.

В исследовательской среде, в рамках рассмотрения полиэтнического взаимодействия, выделяются две основные формы объединения представителей этнических меньшинств – диаспоры и землячества. Именно на их уровне реализуется групповое взаимодействие представителей этнических меньшинств и, соответственно, в их рамках реализуются идентификационные стратегии и выстраиваются механизмы встраивания в социальную среду принимающего региона. Рассмотрим основные особенности землячеств и диаспор как форм группового объединения представителей нетитульного этноса на уровне принимающего региона⁸⁹.

Под диаспорами понимается сообщество, формируемое субъектами миграционных процессов, являвшимися гражданами другого государства и переехавшими из него временно либо на постоянное место жительства. Ключевым, определяющим аспектом в данном случае является момент происхождения из

---

⁸⁸ Слизский, Е. А. К вопросу о предпосылках развития конфликтности в межэтнической среде / Е. А. Слизский // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 11. – С. 41–44.

⁸⁹ Скоробогач, Н. И. К вопросу о термине «общественные объединения этнического характера» / Н. И. Скоробогач // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 67. – С. 161–166.

другой страны⁹⁰, определяющий следующие аспекты социальной включенности мигрантов:

- сложность поддержания связи с родственниками, проживающими на территории другого государства;
- отсутствие опыта взаимодействия с титульной нацией принимающего региона;
- недостаточное знание культурных особенностей принимающего региона (и, соответственно, на первоначальном этапе – проблемы с установлением конструктивного взаимодействия с местным населением, с учетом проявляющихся культурных различий, непонимания мигрантами определенных традиций, норм и т. д.);
- сложности, связанные с юридическим статусом приезжих, не имеющих гражданства;
- языковые проблемы, связанные с недостаточным для поддержания коммуникации владением языком, на котором общаются представители титульного этноса. Данная проблема, по факту, представляет собой одно из наиболее серьезных препятствий по включению в социальную жизнь принимающего региона⁹¹.

Следует отметить, что диаспора не является формальным институциональным объединением. Она формируется на основании неформального сетевого взаимодействия между выходцами из другого государства, проживающими на территории конкретной страны. В этом плане характерным моментом является то, что отношения между представителями

---

⁹⁰ Курносова, Л. С. Понятие диаспоры в социологическом дискурсе / Л. С. Курносова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1. – С. 235–240.

⁹¹ Примечание: Представленные выше аспекты затруднений, связанных с включением в социальную среду принимающего региона иностранных мигрантов, не являются действительными для каждого конкретного случая в силу того, что принадлежность к другому государству представляет собой формальный признак, далеко не всегда свидетельствующий о социальных и культурных характеристиках человека. Так, например, следует обратить внимание на тот факт, что во многих странах СНГ население свободно владеет русским языком и на достаточном уровне знакомо с традициями и культурой русского народа, что в значительной мере облегчает выходцам из стран СНГ включение в социальную среду российских регионов. По этой причине наделение представителей диаспорных групп определенными социальными характеристиками в ходе исследовательского процесса необходимо осуществлять с осторожностью, а именно необходимо учитывать социально-исторические и культурные особенности государства, выходцы из которого мигрируют на территорию Российской Федерации.

диаспоры могут пройти стадию институционализации, что выражается в формировании национально-культурной автономии. При этом различие между диаспорой и национально-культурной автономией состоит не только в формализации отношений, но и в том, что на уровне национально-культурной автономии реализуются механизмы воспроизводства культурной идентичности конкретного народа, в то время как связи и отношения, реализуемые на уровне диаспор, ориентированы прежде всего на социальную поддержку включенных в них людей в рамках адаптации к условиям принимающего региона. То же самое справедливо и для землячеств, но с учетом специфики социального (прежде всего гражданского) статуса представителей землячеств, а также их культурного опыта.

Рассматривая особенности землячеств, следует отметить, что речь идет об этносоциальных группах, сформировавшихся в результате миграционных процессов, реализуемых внутри локального государства (в основном подразумевается, что коренные жители одного региона образовали землячество, переселившись в другой регион того же государства⁹²), что определяет социальные особенности представителей земляческих групп. К их числу относятся следующие:

- более высокая способность к включению в социальную среду принимающего региона, связанная со знанием его социокультурной специфики, близкой по своему характеру с особенностями социальной среды, выходцем из которой является мигрант;
- отсутствие или меньшая представленность языковых затруднений, имеющая место ввиду наличия практики взаимодействия с представителями титульного этноса;
- возможность беспрепятственного взаимодействия с родственниками и знакомыми, проживающими в стране, в рамках которой осуществляются миграционные процессы;

---

⁹² Скоробогач, Н. И. К вопросу о термине «общественные объединения этнического характера» / Н. И. Скоробогач // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 67. – С. 161–166.

- отсутствие формальных проблем, связанных с иностранным гражданством (что непосредственно проистекает из внутригосударственного характера миграционных процессов, в результате которых формируются землячества)⁹³.

Итак, уже на уровне проведенного анализа становится понятно, что между диаспорными и земляческими группами имеют место существенные различия, связанные со спецификой реализации социальной включенности входящими в них субъектами миграционных процессов⁹⁴. Вместе с тем следует отметить, что само по себе разделение на диаспоры и землячества в том определении, которое было дано, может привести к определенным затруднениям теоретического плана в силу того, что представители одного и того же этноса могут проживать на территории различных государств и, соответственно, в рамках одного и того же государства могут иметь место представители одного и того же этноса, относящиеся (по критерию происхождения) к разным государствам. С этой точки зрения сложно квалифицировать социальное объединение, включающее в себя как локальных мигрантов, так и выходцев из другого государства. В данном случае одним из способов преодоления данного затруднения является уточнение, согласно которому под диаспорами понимаются объединения представителей этнических групп, относящихся к титульному этносу другого национального государства. При этом уже требует уточнения такой аспект, как статус членов общества, относящихся к титульному этносу другого государства, но являющихся гражданами России и осуществляющих миграционные процессы из одного ее региона в другой. В большинстве своем этнические объединения, включающие в себя подобного рода мигрантов, обозначаются в качестве диаспор, что несколько усложняет процессы теоретического анализа специфики социального включения

---

⁹³ Слизский, Е. А. Противоречивость миграционных процессов в условиях межнационального общества: социологический анализ факторов конфликтогенности / Е. А. Слизский // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 5. – С. 31–35.

⁹⁴ Абашин, С. И. Здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию / С. И. Абашин // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / Автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 159–176; Абылкаликов С. И. Миграционная активность и приживаемость населения регионов России // С. И. Абылкаликов // Региональные исследования. – 2015. – № 3 (49). – С. 65–73; Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России : коллективная монография / Редактор и составитель М. С. Розанова; перевод с английского языка М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. – Санкт-Петербург : Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ», 2016. – 192 с.

представителей диаспор и землячеств на уровне российского общества. Вместе с тем, помимо социальных характеристик представителей диаспор и землячеств, имеют место определенные структурные различия между ними, связанные непосредственно с функциональным аспектом поддержки прибывших из другого региона (или государства) представителей определенного этноса. Применительно к диаспорам следует отметить, что здесь наблюдается более ярко выраженная зависимость прибывающих от уже проживающих на территории региона представителей их этнической группы, в то время как на уровне землячеств имеет место скорее момент консолидации по этническому признаку, нежели наличие организованных механизмов поддержки вновь прибывших⁹⁵.

Выше уже был определен сложный, междисциплинарный характер проблемы межэтнического взаимодействия, связанный с воздействием на него факторов, различных по своей природе и, соответственно, относящихся к области исследования различных наук. Рассмотрим подробнее специфику данных аспектов проблемы. Прежде всего, следует начать с анализа значения экономического аспекта определенности принимающего региона, поскольку область экономических отношений определяет базовые условия, в которых оказываются мигранты. По факту вопрос о возможности трудоустройства, ценах на жилье, продукты, услуги, а также момент доступности различных благ имеет важнейшее значение как в процессе принятия решения о переселении, так и в формировании первичных социальных условий существования мигрантов. Отдельного внимания в данном случае заслуживает такой аспект, как уровень качества жизни коренного населения и мигрантов, имеющий место на уровне конкретного региона. Чем ниже материальные возможности членов общества, тем, соответственно, интенсивнее представлены предпосылки для развития социальной напряженности и, как следствие, разворачивания социальных конфликтов. Причем приезжие в данном случае нередко рассматриваются в качестве «виновников» повышенной

---

⁹⁵ Слизкий Е.А. Феномен «диаспоры» в контексте динамики развития современного общества // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 18. Редколлегия: С.Ф. Самойлов, В.В. Плотников, Е.В. Шевченко [и др.]. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 168-171.

конкуренции, сложностей в трудоустройстве и т. д. И, напротив, чем более благоприятные социально-экономические условия имеют место на уровне конкретного региона, тем больше предпосылок для адекватного сосуществования представителей различных этнических групп.

Рассматривая вопрос об экономических факторах развертывания межэтнических отношений, нельзя обходить вниманием такой важный момент, как экономические предпосылки миграционных процессов, связанные с неоднородностью экономической обстановки в разных частях страны⁹⁶. В частности, имеют место обширные предпосылки переселения членов общества в экономически благополучные регионы и, напротив, массовый переезд из регионов, возможности для экономического развития в которых неблагоприятны. Это создает специфическую ситуацию этнической неоднородности распределения населения, коррелирующей с характером экономической обстановки в регионах. Отчасти указанный выше аспект нивелирует принцип снижения уровня предпосылок развития межэтнической конфликтности в экономически развитых регионах в силу того, что в них наблюдается существенно большая плотность распределения этнически маркированного населения, не относящегося к титульному этносу. Типичными примерами указанной ситуации могут выступать Москва и Краснодарский край⁹⁷, в которых имеет место благоприятная экономическая ситуация, и при этом наблюдается высокий уровень миграционных процессов⁹⁸. Вместе с тем анализ экономического аспекта ситуации в межэтнической среде должен учитывать также такую характеристику, как нишевый характер экономической деятельности представителей конкретных этнических групп⁹⁹.

---

⁹⁶ Майорова, Е.А. Трудовая миграция в РФ: причины и последствия / Е. А. Майорова, М. О. Демиденко // Проблемы экономики и менеджмента. - 2015. - № 12 (52). - С. 72–75.

⁹⁷ Тюрина, И. О. Трудовые мигранты на московском рынке труда: проблемы и перспективы / И. О. Тюрина // Власть. - 2012. - № 4. - С. 86–89.

⁹⁸ Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в регионах южного федерального округа : экспертный доклад 2018 г. / Г. С. Денисова, М. В. Донцова, Петров [и др.]. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. – 134 с.; Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне всероссийской переписи населения в регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад. 2020. / Г. С. Денисова, В. Н. Петров, А. В. Баранов [и др.] ; отв. ред. проф. Денисова Г. С. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2020. – 202 с.

⁹⁹ Примечание: Рассмотренные выше вопросы входят в область исследования непосредственно экономического знания, а также социальных наук, исследующих институциональные аспекты общественной жизни,

Обратимся к следующему вопросу, имеющему непосредственное отношение к тематике социальной интеграции в полиэтническом регионе, а именно к проблеме культурных особенностей принимающего региона. Здесь сразу следует сделать важное уточнение: момент культурного взаимодействия представителей различных этносов всегда имеет соотносительный характер, иными словами, речь идет о том, насколько совместимыми являются ценностные установки, нормы поведения, традиции различных этносов, проживающих на уровне одного региона. Иными словами, нельзя просто проанализировать специфику культуры этнических меньшинств, и на основании этого анализа формировать категоричные суждения об условиях реализации социального включения в жизнь региона представителей иных этносоциальных групп. Здесь необходима одна оговорка: момент категоричности культурных предписаний, реализуемых на уровне конкретного этноса, является тем фактором, который задает сложности или, напротив, широкие возможности по осуществлению включения в систему общественных отношений. Иными словами, чем более жестким является свод социальных правил и норм, чем более категоричной является система ценностей, принимаемая в конкретной локальной среде, тем сложнее в нее влиться носителям альтернативных ценностей и норм, которые будут по факту отвергаться членами общества путем механизмов, сходных с механизмами отсева неблагонадежных членов общества во внутриэтнической среде титульной нации. Описанный выше принцип наиболее применим к традиционным обществам, характеризующимся наличием жестких механизмов контроля культурной однородности. В свою очередь, для обществ, культура которых не является однородной, характерны значительно более благоприятные предпосылки для включения в них представителей различных культурных традиций. Это является тем основанием, которое определяет возможность проведения первоначального анализа культурных характеристик

в частности, социологии. Так, например, распределение этнически маркированного населения по различным экономическим отраслям может быть установлено с помощью социологических исследований, равно как и материальный статус представителей различных этносоциальных групп. В свою очередь, на уровне экономического знания становится возможным определение общей экономической ситуации в регионе, преобладающих отраслей, состояния рынка труда, словом – всех тех экономических факторов, которые детерминируют специфику межэтнического взаимодействия и миграционных процессов.

принимающего региона, с дальнейшим рассмотрением его перспективности для переселения представителей разнообразных этносов. Вместе с тем детальный анализ культурных факторов выстраивания межэтнических отношений имеет очень большое значение для формирования адекватного заключения о предпосылках выстраивания конструктивного взаимодействия, либо, напротив, о предпосылках развития конфликтности в межэтнической среде¹⁰⁰.

Рассмотрение культурных особенностей различных этносов, сосуществующих на уровне одного региона, имеет высокую перспективность с учетом того, что в отдельных случаях может наблюдаться принципиальная несовместимость ценностных ориентиров, моделей поведения и норм различных народов, что может стать причиной конфликта в тех условиях, когда эта несовместимость приобретает практическое приложение. Культурологический анализ специфики (и соотношения) культурных особенностей разных этносов представляет собой важную составляющую научного исследования специфики социального взаимодействия в межэтнической среде, а также условий осуществления общественных отношений между представителями диаспор и земляческих групп, с одной стороны, и коренным населением региона, с другой¹⁰¹.

Следующий важный аспект осуществления социальной включенности мигрантов связан с правовыми основаниями их проживания на территории принимающего региона. Нормы права в данном случае регулируют следующие аспекты жизни мигрантов:

- их правовой статус;
- возможность и условия проживания на территории принимающего региона;
- социальные права и гарантии мигрантов;

---

¹⁰⁰ Мнацаканян, М. О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты : учебное пособие для студентов / М. О. Мнацаканян. – Москва : Анкил, 1998. – 186 с.; Мнацаканян, М. О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире / М. О. Мнацаканян // Социс. – 1999. – № 5. – С. 118-127.

¹⁰¹ Слизский, Е. А. Перспективы самореализации за счет института образования в понимании представителей наиболее распространенных этнических групп Краснодарского края (на материалах фокус-группового исследования) / Е. А. Слизский // Управление культурными различиями и цифровизация: на пути к устойчивому развитию высшего образования и социально-экономических систем : сб. статей / Южно-Российский гос. политехн. ун-т (НПИ) имени М.И. Платова. – Новочеркасск : «НОК», 2021. – С. 163–167.

- пути реализации официального включения в социальную среду региона (получение регистрации, гражданства, оформление на уровне общественных институтов, к которым «прикреплен» субъект миграции).

Очевидно, что в данном случае различия между представителями диаспор и земляческих групп имеют коренной характер, что связано с наличием или отсутствием гражданства. Если в случае с представителями земляческих групп речь идет об общих процедурах, связанных с переселением гражданина государства с одного места жительства на другое, то в ситуации с диаспорными группами речь идет о специфическом правовом статусе иностранных граждан, прибывших на территорию государства с туристическими, экономическими и иными целями. Данная особенность напрямую проистекает из распространенного понимания диаспоры, существенным признаком которой является «этническая общность за пределами своей исторической родины, в иноэтническом окружении»¹⁰². Это определяет различия в их правах и возможностях, социальном статусе, а также административных сложностях, связанных с осуществлением включения в различные социальные сферы принимающего региона.

Отдельного внимания в рамках анализа правового аспекта миграционных процессов (и, соответственно, отношений, выстраиваемых между представителями диаспор и земляческих групп, с одной стороны, и представителями титульного этноса, с другой) заслуживает такой аспект, как правовая регламентация пребывания на территории конкретного региона. В качестве примера следует привести различие между условиями пребывания на территории ряда регионов Российской Федерации и спецификой пребывания на территории Москвы, где требуется официальная регистрация (постоянная или временная).

Приведенный выше анализ правовых аспектов миграционных процессов (а также правовых факторов социального включения мигрантов) свидетельствует о важности исследования ряда юридических вопросов, имеющих отношение к статусу, социальным возможностям мигрантов, а также необходимым процедурам,

---

¹⁰² Еханурова, И. Р. Теоретические подходы к определению понятия «Диаспора» / И. Р. Еханурова // Вестник БГУ. - 2011. - № 6. - С. 104–107, С. 105.

через которые должны пройти мигранты для адекватного с правовой точки зрения включения в социальную жизнь принимающего региона.

Для адекватного понимания условий интеграции представителей нетитульного этноса в социальную среду принимающего региона ключевым моментом является то, по каким социальным признакам склонны идентифицировать друг друга представители различных этносов. Что касается социальных практик идентификации людей, отличающихся от коренного населения, следует отметить, что речь идет о специфическом наборе социальных механизмов, определяемых культурными особенностями региона и преобладающими в нем социальными практиками. В частности, речь идет о механизмах формирования социального статуса, существующих в общественной среде социальных лифтах, преобладающих моделях социального восприятия людей, отличающихся по определенным социальным признакам. Сюда входит, в том числе, практика социальной стереотипизации инаковых групп, которая может иметь как благоприятный, так и деструктивный характер, в зависимости от того, какая практика взаимодействия складывалась ранее и, в частности, от того, какое информационное освещение она получала¹⁰³. Все это требует пристального

---

¹⁰³ Подробнее о практике стереотипизации межнациональных отношений см.: Российская идентичность и политика идентичности : конструкция и деконструкция: монография / А. В. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, В. А. Васильченко [и др.] / отв. ред. В. А. Авксентьев. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2018. – 214 с.; Алистанова, З. Ф. Исследование этнических стереотипов: подходы и методы / З. Ф. Алистанова // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 4. – С. 46–48; Воронова М. В. Аналитическая модель факторов адаптации и интеграции мигрантов в регионах России / М. В. Воронова, В. В. Воронов // Власть. – 2019. – № 6. – С. 69–76; Габбазова, Н. Р. Роль этнических стереотипов в межкультурной коммуникации / Н. Р. Габбазова // Скиф. – 2020. – № 5-1 (45). – С. 259–263; Гасанов, Н. Н. Национальный вопрос: иллюзии и поиск истины / Н. Н. Гасанов, К. Я. Зачесов // Социально-политический журнал. – 1993. – № 3.; Григорьев, Д. С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России / Д. С. Григорьев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – № 2. – С. 215–244; Денисова, Г. С. Этническая специфика представлений об интегрирующих ценностей российской нации / Г. С. Денисова // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) : сб. материалов Междунар. науч. конф., Москва, 28–30 нояб. 2019 г. [Электронный ресурс] / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 89–93; Денисова, Г. С. Стереотипы восприятия мигрантов жителями мегаполиса в контексте миграционной политики: случай Ростова-на-Дону / Г. С. Денисова // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19. – № 6. – С. 87–94; Донцова, М. В. Этнические мигранты и принимающее общество : процессы социального взаимодействия : на материалах Краснодарского края: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Донцова Мария Владимировна. – Краснодар, 2007. – 194 с.; Малкова, И. А. Межэтнические отношения в студенческой среде / И. А. Малкова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2014. – № 4 (126). – С. 214–218; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (Итоги 2019 года) / Г. С. Денисова, В. Н. Петров, А. В. Баранов [и др.] ; отв. ред. проф. Денисова Г. С. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2020. – 198 с.; Мутавчи, Е. П. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации /

исследования данного спектра вопросов на уровне социологического знания, и, с учетом того, что одним из преобладающих аспектов в данном случае является формирование общественного мнения, необходимо привлечение социально-феноменологической методологии.

Не менее важным вопросом является то, на уровне каких общественных институтов¹⁰⁴ реализуются механизмы включения субъектов миграционной деятельности в социальную жизнь региона. Здесь следует рассмотреть подробнее два ключевых вопроса:

- какие общественные институты инициируют протекание миграционных процессов и, соответственно, способствуют расширению диаспорных и земляческих групп;

- какие общественные институты обеспечивают возможность для социального включения приезжих.

Применительно к первому аспекту целесообразно рассмотреть вопрос о том, деятельность каких общественных институтов сопряжена с осуществлением переезда включенных в их структуру людей. К числу институтов, в первую очередь определяющих миграционные процессы, традиционно относят:

- институт образования (причем речь идет как о процессах миграции внутри одной страны, так и о международной миграции, осуществляемой в рамках практики «обучения по обмену»)¹⁰⁵;

- институт армии (в данном случае наибольшее значение имеют не миграционные процессы, связанные с прохождением срочной службы, но процессы переезда профессиональных военных вместе с семьями, что характеризует условия расширения земляческих групп);

Е. П. Мутаuchi, Ж. В. Глотова // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2018. – № 1. – С. 93–96; Слизский, Е. А. Специфика представленности диаспор в социальной структуре современных государств / Е. А. Слизский // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия : Социально-экономические науки. – 2021. – № 5. – С. 53–60; Согомонян, А. С. Роль этнических стереотипов и установок в формировании толерантности / А. С. Согомонян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2018. – № 4 (812). – С. 210–219.

¹⁰⁴ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ, 2006. – 873 с.

¹⁰⁵ Малкова, И. А. Межэтнические отношения в студенческой среде / И. А. Малкова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2014. – № 4 (126). – С. 214–218.

- институт экономики (в данном случае речь идет как о процессах перемещения работников организаций, филиалы которых локализованы в разных регионах, так и о трудовой миграции, осуществляемой до трудоустройства, но определяемой самим фактом возможности получения рабочих мест на уровне конкретного региона);

- другие общественные институты, на уровне которых реализуются стимулирующие механизмы по привлечению специалистов (включая проживающих в других регионах, либо иностранцев). К числу таковых могут относиться области здравоохранения, науки и т. д.

Анализ институционального аспекта формирования и существования диаспорных и земляческих групп имеет высокую степень перспективности, поскольку позволяет более глубоко осмыслить причины миграционных процессов, а также социальные условия, в которые оказываются помещены мигранты в результате переезда в другой регион (или страну). Данная проблематика относится, преимущественно, к области приложения социологического знания.

Одним из важнейших факторов выстраивания взаимодействия в межэтнической среде является история отношений между представителями различных этнических групп. Отношения между разными народами – это процесс, складывающийся на протяжении длительных временных промежутков, и многие репрезентируемые в социальной и культурной среде предпосылки восприятия представителей иной этнической группы имеют под собой исторические основания, которые можно проследить. В частности, например, существуют исторические предпосылки наличия конфликтных отношений между представителями армянского и турецкого этносов¹⁰⁶, что находит отражение в актуальной практике взаимодействия между ними¹⁰⁷. Другой пример – сложности для представителей чеченского этноса по включению в социальную среду других регионов Российской Федерации в первые годы после военного конфликта в Чечне,

---

¹⁰⁶ Ширинян, Л. Арменоцид: исторический прецедент столкновения цивилизаций / Л. Ширинян // 21-й век. – 2010. – № 3 (15). – С. 6–41.

¹⁰⁷ Ильясов, Ф. Н. Причины и типология этнических конфликтов / Ф. Н. Ильясов // Социальные исследования. – 2017. – № 2. – С. 20–33.

связанные с наличием негативных информационных поводов, затрагивающих данную этническую группу. В целом следует отметить, что для преодоления негативных механизмов выстраивания отношений между представителями разных этнических групп необходимо своевременно фиксировать их на уровне социального знания, что требует привлечения исторических данных.

В контексте постановки вопроса о выстраивании конструктивного взаимодействия и преодолении предпосылок развития конфликтности¹⁰⁸ в межэтнической среде большое значение приобретают специфические вопросы, отражающие предпосылки формирования отношений между коренным населением и представителями этнических меньшинств. К их числу могут относиться следующие:

- уровень социальной удовлетворенности принимающего региона;
- уровень конкуренции в различных областях социальной жизни принимающего региона;
- уровень и преимущественные формы социальной напряженности в принимающем регионе;
- степень открытости для взаимодействия коренного населения (по отношению к представителям иных этнических групп);
- предшествующий опыт межэтнического взаимодействия как фактор его дальнейшего развертывания.

Все эти аспекты имеют определяющее значение в установлении конструктивных¹⁰⁹ либо, напротив, конфликтных отношений в межэтнической среде¹¹⁰. Как становится видно из проведенного анализа социальных факторов выстраивания межэтнических отношений, ключевые факторы, определяющие их

---

¹⁰⁸ Гасанова, Н. М. К проблеме этнопсихологической адаптации / Н. М. Гасанов // Социс. – 1995. – № 11. – С. 63; Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа : монография / Е. А. Авдеев, А. В. Аверьянов, С. М. Воробьев [и др.]. – Ставрополь : Бюро новостей, 2022. – 368 с.

¹⁰⁹ Сушко В. А. Гражданская идентичность и межэтнические отношения // Обозреватель – Observer. – 2014. – № 8 (295). – С. 37–45; Тропникова В. А., Матвейшина А. В. Возрастные особенности этнической толерантности и этнических стереотипов у молодежи // ОмГУ. – 2021. – № 3. – С. 47–56; Черникова С. В. Межкультурная адаптация и теория «Культурного шока» // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2011. – № 4. – С. 112–114.

¹¹⁰ Мукомель, В. И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ / В. И. Мукомель // Социс. – 1999. – № 6. – С. 66–71.; Поршнев, Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания : международный конгресс антропологических наук / Б. Ф. Поршнев. – Москва : Наука, 1973. – 13 с.

перспективы, имеют различную природу: это, с одной стороны, состояние основных общественных институтов, как тот общий фактор, который определяет общий уровень социальной удовлетворенности на уровне конкретного региона, с другой – специфика социальных практик, реализуемых внутри однородной этнической среды, а также в отношении представителей других этносов. Наконец, немаловажное значение в выстраивании межэтнического взаимодействия играют характеристики общественного сознания, на уровне которого получают отражение конструктивные либо, напротив, деструктивные модели восприятия представителей различных этнических групп¹¹¹.

Что касается этнографии – речь идет об области знания, которая непосредственно отражает социальную и культурную специфику различных народов, что дает достаточную теоретическую базу для понимания отношений между разными этническими группами. Когда мы ранее обращали внимание на важность обращения к культурным аспектам этнических отношений, мы подразумевали, с одной стороны, общие аспекты культурологического знания (например, принцип «культурного шока», механизмы смешения культур, принципы культурной коммуникации, особенности стереотипизации, реализуемой на уровне культуры конкретного общества), с другой – те особенные характеристики, которые имеет каждый конкретный этнос. И в данном случае речь идет непосредственно о предметной области этнографических исследований, на уровне которых дается развернутый анализ традиций, обычаев, норм, жизненного уклада разных этносов, специфики их коммуникативных практик, отношения к другим культурам и народностям и т. д.

Мы рассмотрели довольно широкий спектр проблем, связанных с исследованием социальной включенности представителей различных этносов в

---

¹¹¹ Примечание: Помимо представленных выше аспектов межэтнического взаимодействия, нельзя не отметить значимость двух областей знания, имеющих непосредственное отношение к специфике этнических отношений, демографию и этнографию. Что касается демографического знания, следует отметить, что оно включает в себя информацию о составе населения, динамике и направленности миграционных процессов, уровне материального достатка различных социальных групп, иными словами, речь идет о комплексной статистической информации, отражающей такие ключевые аспекты, как этнический состав регионов, социальное положение и статус представителей различных этнических групп, предпосылки формирования в их среде социальной удовлетворенности (или, напротив, напряженности).

единую социальную среду, однако данный список будет неполон при условии, если не будет рассмотрен такой вопрос, как специфика и механизмы развертывания социальной конфликтности. Всякая групповая определенность ложится в основу механизмов консолидации, и, напротив, идентификация членов другой группы является одним из устойчивых механизмов реализации конфликтных сценариев, причем, чем выше уровень различий между представителями разных групп, тем больше возникает поводов для реализации негативных форм социальной идентификации. Если рассмотреть в данном случае такой аспект, как социальная уязвимость мигрантов, а также их неопределенный статус на первоначальном уровне включения в социальную среду принимающего региона, можно уверенно заключить о двух важных факторах развития конфликтности в межэтнической среде:

- уязвимое положение представителей этнических меньшинств, связанное с отсутствием устроенности, языковыми сложностями, правовым статусом, проблемами включения в социальную среду принимающего региона;

- повышенная активность мигрантов в различных конкурентных сферах, определяющая настороженное (и, в том числе, негативное) отношение к ним.

Отдельно следует отметить, что восприятие всякого сообщества, фиксируемого на групповом уровне извне, стереотипизируется, что нередко влечет за собой негативные последствия (прямое неприятие, подчеркивание недостатков либо «странных» с точки зрения большинства социальных особенностей, навешивание «ярлыков» на основании отдельных неблагоприятных ситуаций и т. д.). Распространение стереотипов восприятия какой-либо социальной группы в существенной мере препятствует налаживанию конструктивных отношений с ее представителями. Как результат, возникают серьезные предпосылки для развития межгрупповой конфликтности.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что межэтническое взаимодействие сопровождается существенными рисками развития конфликтов, причем в отдельных случаях возможен переход от индивидуальных конфликтов к ситуации межгрупповой конфронтации, что несет в себе серьезные

социальные риски. В данном случае очень важно понимать принципы развертывания и трансформации конфликтности, что требует привлечения теоретического аппарата и методологических установок конфликтологического знания.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о проблематичности исчерпания вопроса на уровне какой-либо одной гуманитарной дисциплины, что обусловлено следующими основаниями:

- сама по себе природа этнических общностей имеет сложный характер и требует раскрытия на уровне таких дисциплин, как этнография, социология, демография, политология, конфликтология;

- рассмотрение факторов социальной активности представителей нетитульных этносов требует привлечения экономического, правового, социологического, этнографического, культурологического знания;

- понимание механизмов социального восприятия представителей различных этнических групп требует понимания культурных особенностей принимающего региона и тех этносов, которые в него включены. При этом немаловажное значение имеет аналитика механизмов формирования и трансформации общественного мнения о представителях различных этнических групп, что предполагает обращение к социально-феноменологическому знанию и методологии социального конструкционизма;

- анализ отношений в межэтнической среде и, в частности, рассмотрение рисков, возникающих в результате развертывания межэтнического взаимодействия, требует привлечения теоретико-методологических оснований конфликтологического знания.

Все это в совокупности свидетельствует о крайне сложном характере поставленной проблемы, а также о том, что ее адекватное разрешение не может быть реализовано на уровне какой-либо одной научной дисциплины. Причем следует сделать важное уточнение: в условиях, когда проблема конфликтности в межэтнической среде приобретает все более острый характер, возникает множество частных исследований, посвященных тому или иному аспекту

определенности этнических групп, их социальным характеристикам и т. д. Все это создает иллюзию исследованности вопроса, его полномасштабного раскрытия. Однако по факту проблема социальной интеграции представителей различных народов в социальную среду полиэтнического региона носит междисциплинарный характер, что и определяет момент фрагментарности ее раскрытия на уровне гуманитарного знания, когда данные из различных научных дисциплин, относящиеся к одному и тому же объекту, по факту не используются совместно, оставаясь достоянием частных исследований. Такого рода мозаичность в разработке проблемы определяет необходимость привлечения интегрирующего, междисциплинарного подхода, позволяющего осветить рассматриваемый объект целостно и системно.

Следующим важным шагом после внесения определенности касательно предметных характеристик исследуемого вопроса является выработка теоретико-методологических оснований его изучения. Здесь следует отметить, что определение принадлежности частных аспектов исследуемой проблемы к различным научным дисциплинам еще не дает нам исчерпывающего понимания того, какие именно научные методы обнаруживают наибольшую эффективность в рамках исследования социальной специфики включенности диаспорных и земляческих групп на уровне российского общества. Можно сказать, что определение круга дисциплин задает в данном случае спектр теоретических установок, которые могут быть применены, в то время как методология исследования связана, преимущественно, с предметными характеристиками исследования и содержательной составляющей основного спектра поставленных промежуточных проблем и задач. И здесь, обобщая проведенные ранее изыскания, можно сделать вывод о том, что основные проблемы и задачи исследования могут быть подразделены на несколько разнородных групп:

- культурные факторы, определяющие характер поведения и социального самоопределения представителей этнических меньшинств;

- социокультурные факторы, определяющие характер взаимной идентификации членов этнических меньшинств и представителей титульного этноса;

- общие институциональные факторы, определяющие внешние социальные условия осуществления включенности в общественную среду принимающего региона представителей этнических меньшинств;

- социальные факторы, инициирующие миграционные процессы;

- статусно-ролевой аспект отношений внутри общности, составленной из представителей этнического меньшинства, а также на уровне внешнего по отношению к ней социального взаимодействия.

Анализируя данные группы проблем, следует отметить, что исследование культурных особенностей различных этносов, равно как и их сопоставление с общей культурной ситуацией, преобладающей на уровне конкретного региона, реализуются посредством аналитического метода и метода сравнения, посредством которого выделяются различия между отдельными культурными традициями. Это – базовый шаг в определении культурных факторов межэтнического взаимодействия. Одним из перспективных подходов в данном случае представляется парадигмальный подход к исследованию культурных процессов и явлений, в рамках которого становится понятным не только расхождение в тех формах, которые принимает социальная картина мира представителей различных этносов, но и причины полемики между ними в условиях актуализации противоречий. Особенность парадигмального подхода в данном случае состоит в том, что он раскрывает специфику мировоззрения, стремящегося к достижению целостности и всеобщности, что задает специфику интерпретативного отношения к окружающей действительности, а также определяет особенности конкуренции мировоззренческих форм, как естественного процесса коллективного познания¹¹².

---

¹¹² Первоначально термин «парадигма» активно разрабатывался в рамках философско-научного дискурса. Широкое применение данного термина в различных областях знания, включая культурологию, связано с теорией Т. Куна, описывающей структуру и динамику картины мира как целостной системы, элементы которой взаимосвязаны между собой. Подробнее об исходном значении понятия «парадигма» см. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Нале́това. – Москва : АСТ, 1975. – 341 с.

Что касается методологических оснований изучения идентификационных процессов в межэтнической среде, следует отметить, что в данном случае речь идет о проблеме на стыке социальной теории, эпистемологии и теории коммуникации. Для адекватного понимания специфики социальной идентификации следует, прежде всего, обратить внимание на то, что речь идет о форме социального познания, в рамках которого осуществляется встраивание определенного объекта (в роли которого выступает другой человек) в социальную картину мира познающего субъекта. Соответственно, понимание общих принципов познавательной деятельности в данном случае является одним из ключевых аспектов осмысления процесса формирования идентификационных стратегий. Здесь снова актуализируется значимость парадигмального подхода, описывающего механизмы познавательной деятельности и их зависимость от уже существующих на уровне конкретного мировоззрения моделей интерпретации тех или иных явлений. Вместе с тем, помимо данного методологического подхода, раскрывающего специфику сформированного на уровне мировоззрения набора представлений, которые имеют прогностический характер применительно к частично известным объектам (иными словами, формируют ожидания познающего субъекта), а также специфику интерпретативной деятельности, основанной на существующей системе представлений об окружающем мире, представляют интерес теоретико-методологические основания осмысления самого процесса формирования определенных мировоззренческих установок. И в данном случае нельзя упускать из внимания тот факт, что формирование мировоззрения осуществляется в коммуникативной среде, что определяет его в качестве сложного результата заимствования чужих мыслей, представлений, идей, с одной стороны, и получения личного опыта – с другой. Данный сложный аспект формирования мировоззрения получает адекватное раскрытие на уровне социально-феноменологического подхода, в рамках которого раскрываются механизмы социального познания, в том числе, осуществляемого посредством заимствования опыта и суждений других людей, что находит отражение в принципах

коллективного познания на уровне «домашней группы»¹¹³. Также немаловажное значение для понимания специфики идентификационных процессов в межэтнической среде имеют теоретико-методологические основания социального конструкционизма, на уровне которого раскрываются общие принципы влияния социальных ожиданий и стереотипных представлений на тот опыт, который получают участники общественных отношений.

Применительно к группе вопросов, связанных с институциональными аспектами миграционных процессов, структурными факторами включения мигрантов в систему социальных отношений принимающего региона, а также статусно-ролевым аспектом межэтнического взаимодействия, следует отметить, что в данном случае определяющее значение в исследовании приобретает общая социологическая теория¹¹⁴, в частности, теоретико-методологические установки структурного функционализма, на уровне которого находят разрешение ключевые вопросы, связанные со структурным аспектом выстраивания общественных отношений представителями различных этносоциальных групп. Методология структурного функционализма в данном случае позволяет разрешить следующие задачи:

- проанализировать общую специфику влияния состояния основных социальных институтов на практики взаимодействия в общественной среде;
- определить функциональный аспект специфических систем взаимодействия, формируемых на уровне диаспорных и земляческих групп;
- определить значение этнических групп как среды формирования приоритетного социального статуса (и, соответственно, как основания социальной самоидентификации) для представителей этнических меньшинств;

---

¹¹³ Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин, Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

¹¹⁴ Малага, С. Современные западные исследования социологической классики : реф. сб. / С. Малага, В. Зиммель. - Вып. № 1 : Георг Зиммель (1858-1918). – Москва : ИНИОН РАН, 1992. – 100 с.

- определить ключевые модели взаимодействия, проистекающие из существующих идентификационных стратегий в межэтнической среде¹¹⁵.

Подведем итоги. На настоящий момент существует ряд теоретических подходов, описывающих область межэтнического взаимодействия через ее редукцию к какой-либо одной области факторов (экономические, социальные, средовые, культурные, политические, исторические и т. д.). Между тем область межэтнических отношений обладает многоуровневым характером (соотношение микро- и макропроцессов, взаимная детерминация которых в условиях современных информационных технологий и возможностей «вирусного» распространения информации утратила односторонний характер). Все это в совокупности требует систематизации и теоретической детализации основных аспектов социальной среды принимающего региона, с одной стороны, и социокультурных характеристик представителей конкретных этнокультурных сообществ, с другой, для понимания специфики и перспектив выстраиваемого взаимодействия. В данном контексте видится уместным применение классификации способов социальной интеграции, выработанной Р. Парком, для отражения степени и формы включения конкретных этнических сообществ в социальную и культурную среду региона; вместе с тем используемый автором подход не ограничивается эволюционной теорией Парка и предполагает соотнесение, с одной стороны, средовых характеристик принимающего региона (состояние основных институтов, представленных в принимающем регионе, характер этнокультурной политики, реализуемой на государственном уровне, степень представленности на уровне культурной сферы социального дискурса, отражающего и конструирующего складывающиеся межэтнические отношения), с

---

¹¹⁵ Примечание: Помимо описанных выше методологических установок, большое значение для эффективного анализа межэтнического взаимодействия имеет осуществление практических исследований, направленных на выявление актуальной ситуации через обращение к анализу эмпирических данных. Это определяет значимость классических методов социологического исследования. Кроме того, немаловажное значение имеет использование исторического подхода, направленного на рассмотрение межэтнического взаимодействия в динамике. Помимо описанных методологических установок, одним из ключевых методов, применяемых в исследовании, является системный подход, посредством обращения к которому осуществляется интеграция полученных знаний в единый смысловой конструкт. Применение системной методологии позволяет сопоставлять результаты исследований, относящихся к различным областям знания и, в частности, оценивать совокупное влияние на ситуацию межэтнического взаимодействия факторов различной природы.

другой стороны, социокультурных (и, в том числе, социально-исторических) особенностей конкретных этнических сообществ¹¹⁶. В частности, анализ факторов и оснований социальной интеграции позволил заключить о ее динамической зависимости от внешних условий и, в частности, об обратимости процессов социальной интеграции представителей этнических меньшинств в социальную среду принимающего региона при возникновении неблагоприятных факторов, нарушающих условия аккомодации¹¹⁷.

Анализ исторической практики, а также обращение к отдельным наработкам конфликтологической теории позволяет заключить о том, что процессы интеграции членов этнических меньшинств в социальную среду принимающего региона не являются односторонними: выстроившиеся социальные связи, даже при условии отхода представителей этнических меньшинств от своих культурных корней, могут не только укрепляться, но и разрушаться, ввиду чего процесс интеграции в межэтнической среде не может быть сведен исключительно к культурной ассимиляции. Здесь более уместным является рассмотрение межэтнического взаимодействия в русле теории межгруппового взаимодействия, в рамках которого может иметь место как сближение, так и конфронтация отдельных социальных общностей. В этом контексте культурный аспект выстраивания взаимодействия (вплоть до ассимиляции) важен, поскольку характеризует нивелирование противоречий как повода для конфронтации, однако еще не исключает возможности конфликта. Исходя из этого в рамках проводимого анализа вопрос социальной интеграции представителей этнических меньшинств будет рассмотрен двояко: с точки зрения культурных предпосылок интеграции, связанных с освоением и принятием ценностей и норм поведения, характерных для конкретной среды, а также с точки зрения структурных факторов, выраженных в устоявшихся формах межгруппового взаимодействия, а также внешних условиях обострения или, напротив, сглаживания конфликтных ситуаций между представителями

---

¹¹⁶ Слизский, Е. А. Специфика представленности диаспор в социальной структуре современных государств / Е. А. Слизский // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия : Социально-экономические науки. – 2021. – № 5. – С. 53–60.

¹¹⁷ Фадеева, Т. Европейская идея: путь к интеграции / Т. Фадеева // Вопросы философии. – 1996. – № 5. – С. 171-187; Астафьев, П. Е. Национальность и общечеловеческие задачи / П. Е. Астафьев // Вопросы философии. – 1996. – № 12. – С. 84-102.

разных этнических групп. В этом контексте диаспоры и землячества рассматриваются как один из институтов, на уровне которых происходит выражение, актуализация и репрезентация групповых интересов (что делает их значимым ресурсом в выстраивании государственной национальной политики, а также в определенных случаях устанавливает возможность социального диалога, осуществляемого на макроуровне). Вторым немаловажным выводом является то, что процессы интеграции представителей этнических меньшинств в общественную среду могут нивелироваться возникновением конфронтационных тенденций в межэтнической среде (что зачастую сопровождается подъемом этнического самосознания и воспроизводством тех традиций и установок, которые в процессе интеграции могли пройти временную деактуализацию). Исходя из этого общий климат межэтнического взаимодействия выступает в качестве одного из доминирующих факторов, определяющих конечный уровень интеграции представителей этнических меньшинств в социальную среду региона.

1.2. Этнокультурная специфика социального пространства Краснодарского края

Одной из ключевых гипотез настоящего исследования является то, что до стадии полной ассимиляции малого этноса процесс интеграции является обратимым, что связано с особенностями аккомодации как способа встраивания представителей малого этноса в структуру социальных отношений принимающего региона. Принимая правила и нормы взаимодействия, характерные для конкретного региона на уровне внешней социальной активности, представители этнических меньшинств тем не менее сохраняют свою этническую идентичность, что проявляется в следующих тенденциях:

- сохранение этнокультурных установок, свойственных конкретному народу и, соответственно, осуществление внешней идентификационной и оценочной деятельности в отношении представителей с учетом различий этнокультурного характера;

- формирование ингруппового фаворитизма на уровне общности, составленной из представителей одного этноса;

- наличие различий в характере и степени близости социального взаимодействия внутри этнической группы и в рамках межэтнических социальных контактов;

- влияние группового фактора на формат социального взаимодействия, выстраиваемого с представителями других этнических групп;

- зависимость межгруппового взаимодействия в полиэтничном регионе¹¹⁸ от конкретных процессов, развертывающихся на уровне среды социального взаимодействия (в данном случае речь идет о влиянии дискурсивных практик, реализуемых в социально-коммуникативном пространстве, воздействии институциональных факторов, а также взаимном влиянии процессов, реализуемых на микро- и макроуровне межэтнического взаимодействия на его формат и направленность).

Рассматривая специфику социального пространства Краснодарского края, следует отметить, что речь идет о территории, на уровне которой на протяжении длительного исторического периода происходит сосуществование представителей ряда этносов, что характеризует, с одной стороны, наличие развитых исторических предпосылок для наличия благоприятной среды взаимодействия, на уровне которой многие проблемы и противоречия уже носят урегулированный характер, с другой стороны – о наличии конкретной длительной истории взаимодействия отдельных народов, таящей в себе основания для возникновения конфликтных ситуаций и негативных способов межгруппового взаимодействия. Осуществим краткий

---

¹¹⁸ Под полиэтничным регионом подразумевается регион, в котором совместно проживают представители различных этнических групп. В основе данного понятия лежит понимание феномена этничности, сформированное на предшествующих этапах исследования и указание на множественность включенных в социально-культурное пространство региона этнических групп.

исторический экскурс, характеризующий социально-исторические предпосылки выстраивания отношений в полиэтнической среде Краснодарского края.

К числу представителей коренного населения региона, согласно данным исторических исследований, относятся черкесы, адыги, ногайцы, карачаевцы, азербайджанцы, абазыны, татары, проживавшие на Северном Кавказе еще до Кавказской Войны¹¹⁹. В 1792–1793 годах происходит переселение на территорию Правобережной Кубани и Таманского полуострова запорожских казаков, что значительно меняет этнический состав региона. Одновременно с этим происходит принудительное переселение значительной доли проживающих на территории Северного Кавказа абхазов, черкесов, адыгов, абазынов, получившее впоследствии наименование махаджирства – изгнанничества¹²⁰. Для представителей данных народов принудительное выселение становится той трагической вехой в истории, которая определила характеристики самосознания на долгие годы. Одновременно с процессом выселения горских племен имело место активное демографическое освоение Кубани: на ее территорию переселяются армяне и греки, ранее проживавшие в Османской империи, а также представители десятков разных народов, проживавших в России на тот момент. Это определило исторические предпосылки формирования специфического этнического состава Кубани, в которой значительную долю составляют русские, адыги, армяне, греки, татары, украинцы, белорусы и т. д. Исследователи обращают внимание на значительное этническое многообразие региона: согласно данным переписи населения 1897 года, в которой этническая принадлежность определялась, преимущественно, по языковому критерию, «...большинство жителей Кубанской области назвало родным языком русский (в том числе великорусский, малорусский и белорусский) – 1 737 908 чел., затем черкесский – 38 488 чел., карачаевский – 26 877 чел., немецкий – 20 778 чел., греческий – 20 137 чел., кабардинский – 14 340 чел., армянский – 13 926 чел., абхазский – 12 481 чел., ногайский – 5880 чел., молдавский

¹¹⁹ Матвеев, О. В. Татары на Кубани: история и современное состояние / О. В. Матвеев, В. Н. Ракачев // Гасырлар авазы – Эхо веков. - 2021. - № 3. - С. 189–199.

¹²⁰ Абазов, А. Ч. Кавказская война в драматургии черкесского зарубежья / А. Ч. Абазов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. - 2014. - № 3. - С. 92–97.

– 5370 чел., татарский – 3848 чел., польский – 2719 чел., турецкий – 2187 чел., осетинский – 1973 чел., еврейский – 1942 чел., цыганский – 1753 чел., мордовский – 1494 чел., чешский – 1213 чел. и многие другие. Всего же, по данным переписи 1897 г., в Кубанской области проживало 1 918 881 чел.»¹²¹.

Характеризуя специфику социально-исторических предпосылок формирования межэтнического взаимодействия, нельзя обойти стороной такие явления, как происходивший в 1915–1923 годах геноцид армян¹²² в Османской Турции, результатом которого стал исход значительной доли армянского населения в Россию (включая территорию Краснодарского края), а также формирование на десятилетия вперед напряженности между представителями армянского этноса и турками.

Осмысление специфики межэтнических отношений в крае так или иначе упирается в рассмотрение современной демографической ситуации, поскольку понимание тенденций выстраивания межэтнических отношений в регионе не может быть полным вне осмысления того, какие народы проживают в регионе, какова их численность, а также какова динамика миграционных потоков¹²³.

По данным переписи населения 2020 года, население Краснодарского края составляет 5 838 273 человека. Наиболее многочисленными этносами, составляющими население Краснодарского края, являются русские (5 121 482 человека), армяне (211 132 человека), украинцы (29 317 человек), татары (18 912 человек), греки (13 117 человек), грузины (12 451 человек), цыгане (11 590 человек), адыгейцы (10 484 человека), азербайджанцы (8804 человека), турки (8070 человек), черкесы (6166 человек), белорусы (5923 человека), немцы (5678 человек), курды (5609 человек), узбеки (4635 человек), езиды (3349 человек), свою этничность как казаки определили 3212 человек, лезгины (2975 человек), таджики (2946 человек), осетины (2911 человек),

¹²¹ Ктиторov, С. Н. Города Кубани и Причерноморья в процессах межэтнической коммуникации в конце XIX - начале XX века / С. Н. Ктиторov // Культурная жизнь Юга России. - 2014. - № 4. - С. 72–79.

¹²² Шакарянц, С. Э. Геноцид армян 1915–1923 гг. и геополитика / С. Э Шакарянц // Регион и мир. - 2015. - № 1–2. - С. 3–20.

¹²³ Этнополитическая ситуация в регионах РФ / В. Н. Иванов, А. П. Котов, И. Э Круговых [и др.] // Социс. – 1995. – № 6. – С. 51-60.

корейцы (2811 человек), чеченцы (2703 человека), казахи (2236 человек), молдаване (2010 человек), крымские татары (1880 человек), шапсуги (1878 человек), башкиры (1778 человек), ассирийцы (1764 человек), аварцы (1643 человека), евреи (1607 человек), абхазы (1587 человек), хемшилы (1414 человек), чувашаи (1390 человек), мордва (1174 человека), табасараны (1170 человек), даргинцы (1043 человека). Таким образом, в крае постоянно проживают представители 170 народов, из которых лишь у 36 этносов численность превышает 1000 человек, и лишь 8 этнических групп представлены населением края свыше 10 000 человек. Русские составляют 87,7% населения края¹²⁴.

Одним из важнейших показателей, осмысление которых в дальнейшем может способствовать углубленному пониманию специфики ситуации в крае, является динамика изменения демографических характеристик проживающего в крае населения. Ниже представлены материалы, характеризующие этнический состав Краснодарского края по данным на 2010 год: согласно данным, представленным на официальном сайте Управления федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея, на территории Краснодарского края проживают представители 131 этноса, при этом среди них, помимо титульного этноса, выделяется 39 этнических групп численностью свыше тысячи человек и лишь 13 – свыше пяти тысяч. Среди них армяне (274 566 человек), украинцы (131 774 человека), греки (26 540 человек), белорусы (26 260 человек), татары (25 589 человек), грузины (20 500 человек), немцы (18 469 человек), адыгейцы (15 821 человек), турки и турки-месхетинцы (13 612 человек), азербайджанцы (11 944 человека), цыгане (10 873 человека), молдаване (6537 человек), курды (5022 человека), мордва (4861 человек), черкесы (4446 человек), езиды (4441 человек), чувашаи (4141 человек), осетины (4133 человека), ассирийцы (3764 человека), лезгины (3752 человека), удмурты (3425 человек), корейцы (3289 человек),

---

¹²⁴ Данные всероссийской переписи населения 2020 года / Официальный сайт РОССТАТ. – URL : https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1.xlsx.

шапсуги (3213 человека), болгары (3138 человек), поляки (2958 человек), евреи (2945 человек), чеченцы (2814 человек), марийцы (2733 человека), крымские татары (2609 человек), узбеки (2210 человек), башкиры (2061 человек), абхазы (1988 человек), аварцы (1460 человек), табасараны (1331 человек), казахи (1331 человек), таджики (1179 человек), эстонцы (1138 человек), коми-пермяки (1095 человек), хемшилы (1019 человек)¹²⁵.

Представленные данные характеризуют чрезвычайно интенсивную динамику изменения этнического состава Краснодарского края за последнее десятилетие: притом, что общая доля русского населения за десятилетие выросла незначительно (87,7% против 86,5% в 2010 году), абсолютные показатели наиболее широко представленных в крае народностей значительно снизились: число проживающих в крае украинцев снизилось почти вчетверо, снизилось число проживающих в крае армян, белорусов, греков, татар и т. д. Все это происходит на фоне значительного роста численности представителей ряда народов, проживающих на территории края. При этом наблюдается почти полное исчезновение отдельных этнических групп (турки-месхетинцы) на фоне значительного роста других (узбеки, таджики).

Указанная тенденция свидетельствует об активных миграционных процессах, ведущих к преобразованию количественного состава населения Краснодарского края, и, как следствие, порождающих качественное изменение условий протекания межэтнического взаимодействия, связанное с ростом численности проживающих на территории края представителей нетитульных этносов (в том числе, за счет притока и укоренения иностранных мигрантов). Данная ситуация влечет за собой значительную актуализацию проблемы интеграции мигрантов в структуру принимающего региона в силу того, что рост этнических меньшинств, ранее практически не представленных в регионе, связан со значительными адаптационными издержками и первоначальной актуализацией

---

¹²⁵ Данные всероссийской переписи населения 2020 года / Официальный сайт РОССТАТ. – URL : https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1.xlsx.

противоречий, связанных с недостаточной интеграцией приезжих в структуру принимающего региона.

На текущей стадии целесообразно дать более полную характеристику основным аспектам выстраивания межэтнического взаимодействия и, в том числе, определить их вариативность, что на более поздних этапах исследования позволит с большей степенью ясности определить специфику межэтнического взаимодействия, реализуемого в социальной среде Краснодарского края. Прежде всего обратимся к такому аспекту проводимого исследования, как роль этнокультурных установок в осуществлении идентификационной деятельности и то влияние, которое оказывает характер внешней идентификации представителей других этносов на способ выстраивания межэтнического взаимодействия (и, соответственно, характер интеграции представителей этнических меньшинств в социальную среду принимающего региона). В данном контексте следует прежде всего отметить, что социальные нормы и приоритеты (ценностные ориентации), вариативность которых связана с характером социокультурных установок, выступают в роли того основания, в опоре на которое осуществляется оценочная деятельность. Иными словами, оценка социальных качеств представителей инаковой группы осуществляется, преимущественно, на основании тех норм, идеалов и ценностей, которые характерны для культурной среды субъекта оценочной деятельности. В этом контексте, чем сильнее расхождение в культурных характеристиках совместно проживающих народов, тем выше вероятность формирования неблагоприятных оценочных суждений, реализуемых в отношении представителей другой этнической группы. Как отмечает И. В. Юрченко, одним из преобладающих аспектов конфликтного этнического дискурса на Юге России является неизвестность, непредсказуемость представителей иноэтнических групп, что порождает отношение недоверия и восприятие представителей последних в качестве опасных, враждебных¹²⁶.

---

¹²⁶ Юрченко, И. В. Миграционные процессы и межэтнические противоречия в «Русских» регионах Юга России / И. В. Юрченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2014. - №12-1. - С. 223–226.

Следует отметить, что формирование неблагоприятных оценочных суждений (и в целом негативного отношения) является не единственной формой выстраивания отношений к представителям иноэтнических групп. Одна из центральных категорий в современных исследованиях межэтнического взаимодействия – этническая толерантность как проявление уважения к чужим традициям, нормам, культурным ценностям, при всем их отличии от той традиции, в которой воспитан социальный субъект¹²⁷. А. А. Толстикова определяет этническую толерантность как «уважение и признание права на существование этнического Другого»¹²⁸. В целом, можно судить о том, что именно достижение этнической толерантности¹²⁹ входит в область официально заявленной на федеральном и региональном уровне национальной политики, что характеризует установку не на ассимиляцию, но на аккомодацию представителей различных народов в рамках выстраивания общей системы межэтнического взаимодействия¹³⁰. Вместе с тем следует отметить, что формирование толерантного отношения противоположно максималистичному, категоричному, радикальному взгляду на область межэтнического взаимодействия и предполагает высокий уровень культурного развития, позволяющего признавать факт многообразия культур и, в том числе, понимать основания тех или иных этнических особенностей и традиций, присутствующих на уровне отдельных народов. Именно это выступает основанием того, что ознакомление проживающих на территории региона народов с культурой и обычаями друг друга рассматривается как исследователями, так и представителями власти в качестве одной из значимых мер по обеспечению условий для выстраивания конструктивного межэтнического взаимодействия. В

---

¹²⁷ Волков, Н. Д. Этническая толерантность в структуре феномена толерантности / Н. Д. Волков // Социально-гуманитарные знания. - 2011. - № 5. - С. 350–354.

¹²⁸ Толстикова, А. А. К вопросу об этнической толерантности / А. А. Толстикова // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. - 2006. - № 24. - С. 236–240, с. 236.

¹²⁹ Валиуллина, Е. В. Толерантность как фактор межэтнических отношений / Е. В. Валиуллина, В. В. Шиллер, З. В. Боровикова // Социодинамика. – 2019. – № 4. – С. 16–23; Верещагина, А. В. Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов / А. В. Верещагина, М. М. Шахбанова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – № 4. – С. 159–177; Ставропольский, Ю. В. Межгрупповая модель этнокультурной идентичности / Ю. В. Ставропольский // Известия Саратовского университета. – 2007. – № 1. – С. 46–49.

¹³⁰ Кожугулова, Г. К. Межэтническая толерантность как духовная ценность и основа стабильности межэтнических отношений / Г. К. Кожугулова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – № 2-2. – С. 591–592.

этом контексте, в частности, приобретает практическое измерение освещенный выше принцип связи между «страхом неизвестного» и неприятием иноэтнических групп¹³¹: по сути, тактика «знакомства» между собой проживающих на территории региона народов становится тем социальным механизмом, который способствует обеспечению доверия во взаимоотношениях представителей различных этносов.

Рассматривая в данном контексте динамику изменения характеристик межэтнического взаимодействия в Краснодарском крае, следует отметить, что в начале «нулевых» отмечается интенсивное проявление тенденций обострения противоречий между представителями различных этносов, что находит выражение в таких тенденциях, как развитие «мигрантофобии», формирование тенденций выражения гиперидентичности в этнических группах, обострения оппозиции «свой – чужой» в общественном сознании¹³². К числу наиболее значимых негативных трендов конца 90-х годов относится представление о вытеснении коренного населения, насаждении приезжими «чуждых порядков», «захвате территории». Иными словами, в тот период имело место устойчивое представление об ухудшении социальной ситуации, связанном с интенсивным переездом значительной доли мигрантов на территорию края. Как отмечает М. Савва, данная тенденция проявляется наиболее отчетливо в период 90-х годов, когда зафиксировано 28 случаев конфликтов с применением насилия, в 11 из которых фигурантами являлись представители армянского этноса¹³³. Как отмечает исследователь, в начале «нулевых» доминирующим представлением в общественном мнении коренного населения края являлось представление о преимущественно внешнем характере миграции, в котором доминирующую роль играют представители закавказских регионов (армяне, азербайджанцы и т. д.)¹³⁴. При этом исследователь также констатирует отчетливо негативный тренд

---

¹³¹ Юрченко, И. В. Миграционные процессы и межэтнические противоречия в «Русских» регионах Юга России / И. В. Юрченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2014. - №12-1. - С. 223–226.

¹³² Петров, В. Н. Толерантность и идентичность: взаимодействие этнических мигрантов и местного населения в Краснодарском крае / В. Н. Петров // Социологический журнал. - 2002. - № 4. - С. 110–120.

¹³³ Савва, М. Армяне Краснодарского края в контексте современной миграционной ситуации / М. Савва // 21-й век. - 2007. - № 2 (6). - С. 71–87.

¹³⁴ Там же.

восприятия коренным населением приезжих, связанный как с наличием актуальных конфликтных ситуаций с приезжими представителями этнических меньшинств, так и с наличием общей предубежденности в их отношении. В данном контексте показательно, что в условиях преобладания представителей русского этноса в миграционных процессах в крае в общественном сознании формируется устойчивое представление об этническом (и, преимущественно, экономическом) характере миграции, что свидетельствует о роли этнического фактора в идентификации уровня миграционных процессов¹³⁵. При этом к числу факторов конфликта относятся конкуренция между приезжими и коренным населением, представления об ухудшении условий жизни, связанном с миграционным приростом и наличие предубеждений к этническим мигрантам, сформировавшихся еще в 90-е и активно влиявших на общий климат межэтнического взаимодействия¹³⁶.

В этом контексте одним из интересных вопросов, который нередко ускользает от исследователей, является то, что в большинстве своем взаимодействующие представители малочисленных (в плане представленности в регионе) этносов сравнительно плохо знают культуру и обычаи друг друга, в связи с чем выстраивание отношений между ними и, в том числе, формирование конечных представлений осуществляется в опоре на самостоятельный опыт, приобретаемый членами общества, а также опосредованное знание, нередко носящее обобщающий характер. Здесь мы плавно переходим к вопросу о том, что базовые предпосылки выстраивания межэтнического взаимодействия,

---

¹³⁵ Подробно об этом сказано: Денисова, Г. С. Методологический конструкт эмпирического исследования восприятия этнических групп и измерения межгрупповой дистанции / Г. С. Денисова // Этнорелигиозная идентичность татарского народа в условиях глобализации : материалы II Международной научно-практической конференции. – Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2019. – С. 157–171; Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне всероссийской переписи населения в регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад. 2020. / Г. С. Денисова, В. Н. Петров, А. В. Баранов [и др.] ; отв. ред. проф. Денисова Г. С. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2020. – 202 с; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (Итоги 2018 года). Экспертный доклад / Г. С. Денисова, В. Н. Петров, А. В. Баранов [и др.] ; отв. ред. проф. Денисова Г. С., проф. Петров В. Н. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования». – 2018. – 206 с.; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (Итоги 2019 года) / Г. С. Денисова, В. Н. Петров, А. В. Баранов [и др.] ; отв. ред. проф. Денисова Г. С. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2020. – 198 с.

¹³⁶ Сикевич, З. В. Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности / З. В. Сикевич // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7, № 2. – С. 36–53.

локализованные на уровне основных этнокультурных установок взаимодействующих народов, получают дальнейшее отражение на уровне социальной практики, а она, в свою очередь, становится объектом социального познания. Одновременно и сами этнокультурные установки выступают в качестве одной из предпосылочных составляющих познавательного процесса. При этом конечные представления существуют не только на уровне индивидуального мировоззрения познающего субъекта – они также выступают в качестве объекта коммуникативного обсуждения. И здесь, в рамках выхода знаний и представлений о различных этносах на коммуникативный уровень, реализуются закономерности и принципы, характерные для живой, развивающейся социокультурной сферы общества. В данном контексте одним из значимых аспектов выстраивания отношений между представителями различных этносов является характер отражения межэтнического взаимодействия в медийной сфере как фактор воспроизводства конкретных моделей и форм социального восприятия отдельных этносов.

Анализ публикационной активности начала «нулевых» свидетельствует о наличии неблагоприятных тенденций, связанных с активным освещением этнической проблематики (и области межэтнического взаимодействия, соответственно), имеющего в значительной доле случаев провокативный характер: имела место развитая риторика, позиционирующая противопоставление «хозяев» и «гостей» региона, значительная доля публикаций содержала в себе указание на преступную деятельность со стороны представителей конкретных этносов, проживающих на территории края¹³⁷. В частности, значительная доля публикаций была посвящена проблемам, связанным с миграционными процессами со стороны турок-месхетинцев¹³⁸. Все это оценивается как серьезная предпосылка для обострения межэтнических противоречий, что связано с формированием в общественном сознании жителей края негативного образа отдельных этнических

---

¹³⁷ Ракачёва, Я.В. Против кого дружим? Этнический дискурс в кубанской прессе / Я. В. Ракачева // Южно-российский журнал социальных наук. - 2004. - № 1. - С. 104–118.

¹³⁸ Там же.

групп, предвзятого отношения к ним. При этом наличие «правозащитной» позиции в прессе, направленной на отстаивание прав этнических меньшинств (и, по сути, связанной с отражением злоупотреблений, случаев дискриминации в отношении представителей этнических меньшинств), также может быть рассмотрено в качестве провоцирующего фактора, но уже на уровне этнического сознания представителей этнического меньшинства, на уровне которых имело место укрепление представлений о несправедливом, дискриминационном поведении со стороны коренного населения.

На уровне практики социального взаимодействия данный период характеризуется значительным обострением радикализма, что проявляется в распространении деструктивной идеологии национализма, одним из основных лозунгов которого стало «Россия для русских!»¹³⁹. Данная тенденция не ограничивается Краснодарским краем и является характерной для ряда регионов страны, в которых имел место интенсивный приток мигрантов, вызывавших раздражение у местного населения: Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и т. д. В частности, в Краснодарском крае без учета результатов массовых драк было зафиксировано не менее 2 убийств и 27 избиений скинхедами как граждан Российской Федерации, так и иностранцев. Следует отметить, что подобного рода практики весьма негативно сказывались на интеграции представителей этнических меньшинств в социальное пространство региона, определяя их восприятие социальной среды в качестве враждебной¹⁴⁰. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на резонансный характер происходящих конфликтных процессов, большая часть населения на этом этапе характеризуется относительной нейтральностью социальных установок: так, согласно результатам опроса, проведенного в 2002 году в Краснодарском крае, из числа респондентов 20,1%

---

¹³⁹ Юсупов, М. М. Анализ российской географии проявлений этнофобий / М. М. Юсупов // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. - 2008. - № 1. - С. 18–21.

¹⁴⁰ Слизский Е.А. Краснодарский край как многонациональный регион: проблемы и противоречия // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы VII Международной научно-практической конференции, 20 ноября 2020 г., г. Краснодар. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 155-159.

представителей коренного населения и 13,3% приезжих характеризуются проявлением гиперидентичности¹⁴¹, в то время как большинство членов общества придерживаются нейтрального, не радикализованного подхода к этнической идентификации и самоидентификации. Вместе с тем исследователи обращают внимание на сохранение негативных предпосылок развертывания межэтнического взаимодействия: так, по данным на 2011 год, около трети респондентов отметили наличие неприязни в отношении представителей других этносов¹⁴².

Одним из характерных для Краснодарского края процессов является принятие мер по возрождению казачества, что реализуется на протяжении последних десятилетий. Данный процесс связан с мерами, осуществляемыми региональными и районными властями, направленными на возрождение традиций казачества, формирование «казачьих классов» в школах, поддержку и развитие Кубанского Казачьего Войска, организацию культурных мероприятий, направленных на отражение культуры и традиций казаков. Данная тенденция характеризуется попыткой конструирования социальной идентичности¹⁴³, в рамках которого патриотическое воспитание молодежи сочетается с привитием развитых гражданских ценностей и, в том числе, уважения и толерантности к другим народам, проживающим в регионе.

На современном этапе исследователи фиксируют тенденции значительного изменения способов социальной самоидентификации жителей региона, что сопутствует процессам изменения характеристик межэтнического взаимодействия. В частности, результаты сходных исследований, которые провела В. Н. Муха в 2013 и 2017 годах, показали значительное смещение приоритетов в вопросах социальной самоидентификации: тогда как в 2013 году определяют себя, в первую очередь, через национальную принадлежность 59.7% респондентов и уже, во

---

¹⁴¹ Петров, В. Н. Толерантность и идентичность: взаимодействие этнических мигрантов и местного населения в Краснодарском крае / В. Н. Петров // Социологический журнал. - 2002. - № 4. - С. 110–120.

¹⁴² Ракачева, Я. В. «Кавказцы» в российском регионе: формирование стереотипного образа и преодоление предрассудков / Я. В. Ракачева // Общество: социология, психология, педагогика. - 2012. - № 2. - С. 40–47.

¹⁴³ Баранов, А. В. Роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества / А. В. Баранов // История и современность. - 2014. - № 1. - С. 69–86.

вторую очередь, осуществляют идентификацию через этническую принадлежность (54,8% респондентов), в 2017 году данное распределение составило 64,8% и 18,4% соответственно¹⁴⁴. Отчасти подобного рода сдвиг может быть связан с изменением демографического состава населения Краснодарского края. При этом одним из значимых показателей улучшения ситуации в области межэтнического взаимодействия в регионе становится то, что за период с 2011 по 2018 год значительно снизилось число членов общества, отмечающих наличие выраженной неприязни по отношению к представителям других этнических групп: уже в 2018 году, согласно материалам проведенного социологического исследования, 90% респондентов отметили, что не испытывают неприязни по отношению к представителям других этнических групп¹⁴⁵. Как отмечает А. В. Баранов, на территории Краснодарского края начиная с 2011 года наблюдается отчетливый тренд к улучшению характера межэтнических отношений, что проявляется в снижении уровня негативного позиционирования в отношении этнических мигрантов. Вместе с тем негативные социальные установки, хоть и значительно менее интенсивные, сохраняются: «...частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране» составила в отношении русских 0,3%, адыгейцев – 1,7%, армян – 3,8%, уроженцев Северного Кавказа – 6,9%, украинцев – 7,6%, уроженцев Средней Азии – 10,1%»¹⁴⁶.

Одной из значительных проблем в оценке динамики изменения характера межэтнических отношений в Краснодарском крае, связанной с реализацией различных способов восприятия представителей других этносов жителями региона, является то, что доступные материалы социологических исследований, по большей части, основываются на различных критериях оценки характера

---

¹⁴⁴ Баранов, А. В. Межэтнические и межконфессиональные взаимодействия в Краснодарском крае глазами молодежи (этносоциологический аспект) / А. В. Баранов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2020. - № 3 (264). - С. 176–184.

¹⁴⁵ Баранов, А. В. Этнополитические отношения и их регулирование в приграничных регионах России (на примере Краснодарского края) / А. В. Баранов, В. В. Скоробагатов // Общество: политика, экономика, право. - 2019. - № 9 (74). - С. 13–18, С. 14.

¹⁴⁶ Баранов, А. В. Картографирование факторов риска этнических конфликтов (по материалам Краснодарского края и Республики Адыгея) / А. В. Баранов // Геополитика и экогеодинамика регионов. - 2019. - № 3. - С. 41–50, С. 45.

межэтнического взаимодействия и выполнены по различным методикам, в связи с чем говорить о сдвигах в характере межэтнических отношений можно лишь в обобщенном виде и приблизительно, опираясь на выводы и результаты сторонних исследований. Вместе с тем по совокупному ряду признаков можно судить о том, что по сравнению с ситуацией начала «нулевых» наметился значительный позитивный сдвиг, связанный с улучшением общего климата межэтнического взаимодействия, снижением уровня недоверия к представителям других этносов и, в том числе, снижением уровня готовности к осуществлению протестной активности.

Выстраивание межгруппового взаимодействия на Юге России имеет, с одной стороны, исторически складывающийся характер¹⁴⁷ (что связано с динамическим аспектом выстраивания и закрепления определенного рода отношений), с другой – имеет предпосылки на уровне культурных особенностей представителей различных проживающих на уровне региона этносоциальных групп. При этом мы можем выделить два ключевых момента, в которых культурные характеристики конкретного этноса влияют на конечный характер его участия в процессах межэтнического взаимодействия:

- ситуации, в рамках которых представители конкретного этноса выступают в качестве коллективного субъекта восприятия;

- ситуации, в рамках которых представители конкретного этноса выступают в качестве объекта внешней оценки со стороны представителей другого этноса.

Рассмотрим данные аспекты более подробно. Прежде всего, следует обратить внимание на то, каким образом культурная определенность субъекта социального восприятия может влиять на характер осуществляемых им социальных оценок, суждений и т. д. Анализируя данный вопрос, мы можем выделить следующие основания формирования отношения, исходя из его сложного, составного характера:

- жесткость или гибкость мировоззрения субъекта оценивания;

---

¹⁴⁷ Хунагов, Р. Д. Кавказский фактор в современной России / Р. Д. Хунагов, А. Ю. Шадже // Социологические исследования. - 2001. - № 3. - С. 77-80

- ценностные ориентации субъекта и основанные на них приоритеты;
- критерии оценивания, присутствующие на уровне мировоззрения субъекта, и их иерархия;
- механизмы и практики культурной идентификации и самоидентификации, присущие субъекту, и проистекающие из этого моменты подверженности социальным стереотипам.

Большинство из обозначенных аспектов выстраивания межэтнического взаимодействия (и, соответственно, условий интеграции представителей различных этносов в общую социальную среду региона) были освещены ранее, в рамках общего теоретического анализа условий формирования конкретных типов межэтнического взаимодействия. Что касается жесткости или гибкости мировоззрения, следует отметить, что в данном случае имеет место прямая зависимость между степенью открытости этногруппового сообщества и тем, насколько подвержено динамике мировоззрение его представителей. Когда мы говорим о гибкости мировоззрения, мы подразумеваем высокий уровень его потенциальной или актуальной динамики в процессе столкновения с разнообразным опытом (включая не вписывающиеся в исходные установки мировоззрения). При этом речь идет, в том числе о способности к изменению определенных стандартов восприятия социальной действительности, представлений о нормальном и ненормальном и т. д. В этом контексте показательно, что внутри любого устойчивого сообщества существует набор правил и норм поведения, распространяемых на его участников и, в том числе, признаваемых ими в качестве правильных и обоснованных¹⁴⁸. Это – один из важнейших аспектов социальной культуры и, собственно говоря, именно приобщение к этим правилам и нормам представляет собой один из важнейших аспектов социализации¹⁴⁹. При этом, разделяя между собой правило и его мировоззренческое обоснование, следует учитывать то, что на уровне различных общностей связь между правилом, присутствующим в обществе, и его

---

¹⁴⁸ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ, 2006. – 873 с.

¹⁴⁹ Там же.

обоснованием на уровне социокультурной сферы, может варьироваться в сторону большей или меньшей представленности. В отдельных случаях степень осознания оснований существования правила может быть чрезвычайно высока, в то же самое время в другой социальной среде члены общества могут опираться скорее на факт существования правила, нежели на осознание его значения¹⁵⁰. Чем более тесной является взаимосвязь между социальными нормами и их мировоззренческим обоснованием, тем сложнее носителям данных норм рассматривать способы поведения, отличные от принимаемых ими, в качестве имеющих право на существование. Иными словами, носители разных социокультурных установок различаются, в том числе, по степени их готовности к принятию форм и способов поведения, отличных от тех, которых придерживаются они сами. И здесь целесообразно утверждать о значении ограничивающих факторов в выстраивании социокультурного взаимодействия как того основания, которое порождает затруднения в социальной интеграции представителей различных этносов. В данном контексте следует отдельно остановиться на следующих аспектах исследуемого вопроса:

- естественные барьеры, связанные с языковым фактором (актуально, преимущественно, для ситуации внешней миграционной деятельности);
- закрытость этнических сообществ (проблема формирования этнических анклавов и замкнутых этнических сообществ).

Рассматривая данные аспекты, следует отметить, что языковой барьер в выстраивании социального взаимодействия относится к числу проблем, характерных преимущественно для иностранных мигрантов, прибывающих в регион в целях осуществления трудовой деятельности. Причем, с учетом того, что владение русским языком на институциональном уровне определяется в качестве одного из условий миграционной деятельности, преимущественно речь идет о незаконных мигрантах, находящихся вне правового поля. Примечательно, что в

---

¹⁵⁰ Гофман, А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А. Б. Гофман // Социологический ежегодник 2012 : сб. науч. тр. / под ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – С. 16–100.

рамках основного спектра проводимых социологических исследований именно мигранты выступают в роли той социальной группы, которая вызывает наибольшую обеспокоенность местного населения, что связано с неопределенным социальным статусом мигрантов, их активным вовлечением в конкурентную борьбу за трудовые места и иные блага, недостаточной адаптированностью мигрантов к системе правил и норм принимающего региона, различиями этнокультурного плана между коренным населением и мигрантами, недоверием со стороны коренного населения по отношению к приезжим и т. д.¹⁵¹. Для Краснодарского края характерны высокие показатели миграционных потоков, что определяет значимость данного аспекта выстраивания межэтнического взаимодействия в регионе.

Что касается второго аспекта, а именно замкнутости этнических сообществ, проживающих на территории региона, следует отметить, что наиболее широкие группы этнически маркированного населения Краснодарского края (русские, армяне, украинцы, адыгейцы) реализуют, в целом, открытую модель социального взаимодействия, что проявляется в активном общении представителей данных этносов¹⁵², включенности в различные профессиональные сферы, неформальном взаимодействии (наличие смешанных дружеских коллективов, представленных людьми из разных народов) и т. д. Этнические анклавов, как отмечает Е. А. Трушкова, «представляются как группа людей одной этнической принадлежности, проживающих на принимающей территории иностранного государства по обычаям и культурным традициям своего этноса»¹⁵³. Анклавизация представляет собой социальный процесс, не предполагающий адаптации к условиям принимающего региона, что связано либо с замкнутым проживанием представителей конкретного этноса на общей территории, с ограниченным уровнем внешних социальных контактов, либо с временным проживанием в регионе, при котором мигранты не

---

¹⁵¹ Кольба, А. И. Мониторинг межэтнических отношений как инструмент политического управления городскими конфликтами / А. И. Кольба, Е. Я. Хасаева // Среднерусский вестник общественных наук. - 2017. - № 6. - С. 141–149.

¹⁵² Воронов, В. В. Моделирование межэтнических отношений в российских регионах / В. В. Воронов // Власть. - 2018. - № 9. - С. 127–134.

¹⁵³ Трушкова, Е. А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях / Е. А. Трушкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. - 2018. - № 3. - С. 377–382, С. 379.

утруждают себя адаптацией к его социальной и культурной среде. Исследователи обращают внимание на то, что второй вариант является наиболее распространенным, что характеризует активные миграционные потоки в качестве одного из источников формирования закрытых этнических сообществ, не признающих правил, норм и практик взаимодействия, принятых в конкретном регионе¹⁵⁴. Анализ данного социального феномена позволяет понять, почему внутренняя миграция, реализуемая на уровне одного государства, имеет существенно меньший потенциал дестабилизации системы межэтнического взаимодействия, нежели внешние миграционные процессы.

Одним из важных аспектов принятия (или, напротив, неприятия) этнокультурных особенностей другого этноса является то, что существуют культурные традиции с различной степенью регламентации поведения членов общества и, по факту, один и тот же аспект социальной активности в одной культурной традиции может обладать высокой степенью регламентированности, а в другой – практически не регулироваться. Диапазон возможных, с точки зрения социальной культуры допустимых форм поведения – это чрезвычайно важный аспект культурной определенности различных этносов, определяющий возможность корректного взаимодействия между ними, либо, напротив, предопределяющий возникновение напряженности между представителями различных этнических групп и, как минимум, формирование негативных оценок представителей одной группы участниками другой.

Важнейшим аспектом в данном случае является не только то, насколько различаются две культуры, но и то, как интерпретируются данные различия в социально-коммуникативном пространстве. И в данном контексте вызывает интерес то, что может иметь место совершенно различная реакция на «привычные» различия сосуществующих народов и противоречия в социальных установках со стороны приезжих, не имеющие аналогов в социальном опыте жителей региона. Здесь целесообразно говорить о своеобразном «ресурсе толерантности», который

---

¹⁵⁴ Трушкова, Е. А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях / Е. А. Трушкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. - 2018. - № 3. - С. 377–382, С. 379.

формируется под влиянием исторического сосуществования различных народов. Применительно к ситуации на Юге России исследователи обращают внимание на наличие сложившихся на протяжении длительного исторического периода предпосылок принятия различий как социального факта, что проявляется в длительном взаимодействии представителей различных традиций, с сохранением ядра этнокультурных установок рассматриваемых общностей и одновременно с сохранением относительно нейтрального климата взаимодействия¹⁵⁵.

Аналитически во взаимодействии двух этносов по определенному вопросу мы можем выделить следующие варианты соотношения культурно-мировоззренческой определенности их представителей:

- конфликтный (в ситуации, когда имеет место строгая регламентация определенной сферы жизненной активности субъекта, при этом способы регуляции, представленные на уровне культуры двух этносов, противоречат друг другу);

- солидарный (в ситуации, когда имеет место совпадение культурных форм, на уровне которых реализуется строгая регламентация социальных проявлений действующего субъекта);

- нейтральный (в ситуации, когда строгая регламентация у представителя одного этноса вписывается в широкий диапазон допустимых действий в мировоззрении другого, либо имеет место два мировоззрения, допускающие широкий спектр возможных социальных проявлений).

Данная модель в целом не противоречит исследовательскому подходу Р. Парка, в рамках которого описываются различные стадии включения представителей разных этносов в социальную среду принимающего региона, поскольку в данном случае момент конфликтности берется в специфическом ключе: не с точки зрения социального конфликта, но с точки зрения противоречия установок мировоззрения. Кроме того, следует отметить, что социальная среда является неоднородной, ввиду чего и процесс встраивания в нее не предполагает

---

¹⁵⁵ Шадже, А. Ю. Модернизирующийся Северный Кавказ: параметры идентичности / А. Ю. Шадже, Е. С. Куква // Вестник МГОУ. Серия : Философские науки. – 2012. – № 2. – С. 31-37

формирования в равной мере благоприятных отношений среди участвующих в социальном взаимодействии членов общества.

Для оценки специфики этнокультурных предпосылок выстраивания межэтнических отношений немаловажное значение имеет то, каким именно образом на уровне конкретного этноса реализуется момент этнического самосознания. В целом можно выделить три основных модели этнического самосознания, определяющие характер восприятия внешних групп:

- групповой фаворитизм по отношению к собственной этносоциальной группе;

- ориентация на другую группу, существование которой определяется с точки зрения социального субъекта в качестве более благоприятного (чаще всего подобного рода ситуация реализуется в том случае, если в рамках конкретной группы, выступающей в роли коллективного субъекта восприятия, наблюдается существенный упадок)¹⁵⁶. Типичным примером «ориентации на другого» может выступить идеология западничества в дореволюционной России;

- нейтральное восприятие этнического аспекта.

В силу ряда социальных факторов нейтральное восприятие этнического аспекта может иметь место в том случае, если представители конкретного этноса не являются ущемленными в той среде, в рамках которой они проживают. По этой причине, преимущественно, нейтральная модель этнической идентификации складывается среди коренного населения региона, а также в рамках его этнического большинства (что в отдельных случаях не совпадает). Этнические группы, находящиеся в меньшинстве на конкретной территории, зачастую сталкиваются с рядом затруднений, ввиду чего момент групповой солидарности¹⁵⁷ среди них актуализируется, что способствует развитию группового фаворитизма в

---

¹⁵⁶ Ставропольский, Ю. В. Межгрупповая модель этнокультурной идентичности / Ю. В. Ставропольский // Известия Саратовского университета. – 2007. – № 1. – С. 46–49.

¹⁵⁷ Гофман, А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А. Б. Гофман // Социологический ежегодник 2012 : сб. науч. тр. / под ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – С. 16–100

отношении представителей собственного этноса¹⁵⁸. Следует отметить, что сам по себе групповой фаворитизм еще не является основанием для обострения межэтнического взаимодействия. Как отмечает И. М. Кузнецов, на характер выстраивания отношений с представителями других этносов влияет соотношение между ингрупповым фаворитизмом и аутгрупповым негативизмом¹⁵⁹, при этом наличие развитой этнической гордости и в целом высокая оценка представителей своего этноса еще не является основанием для реализации конфликтных сценариев. Вместе с тем рассмотренный выше сценарий относится к числу неблагоприятных, при которых ситуация изначально предполагает момент стесненного существования представителей конкретной этнической группы, переживающих трудности встраивания в новую для них социальную среду. Если учесть в данном контексте тот факт, что коренное население относится к приезжим со значительной долей предубеждения, несложно оценить рискогенный потенциал данного сценария.

Резюмируя проведенный выше анализ, отметим, что в Краснодарском крае отмечается умеренный уровень рисков дестабилизации межэтнического взаимодействия с участием коренного населения, что отмечается как в научно-исследовательской литературе, так и получило широкое отражение на уровне результатов социологических опросов, в которых члены общества, преимущественно, выражают обеспокоенность поведением мигрантов. Это в целом характеризует закономерную ситуацию, в рамках которой основным фактором нестабильности и одновременно ключевым направлением интеграции представителей этнических меньшинств в структуру региона (или дестабилизации ситуации в нем за счет провоцирования межгрупповых конфликтов и связанных с ними дезинтегративных процессов) являются приезжие, еще не прошедшие основные стадии адаптации в структуру социальных отношений.

---

¹⁵⁸ Гофман, А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А. Б. Гофман // Социологический ежегодник 2012 : сб. науч. тр. / под ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – С. 16–100.

¹⁵⁹ Кузнецов, И. М. Вариативность баланса межэтнических установок: причины и условия формирования / И. М. Кузнецов // Россия реформирующаяся. - 2019. - № 17. - С. 355–375.

Аналитически можно выделить несколько значимых срезов межэтнического взаимодействия, развертывающегося в Краснодарском крае:

- отношение между коренным населением края, относящимся к различным этносам;
- отношение между «родственными» и близкими по культуре народами, проживающими на территории края;
- отношения между народами, значительно различающимися по характеру этнокультурной определенности.

На фоне нейтрально-положительного взаимодействия славянских этносов исследователи констатируют рост напряженности в отношениях представителей русского и украинского этносов, что объясняется последствиями политических процессов, развертывающихся на протяжении последнего десятилетия. При этом примечательным фактом является то, что в отношении выходцев с Юго-Восточной Украины жители региона проявляют значительную степень лояльности, что связано со статусом беженцев многих из них¹⁶⁰. Характеризуя ухудшение климата взаимодействия между представителями русского и украинского этносов, следует отметить крайнюю неоднородность данного процесса, а также то, что он вызван, преимущественно, процессами в политическом сознании членов общества, нежели этнокультурными различиями¹⁶¹.

В целом можно констатировать благоприятный характер отношения к представителям этносов, длительное время проживающих на территории региона – адыгейцев, армян, греков и т. д. В данном случае значительную роль играет более глубокое знакомство с их культурой и обычаями, а также частичная ассимиляция представителей данных народов, их глубокое встраивание в социально-культурную среду региона. При этом присутствует значительный уровень недоверия по отношению к отдельным народностям (преимущественно, выходцам из Азии и Средней Азии), что связано с незначительным уровнем знакомства с их

---

¹⁶⁰ Тужба, Э. Н. Мигранты с юга-востока Украины в представлениях жителей Краснодарского края / Э. Н. Тужба, В. Н. Муха // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2021. - № 10. - С. 82–85.

¹⁶¹ Кошкин, А. П. Возможна ли балканизация российско-украинского конфликта? / А. П. Кошкин, В. В. Черданцев // Russian Journal of Economics and Law. - 2015. - № 3 (35). - С. 272–278.

культурой, а также издержками трудовой миграции, как основного источника притока мигрантов из данных регионов. По факту применительно к данным народностям можно судить о том, что процесс их интеграции в социальное пространство региона находится на начальных стадиях.

В крае присутствует ряд проблем, связанных с отсутствием механизмов контроля миграционной деятельности (достаточно остро звучит проблема нелегальной миграции, несущей в себе значительные социальные риски), конфликтным характером депортационной активности властей, проявлениями этнической преступности. Вместе с тем, рассматривая общую динамику изменения социальных оценок межэтнического взаимодействия, представленных на уровне многочисленных социологических исследований, можно констатировать положительные тенденции укрепления межнационального согласия в социальной среде региона. Качественные и количественные изменения, происходящие в регионе, свидетельствуют об актуализации проблемы интеграции представителей иноэтнических групп в социально-культурную среду Краснодарского края.

Отдельного внимания в данном контексте заслуживает проблематика закрытости этнических сообществ, имеющих сравнительно недолгую историю проживания на территории края, а также проблема рисков развития дезинтеграционных процессов в межэтнической среде.

1.3. Институциональные практики регулирования межнациональных отношений в Краснодарском крае

Осмысление процессов регулирования межэтнических отношений со стороны государства (что, собственно, относится к числу ключевых факторов социальной интеграции представителей этнических меньшинств) с

необходимостью предполагает решение вопроса о том, до какой степени данный процесс является управляемым, иными словами, каково соотношение «естественных» процессов взаимодействия в межэтнической среде, результатом действия которых становится постепенное включение новых представителей в сложившуюся на уровне региона этнокультурную ситуацию, и регулятивных практик, реализуемых на уровне государственных институтов¹⁶². На уровне первого параграфа была определена совокупность экономических, политических, этнокультурных факторов интеграции представителей этнических меньшинств в структуру принимающего региона, однако вопрос о роли государственной власти в данном процессе не был подвергнут достаточной теоретической детализации¹⁶³. В рамках настоящего параграфа будет осуществлена концептуализация данного вопроса, с последующим уточнением конкретных характеристик государственной национальной политики, реализуемой на уровне России в целом и Краснодарского края в частности.

---

¹⁶² Вопрос регулирования межнациональных отношений на Юге России в постсоветский период мы рассматривали сквозь призму следующих важных исследовательских работ: Денисова, Г. С. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России / Г. С. Денисова, Ю. Г. Волков, А. В. Лубский // *Власть*. – 2017. – Т. 25. – № 7. – С. 13–22; Денисова, Г. С. Межэтнические взаимодействия на Юге России как предмет научных исследований / Г. С. Денисова, А. В. Лубский, В. П. Войтенко // *Гуманитарий Юга России*. – 2018. – № 6. – С. 41–56; Денисова, Г. С. Методологический конструкт эмпирического исследования восприятия этнических групп и измерения межгрупповой дистанции / Г. С. Денисова // *Этнорелигиозная идентичность татарского народа в условиях глобализации : материалы II Междунар. науч.-практ. конф.*, г. Казань, 18–20 сент. 2019 г. – Ч. 1. – С. 151–171; Денисова, Г. С. Социальная справедливость в межэтнических отношениях / Г. С. Денисова // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 1–13; Денисова, Г. С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области / Г. С. Денисова // *Регионология*. – 2021. – Т. 29. – № 1. – С. 126–150; Денисова, Г. С. Этническая специфика представлений об интегрирующих ценностях российской нации / Г. С. Денисова // *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) : сб. материалов Междунар. науч. конф., Москва, 28–30 нояб. 2019 г. [Электронный ресурс] / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 89–93; Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа : монография / Е. А. Авдеев, А. В. Аверьянов, С. М. Воробьев [и др.]. – Ставрополь : Бюро новостей, 2022. – 368 с.; Денисова, Г. С. Риски конфликтогенности межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи / Г. С. Денисова, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // *Наука. Культура. Общество*. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 185–199; Денисова, Г. С. Стереотипы восприятия мигрантов жителями мегаполиса в контексте миграционной политики: случай Ростова-на-Дону / Г. С. Денисова // *Вестник Поволжского института управления*. – 2019. – Т. 19. – № 6. – С. 87–94; Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Денисова, Г. С. Роль русского населения в социокультурной интеграции народов Северного Кавказа : демографическая динамика и представления студенческой молодежи Ставропольского края / Г. С. Денисова, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // *Наука. Культура. Общество*. – 2024. – Т. 30. – № 1. – С. 62–79; Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г. С. Денисова, М. А. Герман, В. И. Денисов [и др.] // науч. ред. Г. С. Денисова, С. Я. Суций. - Ростов-на-Дону : Изд-во Фонд науки и образования, 2018. – 188 с.*

¹⁶³ Акопян, И. Мы вступаем в будущее, пятясь назад / И. Акопян // *Знание сила*. – 1989. – № 4. – С. 40–45; Бойков, В. Э. Социально-политические факторы развития российского общества / В. Э. Бойко // *Социс*. – 1995. – № 11; Гаджиев, К. С. Тоталитаризм как феномен двадцатого века / К. С. Гаджиев // *Вопросы философии*. – 1992. – № 2. – С. 3–25.

Прежде всего следует отметить, что существуют различные аспекты государственного регулирования, направленного на изменение условий социальной интеграции представителей различных этнокультурных групп, и связано это с неоднородным характером последних по ряду критериев (актуальная интегрированность в социальную и культурную среду региона, материальные возможности, правовой статус, текущие социальные запросы и т. д.). В этом плане между собой существенно различаются длительно проживающие и уже хорошо адаптированные к условиям жизни в регионе представители диаспор и землячеств, с одной стороны, и недавние мигранты, процесс встраивания которых в социальную среду региона еще не завершен. Отсюда проистекает ситуация, в рамках которой «урavnительное» рассмотрение народов, характерное для макроподхода, не работает в полной мере в силу неоднородности групп и общностей, составляющих этнические объединения. Одновременно с этим наличие тесных связей между представителями одного сообщества не позволяет рассматривать недавних мигрантов и уже интегрировавшихся в социальную структуру региона членов общества в качестве автономных, разнородных групп. Собственно, именно специфика взаимоотношений внутри диаспорных и земляческих групп, где существует значительное расхождение по миграционному, правовому, экономическому статусу, культурным критериям, имеет высокий уровень значимости в рамках рассматриваемых процессов и тенденций¹⁶⁴.

Исходя из сказанного выше можно разделить между собой следующие аспекты практик регулирования социальных отношений в межэтнической среде, направленных на интеграцию представителей инокультурных групп в социальную (и культурную) среду принимающего региона:

- общие аспекты государственной политики, направленные на создание институциональных и средовых предпосылок социальной интеграции представителей этнических меньшинств. Данные направления связаны, преимущественно, с областью правового регулирования, определяющего статус и

---

¹⁶⁴ Международные экономические отношения и интеграция / Ю. А. Щербанин, К. Л. Рожков, В. Е. Рыбалкин, Г. Фишер. – Москва : Банки и биржи, 1997. – 126 с.

возможности представителей различных народов, заданные на институциональном уровне возможности по обеспечению им условий для формирования социальной включенности;

- направления государственного регулирования, ориентированные на конкретные аспекты выстраивания межэтнических отношений (миграционная политика, регулирование процессов в экономической, правовой, образовательной сферах, связанных с включением представителей этнических меньшинств в социальную среду региона, культурная политика);

- адресные воздействия, направленные на регулирование конкретных ситуаций, решение возникающих проблем, урегулирование конфликтов и т. д.

В рамках анализа практик регулирования межэтнического взаимодействия в Краснодарском крае на первоначальном уровне целесообразно охарактеризовать такой аспект, как соотношение федеральной и региональной национальной политики. В этом контексте исходным шагом в осмыслении поставленного вопроса является осуществление общего анализа федеральной национальной политики, реализуемой в российском обществе. С учетом значимости исторического контекста в ходе проводимого анализа будут освещены отдельные аспекты национальной политики, проводимой в советский, постперестроечный и современный периоды¹⁶⁵.

---

¹⁶⁵ Исследование региональной политики регулирования межнациональных отношений мы проводили в опоре на следующие труды: Лукичев, П. Н. Демографические и миграционные процессы в Ростовской области на рубеже веков / П. Н. Лукичев // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 3. – С. 49–58; Лукичев, П. Н. Межнациональные отношения в студенческой среде / П. Н. Лукичев // Методология, теория и история социологии : сб. науч. статей Всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 11–12 нояб. 2011 г. / под ред. д.с.н. В. И. Филоненко. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2012. – С. 534–541; Лукичев, П. Н. Определение максимально допустимого уровня миграции / П. Н. Лукичев // Лосевские чтения : тр. Междунар. ежегод. науч. конф., г. Новочеркасск, май 2008 г. – Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2008. – С. 225–231; Лукичев П. Н. Социодинамика, миграция и этнодемографическая напряженность / П. Н. Лукичев // Вестник ЮРГТУ (НПИ). – 2009. – № 1. – С. 3–14; Лукичев, П. Н. Экономико-демографические показатели социальной напряженности / П. Н. Лукичев // Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе : сб. науч. статей., г. Ростов-на-Дону, 20–21 декабря 2012 г. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2012. – Вып. 4. – С. 83–98; Лукичев, П. Н. Язык общения и этноконфессиональная идентичность (по материалам социологического исследования) / П. Н. Лукичев // Научное обеспечение регионального развития : материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2014 г. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2015. – С. 558–571; Лукичев, П. Н. Межнациональные отношения в вузах Ростовской области : мнения и оценки студентов и экспертов / П. Н. Лукичев, Д. В. Абросимов, Т. А. Марченко // Философия права. – 2013. – № 1. – С. 80–87; Исследовательские центры по проблемам межнациональных и этноконфессиональных отношений в Ростовском регионе / П. Н. Лукичев, В. Н. Коновалов, С. А. Мартиросян [и др.] // Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе : материалы всерос. науч. конф. г. Ростов-на-Дону, 21–22 ноября 2013 г. / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2014. – Вып. 5. – С. 290–305; Проблемы регионального

Для начала охарактеризуем специфику национальной политики, реализуемой в советский период¹⁶⁶. В процессе формирования советского государства в его основы были заложены две принципиально различные и противоположные по своему вектору установки: акцентуация на моменте этничности, связанная с принципами национального самоопределения народов и фактического закладывания этнонациональной компоненты в структуру государственного управления (формирование национальных республик¹⁶⁷), и позиционирование преобладания интернациональной, советской идентичности над национальным аспектом в рамках парадигмы интернационализма и дружбы народов¹⁶⁸. Замысел, лежавший в основе данной парадигмы, был связан с постепенным замещением этнической идентичности установками самосознания, связанными с признанием общности по критерию принадлежности к советскому государству, основанной на примате классового самосознания над национальным¹⁶⁹.

Структура регулирования межэтнических отношений в постсоветской России опирается на конституционное положение об общности прав и возможностей граждан независимо от их этнической, расовой принадлежности, пола и вероисповедания¹⁷⁰. При этом с момента распада СССР можно констатировать наличие активных векторов государственной политики, направленных на удержание под контролем сферы межнациональных отношений внутри страны при сохранении парадигмы равноправия народов, включенных в структуру российского общества при

управления межэтническими отношениями / П. Н. Лукичев, В. П. Коновалов, Л. Л. Хоперская и [др.] // IV Южно-Российский политологический конвент : сб. материалов, г. Ростов-на-Дону, 21–25 окт. 2013 г. / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2013. – С. 294–305; Лукичев, П. Н. Полиэтнические семьи / П. Н. Лукичев, Н. С. Пасечник // Методология, теория и история социологии : сб. науч. ст. (Ростов-на-Дону, 23–24 ноября 2012 г.); в 3 т. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2012. – Т. 2. – С. 389–394; Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / П. Н. Лукичев, В. В. Степанов, Л. Л. Хоперская [и др.]; под ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова. – Москва, Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2013. – 114 с.

¹⁶⁶ Дробижева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева. – Москва : Институт социологии РАН. – 2003. – 376 с

¹⁶⁷ Денисова, Г. С., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа : монография / Е. А. Авдеев, А. В. Аверьянов, С. М. Воробьев [и др.]. – Ставрополь : Бюро новостей, 2022. – 368 с.

¹⁶⁸ Хисматуллин, И. Р. Государственная национальная политика в СССР: ключевые особенности и практика реализации / И. Р. Хисматуллин // Инновационная наука. - 2017. - № 12. - С. 228–229.

¹⁶⁹ Седова, Н. Н. Интернационализм. Патриотизм. Личность / Н. Н. Седова. - Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. – 126 с.

¹⁷⁰ Косолапов, Н. А. Постсоветские конфликты и Россия / Н. А. Косолапов // Этнополис. – 1995. – № 5.

ориентации на интегрирующую роль русской культуры (включая языковой аспект)¹⁷¹.

Рассмотрим основные институты и регулятивные нормы, определяющие содержание и характер национальной политики в российском обществе. К числу основных мер, направленных на регулирование межэтнических отношений и создание условий для консолидации народов России, относятся создание Государственного комитета по национальной политике в 1992 году, принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году, принятие в 1996 году Концепции государственной национальной политики, введение в 2005 году закона «О государственном языке Российской Федерации», принятие в 2007 году закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта», принятие в 2012 году Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, создание в 2015 году Федерального агентства по делам национальностей.

Основными доктринальными законами в данном контексте являются Конституция Российской Федерации, а также принятые в 1996 и 2012 годах Концепция и Стратегия государственной национальной политики.

На уровне Концепции национальной политики, принятой в 1996 году, производится фактическое обозначение вектора регулирования межнациональных отношений в условиях необходимости противодействия центробежным политическим процессам, связанным с установкой отдельных регионов на получение автономии, что определило некоторые противоречия в ее содержании. Как отмечает М. В. Андросов, «в документе, с одной стороны, заявляется о стремлении народов к самоопределению, но, с другой стороны, констатируется «объективный процесс интеграции российского общества». Одновременно отмечается «возрастающая самостоятельность субъектов РФ и воля граждан к упрочению общероссийской государственности». В Концепции говорится о

---

¹⁷¹ Прохоренко, И. Л. Межгосударственные и межнациональные конфликты на территории бывшего СССР (взгляд зарубежных ученых) / И. Л. Прохоренко // США: экономика, политика, идеология. – 1994. – № 8–9. – С. 65–75.

необходимости обеспечения «гармоничного сочетания самостоятельности субъектов и целостности государства». Таким образом, в тексте документа мы видим неоднозначность и разнонаправленность политических процессов: тяготение к укреплению государственности и желание выйти из Федерации путём самоопределения»¹⁷².

На настоящий момент определяющим доктринальным документом, задающим направленность национальной политики, является Стратегия государственной национальной политики до 2025 года. В рамках данной Стратегии приняты следующие ключевые положения:

«Этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации защищено государством. В Российской Федерации используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета»¹⁷³.

Таким образом, в рамках Стратегии определено неотъемлемое право народов на сохранение языковой идентичности, что является одним из важнейших аспектов сохранения самобытности и преемственности национальных культур. При этом положение о защите государством этнокультурного многообразия Российской Федерации фактически характеризует момент поддержки этнических меньшинств в вопросе сохранения уникального культурного кода, присущего им. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в рамках Стратегии обозначается интегрирующее цивилизационное значение русской культуры¹⁷⁴. В частности, в документе обозначается, что «...общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество

---

¹⁷² Хисматуллин, И. Р. Государственная национальная политика в СССР: ключевые особенности и практика реализации / И. Р. Хисматуллин // Инновационная наука. - 2017. - № 12. - С. 228–229.

¹⁷³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666).

¹⁷⁴ Агеев, В. С. Психология межгрупповых отношений / В. С. Агеев. – Москва : изд-во МГУ, 1983. - 144 с; Гилберт П. Человеческая природа и страдание / П. Гилберт. – Москва, 1991.; Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 542 с; Тойнби, Д. Постигание истории : сборник : перевод с английского / Д. Тойнби. – Москва : издательство Прогресс, 1991. – 730 с; Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации / Е. Л. Сороко // Демографическое обозрение. – 2014. – № 4 (4). – С. 96–123.

объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру»¹⁷⁵.

Анализируя данный аспект Стратегии, отметим, что представление о доминантном значении русской культуры и, в частности, «интегрировании лучших достижений народов России в российскую культуру», на первый взгляд, противоречит принципу культурного равноправия различных народов, однако, по факту здесь производится разграничение между правами представителей различных народов на сохранение культурного наследия и принципом интеграции членов российского общества в единую структуру взаимодействия. В данном случае определяющим является то, какие из аспектов русской культуры могут быть рассмотрены в качестве основания для объединения различных по своим характеристикам общностей. Анализируя длительную историю развития русского народа, в данном случае следует обратить внимание на высокий уровень терпимости к различиям, способности к принятию разных мнений и подходов, как одного из значимых смыслообразующих аспектов русской культуры. В данном контексте можно судить о попытке сохранения «единства в различиях», допускающего возможность как сохранения идентичности представителей этнических меньшинств, так и культурного обмена, результатом которого может стать, в том числе, обогащение русской культуры. Рассматривая в данном контексте векторы выстраивания межэтнических отношений на уровне принятых принципов регулирования, следует отметить отсутствие установки на культурную ассимиляцию: речь идет, скорее, о реализации принципов аккомодации, создающих условия для конструктивного практического взаимодействия представителей различных народов при сохранении их внутренних особенностей

---

¹⁷⁵ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666).

(и, соответственно, этнокультурных различий). При этом установка на принятие в рамках доминантной русской культуры элементов культурных установок других народов характеризует попытку обеспечения равноправного сосуществования различных этносов, без стремления к подавлению их особенностей (и, напротив, с возможностью приобщения к наиболее значимым аспектам их культурного наследия). В данном контексте можно рассматривать позиционирование своеобразного средового значения установок русской культуры: они задают отдельные принципы взаимодействия, способствуют формированию общего поля коммуникации (с чем связано обозначение русского языка в качестве государственного), однако предполагают скорее момент открытости к диалогу¹⁷⁶.

К числу основных принципов, заложенных на уровне Стратегии, относятся:

«- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

- обеспечение равных условий для развития народов Российской Федерации и этнических общностей;

- защита прав национальных меньшинств;

- предотвращение любых форм дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

- уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной ненависти либо вражды»¹⁷⁷. Здесь прослеживается отчетливая тенденция утверждения на правовом уровне принципов уважения к правам и интересам представителей национальных меньшинств, обеспечение их равноправного включения в структуру социального взаимодействия и недопущение оказания на них давления, связанного с принудительной «русификацией» представителей этнических меньшинств.

---

¹⁷⁶ Слизский, Е. А. Современная информационная коммуникация как фактор выстраивания межэтнических отношений / Е. А. Слизский // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия : Социально-экономические науки. – 2021. – № 3. – С. 84–89.

¹⁷⁷ Там же.

Рассматривая вопрос о том, в каком виде на практике представляется реализация данных установок, следует отметить, что существует целый пласт проблем, связанных с противоречиями между нормами поведения, принятыми в конкретных этносоциальных группах на уровне их обычаев, традиций и культурных установок, с одной стороны, и областью правовых норм, принятых в российском обществе, с другой. В данном контексте правомерна гипотеза о том, что на уровне различных этносов (в том числе, активно вовлеченных в процессы межэтнического взаимодействия) может существовать набор внутренних практик взаимодействия, не вписывающихся в усредненные общие нормы гражданского взаимодействия. С учетом этого предположение о том, что установка на сохранение культурного многообразия и права народов на сохранение идентичности, реализуется на практике в форме создания условий для аккомодации членов этнических меньшинств, обретает дополнительное обоснование.

Одним из немаловажных аспектов государственной политики является осуществление вклада в социальное, экономическое, культурное развитие представителей этнических меньшинств, что проявляется в следующих принципах, утвержденных на уровне Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года:

«- государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, этнокультурного развития русского народа и других народов Российской Федерации, их творческого потенциала, являющегося важнейшим стратегическим ресурсом российского общества;

- преемственность исторических традиций народов Российской Федерации, в том числе таких, как солидарность и взаимопомощь¹⁷⁸;

- устойчивое экономическое, социальное и культурное развитие коренных малочисленных народов Российской Федерации, защита их исконной среды

---

¹⁷⁸ Каменский, З. А. Культурно-исторические типы или единство историко-философского процесса / З. А. Каменский // Вопросы философии. – 1995. – № 2. – С. 61-66.

обитания, традиционного образа жизни, а также защита прав и законных интересов этих народов»¹⁷⁹.

Важным моментом в анализе данного набора принципов является то, что речь идет об ориентации на создание благоприятных институциональных предпосылок, способствующих снижению интенсивности факторов дестабилизации отношений в межэтнической среде. В частности, например, устойчивое экономическое развитие представителей малочисленных народов может способствовать снижению экономического неравенства регионов и, как следствие, интенсивности миграционного потока, выступающего в качестве одного из серьезных дестабилизирующих факторов¹⁸⁰.

Отдельного внимания заслуживают принципы организации национальной политики, связанные с реализацией организационного аспекта принятого комплекса мер:

«- взаимодействие государственных органов и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

- применение комплексного подхода к решению задач государственной национальной политики Российской Федерации с учетом ее межотраслевого характера»¹⁸¹.

Таким образом, на уровне данного документа, с одной стороны, обозначается вектор реализации защиты национальных интересов малочисленных народов, с другой – обозначаются стратегические направления деятельности, ориентированные на недопущения развития деструктивных сценариев межэтнического взаимодействия, с третьей – обозначается системный характер реализации национальной политики, предполагающий консолидацию усилий органов государственной власти и разнообразных общественных организаций в

---

¹⁷⁹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666).

¹⁸⁰ Слизский, Е. А. Взаимосвязь социального неравенства и возникновению очагов межэтнического напряжения / Е. А. Слизский // Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике : эл. сб. науч. статей по материалам III Международной науч.-практ. конф., 20 апреля 2021 г. – Москва : НИЦ МИСИ, 2021. - С. 320–325.

¹⁸¹ Там же.

целях обеспечения благоприятного социального диалога между представителями различных этнических групп.

Анализируя на общем уровне содержание данной Стратегии, можно заключить о том, что конечный результат, стремление к которому выражено на уровне данного документа, связан с обеспечением социальных предпосылок нормализации взаимодействия между представителями различных этносов (фактически, речь идет об интеграции их в единую структуру взаимодействия) с сохранением культурных различий. При этом следует обратить внимание на важный момент: в рамках Стратегии не ставится вопрос о необходимости консервации различных этнокультурных общностей (напротив, формирование замкнутых анклавов рассматривается в качестве одной из негативных тенденций, которой необходимо противодействовать наряду с тенденциями сепаратизма и возникновения экстремистских радикальных установок), речь идет скорее о постановке задачи по объединению членов общества с сохранением их прав и возможностей по воспроизводству национальной культуры.

Реализация государственной национальной политики – многоуровневый процесс, реализуемый посредством вовлечения федеральных, региональных и муниципальных органов власти, а также привлечения общественных организаций, участвующих в реализации ключевых задач по обеспечению благоприятного фона межэтнического взаимодействия. Основные моменты взаимодействия между федеральными и региональными органами власти реализуются в рамках деятельности Комиссии по миграционной политике и Федерального агентства по делам национальности. На уровне деятельности Комиссии по миграционной политике осуществляется регулирование миграционных процессов, а также координация деятельности правительственных органов в данной сфере. В свою очередь деятельность Федерального агентства по делам национальности связана с обеспечением выполнения ключевых федеральных программ посредством направления соответствующих рекомендаций. Эти рекомендации «...детально конкретизируют виды деятельности региональных и муниципальных служащих в сфере установления межнационального согласия и недопустимости отклонений от

нормативных требований, обеспечивающих мир и согласие»¹⁸². Таким образом, принятая структура регулирования носит централизованный характер, что предполагает единство государственных практик по регулированию межэтнических отношений. Вместе с тем следует отметить, что в сложившейся структуре взаимодействия значительная доля ответственности ложится на органы региональной и муниципальной власти, осуществляющие контроль и корректировку ситуации на местах и, собственно, реализующие практическую составляющую принятых на федеральном уровне векторов регулирования межэтнических отношений.

Обратимся к региональному аспекту государственной национальной политики и рассмотрим специфику мер, принимаемых на уровне Краснодарского края. Для начала следует рассмотреть основные структурные подразделения, ответственные за осуществление региональной национальной политики. В Краснодарском крае такую функцию выполняет Департамент внутренней политики администрации Краснодарского края, ответственный за широкий спектр задач, связанных с регулированием внутренних процессов, протекающих в крае. В частности, в его область ответственности входит:

«- осуществление взаимодействия администрации Краснодарского края с политическими партиями, общественными объединениями, религиозными организациями, национальными общинами Краснодарского края и другими институтами гражданского общества;

- осуществление мер по реализации государственной национальной политики, включающих обеспечение государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, предотвращение любых форм ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

---

¹⁸² Томильцев, А. В. Управление межэтническими отношениями в Российской Федерации: учебное пособие / А. В. Томильцев / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. - 172 с., С. 55.

- осуществление мер по разработке и реализации региональных программ государственной поддержки, сохранения и развития языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории Краснодарского края;

- осуществление в пределах своих полномочий иных мер, направленных на укрепление гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории Краснодарского края, защиту прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечение межнационального согласия»¹⁸³.

Таким образом, Департамент внутренней политики администрации Краснодарского края ответственен за разработку и реализацию широкого комплекса мер, выраженных в контроле ситуации межэтнического взаимодействия, обеспечении условий для формирования благоприятного климата межэтнических отношений, успешной интеграции представителей этнических меньшинств в социальную среду принимающего региона.

Еще одним значимым органом государственной власти, ответственным за реализацию государственной национальной политики, является Совет при губернаторе Краснодарского края по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями, ответственный за вынесение решений, связанных с обеспечением эффективной национальной политики в соответствии с установленным курсом по регулированию межнациональных отношений¹⁸⁴. На его уровне осуществляется координация усилий органов региональной, районной и муниципальной власти в обеспечении благоприятного

---

¹⁸³ Положение о Департаменте внутренней политики администрации Краснодарского края // Официальный сайт администрации Краснодарского Края : URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/2528/> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁸⁴ Бромлей, Ю. В. Национальные процессы в СССР : в поисках новых подходов / Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1988. – 207 с; Национальные процессы в СССР : сб. ст. / АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Центр по изуч. межнац. отношений ; отв. ред. М. Н. Губогло. – Москва : Наука, 1991. – 261 с; Табатадзе, Г. С. Межгосударственные отношения во взаимозависимом мире / Г. С. Табатадзе. – Ашхабад: Ылым, 1990. – 162 с.

характера межэтнических отношений, а также взаимодействие с общественными объединениями, в том числе, религиозными организациями.

Деятельность рассмотренных органов региональной власти регулируется рядом нормативных документов:

- План мероприятий по реализации в 2021 – 2025 годах в Краснодарском крае стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года;

- Подпрограмма «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае»;

- План мероприятий по проведению в 2022 – 2032 годах в Краснодарском крае международного десятилетия языков коренных народов;

- Порядок формирования и ведения регионального сегмента ГИС мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в Краснодарском крае.

Рассмотрим, какие институциональные практики по регулированию межнациональных отношений предусмотрены на уровне регионального управления. Основным программным документом в данном отношении является План мероприятий по реализации в 2021 – 2025 годах в Краснодарском крае стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В рамках данного документа представлены следующие направления социально-регулятивной и организационной деятельности:

- обеспечение равноправия граждан и реализации их конституционных прав в Краснодарском крае;

- укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации, обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений в Краснодарском крае;

- содействие этнокультурному и духовному развитию народов Российской Федерации в Краснодарском крае;

- формирование у детей и молодежи общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, культуры межнационального общения в Краснодарском крае;
- сохранение и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов Российской Федерации в Краснодарском крае;
- формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Краснодарском крае и их интеграции в российское общество;
- совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации в Краснодарском крае;
- совершенствование взаимодействия исполнительных органов государственной власти Краснодарского края и органов местного самоуправления в Краснодарском крае с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики в Краснодарском крае;
- информационное обеспечение реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Краснодарском крае¹⁸⁵.

Одним из важных направлений региональной деятельности, реализуемой в Краснодарском крае, является функционирование 4 центров национальных культур, на уровне которых производится ряд культурных мероприятий, направленных на укрепление мира и согласия между представителями различных этносов, проживающих на территории региона. Ежегодно в крае проводится более 300 национально-культурных мероприятий, включающих в себя праздники, фестивали национальных культур, круглые столы и т. д. Как отмечается на официальном сайте администрации Краснодарского края, «...действующие в крае центры национальных культур, помимо своей основной деятельности, стали переговорными площадками между органами государственной власти и

---

¹⁸⁵ Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах в Краснодарском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края № 787 от 03.12.2020. – URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=140179432&backlink=1&&nd=140145004&rdk=2&refoid=140179445>

гражданским обществом. Лидеры национальных общин и диаспор получили возможность прямого общения с руководством Краснодарского края»¹⁸⁶.

Одним из важнейших компонентов проводимой национальной политики является осуществление взаимодействия с общественными организациями. В список национально-культурных общественных объединений и иных национальных некоммерческих организаций, зарегистрированных и действующих на территории Краснодарского края входит 155 общественных организаций, посредством взаимодействия с которыми осуществляется выявление и, в том числе урегулирование ряда проблем и противоречий, возникающих в сфере межэтнического взаимодействия¹⁸⁷.

Обобщая данные направления региональной национальной политики, отметим основные ее характерные черты. К их числу относятся:

- согласованность общих векторов национальной региональной политики со Стратегией государственной национальной политики до 2025 года (что проявляется в основных положениях, представленных на уровне региональных документов, а также в применяемом спектре применяемых практик регулирования межэтнических отношений в регионе);

- наличие разделения между практикой регулирования межэтнического взаимодействия внутри региона и миграционной политикой;

- наличие развитого комплекса мер, направленных на своевременное выявление проблемных ситуаций (преимущественно речь идет о работе с обращениями граждан, связанными с ущемлениями по этнонациональному признаку, проявлениями конфликтности в межэтнической среде, фактами проявления национализма, экстремистской деятельности, подрывающей развитие благоприятных межэтнических отношений и т. д. Одновременно с этим на официальном уровне определен комплекс мер по борьбе с информационным экстремизмом, что характеризует ориентацию властей на противодействие

---

¹⁸⁶ Центры национальных культур // Официальный сайт администрации Краснодарского края. - URL : <https://admkrain.krasnodar.ru/content/2534/>.

¹⁸⁷ Национально-культурные организации // Официальный сайт администрации Краснодарского края. - URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/2532/>.

социокоммуникативным процессам, несущим угрозу интеграции представителей малочисленных народов в социальное пространство региона);

- осуществление развернутой системы мер, направленной на обеспечение возможностей по культурному самовыражению представителей этносов, проживающих на территории региона, формирование в гражданской среде уважения и интереса к их культурному наследию;

- обеспечение социального диалога между органами власти и представителями народов, проживающих на территории региона. Это осуществляется через взаимодействие с общественными организациями, а также представителями диаспорных и земляческих групп.

Применительно к сфере миграционной политики в крае реализован комплекс мер, содержательно ориентированный на решение основного спектра проблем, связанных с интенсивными миграционными процессами, в число которых входят:

- нелегальная миграционная деятельность;
- недостаточная правовая и культурная адаптация приезжих;
- демпинг цен на рынке труда, связанный с привлечением дешевой иностранной рабочей силы;
- «выпадение» нелегальных мигрантов из системы правового регулирования, что порождает риски роста преступности, субъектами которой выступают нелегальные мигранты;
- возникновение ущерба экономике, связанного с незаконной трудовой деятельностью, осуществляемой мигрантами.

В рамках комплекса мер, направленного на разрешение данных проблем, в крае осуществляется ограничительная политика, связанная с уменьшением числа квот на рабочие места, предоставляемые иностранным гражданам. Так, в 2020 году число данных квот снижено более чем вдвое. Одновременно с этим осуществляется активная деятельность по выявлению случаев незаконной миграции: в 2019 году к ответственности было привлечено свыше 76 тыс. нарушителей миграционного

законодательства, при этом выдворено из страны свыше 1,5 тыс. незаконных мигрантов¹⁸⁸.

Одной из значимых мер в организации системных мер по регулированию вопросов, связанных с миграцией, стало учреждение в 2018 году управления по миграционным вопросам. Воссоздано Управление по вопросам миграции Главного управления МВД России по Краснодарскому краю, а также организована межведомственная рабочая группа, в сферу ответственности которой входят вопросы пресечения нарушений миграционного законодательства¹⁸⁹. При этом в настоящее время отмечается тенденция привлечения общественных организаций и гражданских институтов (включая представителей диаспорных и земляческих групп) в урегулирование вопросов, связанных с миграционными процессами и их издержками.

Подводя итоги проведенному анализу осуществляемых институциональных практик, следует отметить, что они носят разнонаправленный характер. Аналитически можно выделить следующие уровни регулятивной деятельности:

- меры, направленные на изменение средовых характеристик региона (формирование общего благоприятного климата межнациональных отношений);
- меры, направленные на отдельные целевые группы (работа с молодежью на уровне учебных заведений, проведение культурно-просветительской работы и т. д.);
- взаимодействие с гражданскими институтами и отдельными авторитетными представителями этнических общин, участвующими в процессе регулирования межэтнического взаимодействия;
- работа в области информационного взаимодействия (освещение значимых событий, идеологическая работа, пресечение информационного экстремизма).

---

¹⁸⁸ Слизский, Е. А. Социальный капитал в условиях многонационального общества России: элементы и факторы / Е. А. Слизский // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. статей Всерос. науч.-практ. конф., 13 апреля 2021 г. – Уфа : Аэтерна, 2021. – С. 90–94.

¹⁸⁹ Костенко, Ю. В. Реформа институтов и технологий миграционной политики в Краснодарском крае (2018–2020 гг.) / Ю. В. Костенко // Общество: политика, экономика, право. - 2020. - № 5 (82). - С. 38–43.

Основной вектор регулирования связан с преодолением предпосылок возникновения конфликта в межэтнической среде и обеспечением условий для выстраивания отношений¹⁹⁰ при сохранении внутренней идентичности представителей этнических меньшинств. При этом в значительной степени различаются между собой механизмы интеграции субъектов внутренней и внешней миграции, что связано с различным статусом мигрантов и, в том числе, различным уровнем их приобщения к культуре и нормам поведения, принятым на уровне социальной среды региона. Рассматривая характер применяемых мер, следует обратить внимание, во-первых, на общую ориентацию органов государственной власти, связанную со сглаживанием «острых углов» в межнациональном взаимодействии при сохранении национально-культурной идентичности представителей этнических меньшинств, что позволяет судить о стратегии их аккомодации. Иными словами, целью осуществляемой политики становится формирование «точек соприкосновения» и некоей системы общих, нейтральных «правил игры», принимаемых различными этносами, проживающими в регионе при условии сохранения различий между ними, что свидетельствует об установке на реализацию аккомодации проживающих в регионе народов.

Процесс аккомодации предполагает сохранение различий, что, из плюсов, способствует реализации национальной программы на сохранение идентичности и самобытности культуры, из минусов – задает сохранение отдельных латентных противоречий (поскольку различия в ценностях, несмотря на научения «правилам игры» в общей этнокультурной среде сохраняются). Это определяет скрытые риски регрессии процессов социальной интеграции вплоть до развития значительных по степени выраженности конфликтных сценариев. При этом конечные результаты производимой регулятивной деятельности не являются продуктом одной лишь государственной регуляции, поскольку на настоящем этапе одни из полноправных субъектов взаимодействия в области межнациональных отношений являются институционализованные сообщества представителей этнических меньшинств –

---

¹⁹⁰ Мокляк, Н. Н. Социальные отношения: структура и формы проявления / Н. Н. Мокляк. – Киев : Наук. думка, 1986. – 205 с.

диаспоры и землячества, от характеристик которых (и, в том числе, от продвигаемых внутри данных сообществ моделей и практик социального взаимодействия, идентификационной и самоидентификационной деятельности), а также от уровня сотрудничества между ними и органами региональной и муниципальной власти, в значительной степени зависит климат межэтнического взаимодействия и дальнейшие тенденции его развития.

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ И УСТАНОВКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Позиционирование этнических групп в медиапространстве как фактор межэтнических взаимодействий

Эмпирическая часть исследования опирается на проведение комплексного социологического опроса, целью которого является анализ факторов и установок межэтнической интеграции в Краснодарском крае. Опрос проводился в три этапа в период с 2020 по 2022 год, в Краснодарском крае. Первый этап включал анализ медиасреды, которая в соответствии с гипотезой является действенным фактором, влияющим на характер межэтнических взаимодействий; второй этап – проведение фокус-групповых интервью, ориентированных на выявление восприятия основных проблем межэтнических взаимодействий; третий этап – проведение опроса студенчества Краснодарского края с целью верификации гипотезы о социальном самочувствии молодежи различных этнических групп в условиях поликультурного пространства Краснодарского края и оценке факторов, воздействующих на характер межэтнических взаимодействий. Дизайн-модель социологического исследования представлена в Приложении 1.

Межэтнические отношения характеризуются высокой степенью вариативности, которая обусловлена индивидуальными характеристиками ситуации взаимодействия (и ее участников в том числе), а также тем воздействием, которое данная ситуация оказывает на область социальных представлений членов общества. Если учесть, что на уровне общества многие из познавательных процессов реализуются коллективно, напрашивается немаловажный вывод: даже единичная

ситуация может оказать влияние на мировосприятие множества людей в силу того, что она может стать объектом коммуникативного освещения. Таким образом, сочетание индивидуальных факторов может привести к существенному воздействию на уровне коллективных социальных представлений. В свою очередь некие общие процессы в коммуникативной сфере могут определить формат поведения отдельных людей. Так реализуется локальное изменение межэтнических отношений, вызванное индивидуальными факторами. Если рассмотреть данный принцип на более широком уровне, можно прийти к следующему значимому выводу: масштаб событий и их влияние на социальную практику в существенной степени возрастают при условии, если данные события получают отражение на уровне коммуникативного пространства общества. Собственно говоря, именно коммуникативные процессы определяют то, что помимо участников конкретной ситуации ее воспринимают сторонние люди. Очевидно, что, чем более сильно развиты механизмы осуществления коммуникации, тем большее влияние на социальную практику может оказать единичное явление. Это тот аспект, который характеризует высокую степень значимости коммуникативного пространства общества, как той сферы, на уровне которой, собственно, реализуется изменение коллективных социальных представлений. И в настоящее время, благодаря развитым цифровым технологиям, становится возможным определение отдельных тенденций, реализуемых в современной коммуникативной среде. Речь идет о возможностях анализа новостного контента и публикаций, формируемых на уровне ведущих социальных сетей. Ключевым моментом здесь является то, что действующие медиа выступают, с одной стороны, в роли механизма отражения реальной практики межэтнического взаимодействия, с другой стороны – они формируют установки сознания членов общества, тем самым, выступая в роли фактора, конструирующего систему межэтнических отношений¹⁹¹.

В рамках настоящего параграфа был подвергнут анализу вопрос об актуальном характере отражения межэтнического взаимодействия на уровне современных масс-

---

¹⁹¹ Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 462 с.

медиа. Ниже представлены аналитические данные сервиса «Медиалогия», охватывающие упоминания основных этносов, проживающих на территории Краснодарского края, в медийной среде. В рамках настоящего исследования нами будет проанализировано то, насколько благоприятным является информационный аспект межэтнического взаимодействия на уровне региона, а также то, какие основные проблемы и риски присутствуют на данный момент в межэтнической среде. В ходе исследования был осуществлен анализ упоминаний о представителях, наиболее широко распространенных на территории Краснодарского края этносов за трехдневный период (что достаточно для определения общих тенденций актуализации этнической тематики в медийном пространстве). Основные критерии, по которым осуществлялся информационный запрос – число сообщений, их тональность, общая аудитория медиасообщений, соотношение различных медиа, на уровне которых производится упоминание представителей конкретной этнической группы.

В качестве единицы измерения взята публикация на уровне основных медиа (включая социальные сети, тематические форумы, блоги, видеоблоги и т. д.). Основными показателями, на основании которых проводится анализ на первоначальном этапе, являются:

- количество авторов информационных сообщений (что является показателем активности субъектов информационных отношений и степени массовости коммуникативной деятельности, направленной на отражение событий и явлений с участием представителей конкретных этносов);
- количество информационных сообщений, на уровне которых производится упоминание конкретных этносов и их представителей;
- количество площадок – медиаресурсов, на уровне которых осуществляется публикация анализируемых сообщений;
- уровень аудитории медиаресурсов, на уровне которых публикуются анализируемые информационные сообщения (важно понимать, что данный показатель характеризует потенциальную аудиторию информационных сообщений, а не реальное количество людей, приобщившихся к их содержанию);

- вовлеченность – показатель участия аудитории в процессах обсуждения, оценки, распространения новостного контента. Вовлеченность аудитории является одним из наиболее значимых показателей, указывающих на уровень отклика аудитории на конкретные информационные поводы;

- тональность – качественный показатель, характеризующий содержательную составляющую информационных сообщений.

Медиа-источники аналитически подразделяются на следующие типы:

- социальные сети (масштабные интернет-платформы, на уровне которых реализуется коммуникация между пользователями, формирование между ними устойчивых связей, самостоятельная публикация пользовательского контента, формирование сообществ на основании определенного критерия и т. д.). На настоящий момент социальные сети представляют собой один из доминирующих каналов информационного обмена;

- средства массовой информации (традиционные массмедиа, представленные в сетевом пространстве – газеты, журналы, радиостанции, телеканалы);

- блоги – авторские веб-сайты с регулярно пополняемым содержанием и возможностью формирования устойчивой аудитории;

- форумы – веб-сайты, чаще всего тематического плана, в которых наполнение контентом осуществляется непосредственно пользователями в процессе коммуникации;

- мессенджер (приложение или веб-сайт, основной функционал которого связан с обменом сообщениями).

Рассматриваемые этносы подразделены на три основные подгруппы:

- этносы, представители которых длительное время проживают на территории Краснодарского края;

- этносы, обширно представленные в других регионах и присутствующие в Краснодарском крае (в частности, народы Северного Кавказа);

- этносы, представители которых на современном этапе осуществляют активное освоение социального пространства региона (преимущественно рассматривается на примере народов, проживающих на территории Средней Азии).

Рассмотрим, каковы характеристики представленности в медийном дискурсе упоминаний украинцев (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1 – Общая характеристика упоминаний украинцев в сетевых медиа

Авторы	3 тыс.
Сообщения	8 тыс.
Площадки	61
Аудитория	184 млн
Вовлеченность	30 тыс.

Таблица 2 – Качественные характеристики упоминаний украинцев в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	788	10,29
Нейтральные	6832	89,20
Позитивные	39	0,51
Всего	7659	100,0

Таблица 3 – Распределение упоминаний украинцев по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	4913	64,15
Блог	1625	21,22
СМИ	740	9,66
Форум	195	2,55
Мессенджер	166	2,18
Другое	18	0,24

Среди общей выборки упоминаний различных этносов упоминания украинцев относятся к числу наиболее многочисленных, что может быть связано с общим политическим фоном отношений между Россией и Украиной.

Вызывает существенные опасения соотношение негативных и позитивных сообщений. Вместе с тем преобладающее число информационных сообщений, в которых упоминаются украинцы, носит нейтральный характер.

Основные медиа, на уровне которых упоминаются украинцы, это социальные сети. На втором месте – блоги, и лишь на третьем – традиционные СМИ.

С учетом сложившейся ситуации значительно возросло число публикаций, так или иначе, затрагивающих украинцев. При этом выделяется два основных

направления – освещение внешнеполитического конфликта (на уровне федеральных новостей) и адаптация многочисленных беженцев из Украины на территории региона.

Примеры публикаций:

«Граждане Украины массово переезжают в Краснодарский край»

«Без бумажки ты здесь никто». Что говорят беженцы из Украины, переехавшие в Краснодар»

«Дома всегда лучше. Как жили херсонские беженцы в Анапе и куда их выселили перед курортным сезоном».

Следующим шагом в проводимом исследовании стал анализ представленности татар в медийном дискурсе (табл. 4, 5, 6).

Таблица 4 – Общая характеристика упоминаний татар в сетевых медиа

Авторы	284
Сообщения	343
Площадки	16
Аудитория	21 млн
Вовлеченность	164

Таблица 5 – Качественные характеристики упоминаний татар в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	41	11,95
Нейтральные	300	87,46
Позитивные	2	0,58
Всего	343	100,0

Таблица 6 – Распределение упоминаний татар по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	325	94,75
СМИ	11	3,21
Блог	4	1,17
Форум	3	0,87
Мессенджер	0	0,00
Другое	0	0,00

В целом на фоне показателей других этносов уровень отражения татарского этноса в медийной сфере сравнительно невысок.

По характеру тональности сообщений наибольшее число относится к нейтральным, однако доля негативных высказываний выше, нежели, например, среди сообщений о чеченцах или узбеках. Соотношение позитивных и негативных сообщений характеризуется серьезным перевесом негативных сообщений.

Среди основных медиа, в которых представлена информационная продукция, содержащая упоминания татар, наибольший удельный вес имеют социальные сети. На втором месте – традиционные СМИ, на третьем – блоги. При этом доминирующими информационными площадками в сети, как и в случае с другими рассмотренными выше этносами, являются социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Примеры публикаций:

«Татарская национальная культурная автономия Сочи подвела итоги года»

«Глава татарской организации Кубани: «До революции несколько татар открыли тут даже театр».

Рассмотрим специфику упоминания представителей армянского этноса в медийной сфере (табл. 7, 8, 9).

Таблица 7 – Общая характеристика упоминаний армян в сетевых медиа

Авторы	330
Сообщения	574
Площадки	19
Аудитория	20 млн
Вовлеченность	2 тыс.

Таблица 8 – Качественные характеристики упоминаний армян в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	67	11,67
Нейтральные	504	87,80
Позитивные	3	0,52
Всего	574	100,0

Таблица 9 – Распределение упоминаний армян по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	522	90,94
Блог	7	1,22
СМИ	40	6,97
Форум	5	0,87
Мессенджер	0	0,00
Другое	0	0,00

При сравнительно невысоком числе сообщений наблюдается их существенное распространение (аудитория 20 млн человек).

Тональность сообщений преимущественно нейтральна. Сохраняется тенденция преобладания негативных сообщений над позитивными.

Основные упоминания представителей армянского этноса имеют место на уровне социальных сетей, СМИ и блогов. При этом из ведущих интернет-источников преобладают по числу сообщений «Одноклассники» и «ВКонтакте», а по аудитории – «ВКонтакте» и Facebook.

Примеры сообщений:

«Союз армян России выразил несогласие с безответственным курсом, проводимым властями Армении»

«Армяне Кубани за единую и сильную Россию»

«Почему в Краснодарском крае живет так много армян? Объясняем»

Рассмотрим специфику отражения в медийной сфере представителей адыгского этноса (табл. 10, 11, 12).

Таблица 10 – Общая характеристика упоминаний адыгов в сетевых медиа

Авторы	4
Сообщения	4
Площадки	2
Аудитория	6 тыс.
Вовлеченность	111

Таблица 11 – Качественные характеристики упоминаний адыгов в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	0	0,00
Нейтральные	4	100,0
Позитивные	0	0,00
Всего	4	100,0

Таблица 12 – Распределение упоминаний адыгов по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	4	100,0
Блог	0	0,00
СМИ	0	0,00
Форум	0	0,00
Мессенджер	0	0,00
Другое	0	0,00

В сравнении с другими этносами здесь наблюдается чрезвычайно низкий уровень упоминания в медийной сфере как по числу сообщений, так и по размеру их предполагаемой аудитории.

Общая тональность сообщений – нейтральная.

Все упоминания адыгов за исследуемый временной промежуток реализованы на уровне социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook.

Примеры сообщений:

«Руслан Машитлев: «Патриотизм – часть души любого адыга»»

«В Адыгейском ауле оказалось лучше, чем в Кубанской станице»

«ФСБ задержала 67-летнего адыгейца за 13-летний экстремизм»

Рассмотрим специфику упоминания греков в медийной среде (табл. 13, 14, 15).

Таблица 13 – Общая характеристика упоминаний греков в сетевых медиа

Авторы	296
Сообщения	371
Площадки	21
Аудитория	8.44 млн
Вовлеченность	1178

Таблица 14 – Качественные характеристики упоминаний греков в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	20	5,39
Нейтральные	343	92,45
Позитивные	8	2,16
Всего	371	100,0

Таблица 15 – Распределение упоминаний греков по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	351	94,61
Блог	9	2,43
СМИ	6	1,62
Форум	5	1,35
Мессенджер	0	0,00
Другое	0	0,00

Таким образом, в рамках информационно-коммуникативного пространства греки упоминаются сравнительно нечасто.

Тональность упоминания греков носит преимущественно нейтральный характер. Среди прочих сообщений негативные преобладают над позитивными, однако их перевес не столь серьезен, как в случае с другими этносами (5,39% негативных сообщений к 2,16% позитивных).

К числу основных медиа, в которых упоминаются греки, относятся социальные сети, блоги и СМИ. При этом наиболее влиятельными являются такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Одноклассники» и Facebook.

Примеры сообщений:

«В поисках лучшей жизни. Зачем греки пришли на Кубань?»

«Греки Краснодарского края – защитникам Родины»

Рассмотрим представленность в медийной среде информации о дагестанцах (табл. 16, 17, 18).

Таблица 16 – Общая характеристика упоминаний дагестанцев в сетевых медиа

Авторы	441
Сообщения	673
Площадки	55
Аудитория	22 млн
Вовлеченность	2 тыс.

Таблица 17 – Качественные характеристики упоминаний дагестанцев в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	82	12,18
Нейтральные	588	87,37
Позитивные	3	0,45
Всего	673	100,0

Таблица 18 – Распределение упоминаний дагестанцев по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	591	87,82
Блог	22	3,27
СМИ	58	8,62
Форум	2	0,30
Мессенджер	0	0,00
Другое	0	0,00

Общий уровень упоминания дагестанцев в сравнении с представителями других этносов находится на среднем уровне. Тональность сообщений о дагестанцах носит преимущественно нейтральный характер, при этом негативных сообщений существенно больше, чем позитивных.

Среди преобладающих типов медиа по числу сообщений и охвату аудитории на первом месте социальные сети, затем блоги и традиционные СМИ. Наибольшая аудитория у сообщений, опубликованных в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Примеры сообщений:

«Сергей Меликов извинился за поступок дагестанца, осквернившего памятник в Краснодарском крае»

«В Краснодарском крае дагестанец спас девочку от смерти»

Рассмотрим, каковы характеристики упоминания в информационной среде представителей азербайджанского этноса (табл. 19, 20, 21).

Таблица 19 – Общая характеристика упоминаний азербайджанцев в сетевых медиа

Авторы	6 тыс.
Сообщения	8 тыс.
Площадки	323
Аудитория	486 млн
Вовлеченность	203 тыс.

Таблица 20 – Качественные характеристики упоминаний азербайджанцев в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	1905	23,88
Нейтральные	5858	73,44
Позитивные	214	2,68
Всего	7977	100,0

Таблица 21 – Распределение упоминаний азербайджанцев по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	5205	65,25
Блог	1847	23,15
СМИ	460	5,77
Форум	104	1,30
Мессенджер	351	4,40
Другое	10	0,13

Показатели коммуникативного отражения азербайджанцев весьма высоки как в плане общего числа сообщений, так и в плане предполагаемой совокупной численности их аудитории.

Тональность сообщений преимущественно нейтральна, однако показатели негативных сообщений высоки в сравнении со сходными показателями освещения других этносов: на негативные сообщения приходится 23,88% от всех сообщений.

Преобладающая информационная среда обсуждения азербайджанцев – социальные сети, блоги, СМИ. При этом среди интернет-источников доминирующий характер имеют социальная сеть «ВКонтакте», видеохостинг YouTube, а также социальная сеть «Одноклассники».

Примеры сообщений:

«На Кубани осудили торговавшего контрафактной одеждой азербайджанца»

«Азербайджанец из Краснодара награжден за спасение таксиста»

«По следам погромов в Москве: краснодарские армяне и азербайджанцы договорились не поддаваться на провокации».

Далее в рамках исследования нами был осуществлен анализ представленности в медийной сфере упоминаний о чеченцах (табл. 22, 23, 24).

Таблица 22 – Общая характеристика упоминаний чеченцев в сетевых медиа

Авторы	390
Сообщения	516
Площадки	14
Аудитория	28 млн
Вовлеченность	958

Таблица 23 – Качественные характеристики упоминаний чеченцев в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед.)	%
Негативные	71	13,76
Нейтральные	442	85,66
Позитивные	3	0,58
Всего	516	100,0

Таблица 24 – Распределение упоминаний чеченцев по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	495	95,93
Блог	12	2,33
СМИ	7	1,36
Форум	2	0,39
Мессенджер	0	0,00
Другое	0	0,00

Здесь мы наблюдаем сходную с предыдущей группой ситуацию: на фоне преобладания нейтральных сообщений, в рамках соотношения позитивных и негативных упоминаний наблюдается резкий перевес негативных сообщений (71 к 3). При этом общее число упоминаний чеченцев существенно ниже (всего 516 сообщений). Также существенно ниже конечный охват аудитории данными сообщениями – 28 млн человек.

Среди основных медиа, на уровне которых обсуждались чеченцы, доминирующее значение имеют социальные сети (свыше 95% упоминаний), при этом ключевую роль играет коммуникация в социальной сети «ВКонтакте» и в социальной сети «Одноклассники».

Примеры сообщений:

«Двое жителей Чечни осуждены за похищение девушки на Кубани»

«На Кубани поддержали чеченцев в запрете на упоминание национальности преступников»

«Громкий скандал с племянником чеченского сенатора: в его машине нашли целый арсенал».

Следующий этнос, показатели отражения которого в медиа были нами проанализированы – это узбеки (табл. 25, 26, 27).

Таблица 25 – Общая характеристика упоминаний узбеков в сетевых медиа

Авторы	569
Сообщения	2 тыс.
Площадки	27
Аудитория	54 млн
Вовлеченность	1327

Таблица 26 – Качественные характеристики упоминаний узбеков в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	60	2,45
Нейтральные	2381	97,22
Позитивные	8	0,33
Всего	2449	100,0

Таблица 27 – Распределение упоминаний узбеков по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	2419	98,78
СМИ	21	0,86
Блог	7	0,29
Форум	2	0,08
Мессенджер	0	0,00
Другое	0	0,00

Показатели упоминания узбеков демонстрируют сравнительно высокую статистику их упоминания (2 тыс. сообщений в течение 3 дней).

Среди упоминаний узбеков в медиа подавляющее число сообщений носят нейтральный характер. При этом среди сообщений, не относящихся к числу нейтральных, подавляющее большинство сообщений носит негативный характер.

Подавляющее большинство медийных сообщений, в которых фигурируют узбеки, имеет место на уровне социальных сетей (лишь 1,22% приходится на блоги, форумы и т. д.). При этом по числу сообщений лидирует социальная сеть «Одноклассники», а по аудитории и активности обсуждения – «ВКонтакте».

«Под Краснодаром полицейские задержали в поле 13 узбеков – нелегалов»

«Более 100 нелегальных мигрантов-овощеводов из Узбекистана, Таджикистана и Китая задержали в Краснодарском крае»

Рассмотрим статистические показатели отражения таджиков в медийной сфере (табл. 28, 29, 30).

Таблица 28 – Общая характеристика упоминаний таджиков в сетевых медиа

Авторы	84
Сообщения	99
Площадки	3
Аудитория	11 млн
Вовлеченность	248

Таблица 29 – Качественные характеристики упоминаний таджиков в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	30	30,30
Нейтральные	69	69,70
Позитивные	0	0,00
Всего	99	100,0

Таблица 30 – Распределение упоминаний таджиков по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	99	100,00
Блог	0	0,00
СМИ	0	0,00
Форум	0	0,00
Мессенджер	0	0,00
Другое	0	0,00

При сравнительно невысоком числе упоминаний таджиков в медийной сфере следует отметить достаточно высокий уровень аудитории (11 млн у 99 сообщений).

Примечательным является то, что среди рассмотренных этносов отражение таджиков в медийной сфере является наиболее неблагоприятным: лишь 69,7% сообщений носят нейтральный характер, в то время как 30,30% сообщений имеют негативную тональность. Также настораживает то, что отсутствуют позитивные сообщения. Это может выступить в качестве свидетельства проблем представителей таджикского этноса во встраивании в социальную среду принимающего региона.

Примеры сообщений:

«Таджики и узбеки уедут, стройка в Краснодаре остановится, и переселенцы не приедут»

«Мигранты останутся, но не везде. Власти Кубани объяснили, почему ввели запрет на работу гастарбайтеров»

«Таджики Новороссийска и Геленджика сдали кровь для пострадавших в теракте в «Крокусе»».

Следующая рассматриваемая нами группа – казахи (табл. 31, 32, 33).

Таблица 31 – Общая характеристика упоминаний казахов в сетевых медиа

Авторы	15 тыс.
Сообщения	20 тыс.
Площадки	317
Аудитория	1,550 млн
Вовлеченность	283 тыс.

Таблица 32 – Качественные характеристики упоминаний казахов в сетевых медиа

Тональность сообщений	Всего сообщений (ед)	%
Негативные	4628	23,16
Нейтральные	14 789	74,00
Позитивные	569	2,85
Всего	19 986	100,0

Таблица 33 – Распределение упоминаний казахов по типам социальных медиа

Тип соцмедиа	Всего сообщений	Доля сообщений (в %)
Социальная сеть	14 060	70,35
Блог	4464	22,34
СМИ	452	2,26
Форум	285	1,43
Мессенджер	684	3,42
Другое	40	0,20

Специфичным моментом в данном случае является большое количество сообщений и чрезвычайно большой уровень предполагаемой аудитории. Упоминания казахов характеризуются сравнительно высокой долей негативных сообщений (23,16%). При этом большая часть сообщений носит все же нейтральный характер, и лишь 2,85% упоминаний носят позитивный характер.

В первой тройке по упоминанию казахов находятся социальные сети, блоги и мессенджеры, в то время как традиционные СМИ занимают лишь четвертую строчку в списке. По числу сообщений лидируют «ВКонтакте», «Одноклассники» и YouTube, причем последний занимает вторую строчку после социальной сети «ВКонтакте» по размеру аудитории опубликованных сообщений.

Примеры сообщений:

«В Сочи появилась казахская национальная община»

Одним из ключевых результатов, полученных на основании проведенного анализа, является то, что характер отражения различных народов в социальном дискурсе имеет крайне неоднородный характер. Это выражается в том, что представителям различных этносов уделяется различный уровень внимания (что характеризует количественный аспект упоминания представителей конкретных народов), при этом и содержательная составляющая публикуемых сообщений

сильно различаются в зависимости от того, представители какого народа становятся объектом коммуникативного обсуждения.

Одним из значимых аспектов детализированного понимания условий интеграции различных этнических групп в социальное пространство Краснодарского края является выделение среди проживающих на территории края этносов, проживающих на протяжении длительного времени, и этнических групп, история вхождения которых в этнический состав региона охватывает сравнительно небольшой временной промежуток. Ниже представлена таблица 34, характеризующая распределенность в медийном дискурсе сообщений о представителях различных этнических групп, с разбивкой по критерию длительности проживания в регионе.

Таблица 34 – Сводные данные по отражению различных этнических групп в социально-коммуникативном пространстве

Тональность	Старые диаспоры (армяне, греки, украинцы)	Старые землячества (адыги, татары)	Новые землячества (дагестанцы, чеченцы)	Новые диаспоры (узбеки, таджики, азербайджанцы, казахи)
Негативные	9,11	5,98	13,28	19,94
Нейтральные	89,81	93,73	86,52	78,59
Позитивные	1,08	0,29	0,2	1,47
всего	100	100	100	100

На уровне этих данных становится отчетливо видно, что представители длительного время проживающих на территории региона диаспор и землячеств характеризуются благоприятным характером отражения на уровне социально-коммуникативного пространства (менее 10% негативных сообщений), что свидетельствует о позитивных условиях их социальной интеграции в структуру региона. Для представителей «новых землячеств» характерно наличие скрытых противоречий, что определяет относительную замкнутость данных этнических сообществ. Здесь готовность к участию в социальной жизни сочетается с определенной степенью обособленности, что соответствует стратегии аккомодации. Показательно, что относительная «закрытость» рассматриваемых

этнических сообществ (чеченцы и дагестанцы) подтверждается, в том числе, и на уровне косвенных данных, полученных в рамках фокус-группового исследования и в результате анкетирования. Наибольшие противоречия имеют место на уровне «новых диаспор», по отношению к которым в социально-коммуникативной среде реализуется наибольшее количество публикаций с негативной тональностью (почти 20%). При этом имеет место существенная неоднородность внутри обобщаемой группы: наиболее хорошие социально-коммуникативные предпосылки интеграции у узбеков (всего 2,45% негативных сообщений), тогда как о представителях таджикского этноса имеет место свыше 30% негативных сообщений, что свидетельствует о наличии острых противоречий и, соответственно, критических сложностей с интеграцией представителей данного этноса в социальную структуру края. Также применительно к результатам, представленным в Таблице 34, есть смысл приложения дисперсионного анализа¹⁹². В результате возможно выявить статистическую значимость собранной информации (Таблицы 35 и 36).

Таблица 35 – Однофакторный дисперсионный анализ

Однофакторный дисперсионный анализ						
ИТОГИ						
<i>Группы</i>	<i>Счет</i>	<i>Сумма</i>	<i>Среднее</i>	<i>Дисперсия</i>		
Столбец 1	3	100	33,33333	2408,331		
Столбец 2	3	100	33,33333	2743,912		
Столбец 3	3	100	33,33333	2164,388		
Столбец 4	3	100	33,33333	1621,41		
Дисперсионный анализ						
<i>Источник вариации</i>	<i>SS</i>	<i>df</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>P-Значение</i>	<i>F критическое</i>
Между группами	3,64E-12	3	1,21E-12	5,43E-16	1	4,066181
Внутри групп	17876,08	8	2234,51			
Итого	17876,08	11				

¹⁹² Расчеты производились исходя из методологических установок П. Н. Лукичева.

Таблица 36 – Однофакторный дисперсионный анализ

Однофакторный дисперсионный анализ						
ИТОГИ						
<i>Группы</i>	<i>Счет</i>	<i>Сумма</i>	<i>Среднее</i>	<i>Дисперсия</i>		
Строка 1	4	48,31	12,0775	36,41683		
Строка 2	4	348,65	87,1625	41,34729		
Строка 3	4	3,04	0,76	0,380333		
Дисперсионный анализ						
<i>Источник вариации</i>	<i>SS</i>	<i>df</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>P-Значение</i>	<i>F критическое</i>
Между группами	17641,65	2	8820,823	338,6353	3,39E-09	4,256495
Внутри групп	234,4334	9	26,04815			
Итого	17876,08	11				

Результат анализа показывает, что связь между переменными отсутствует по столбцам таблицы, но регистрируется с практически стопроцентной надежностью ($\alpha = 0,0001$, $F_{\text{расчет.}} = 338,6 > F_{\text{табл.}} = 4,256$) для строк таблицы. Это означает, что наличествует общность оценки позитивной, нейтральной, негативной, независимо от принадлежности к старым или новым диаспорам и землячествам с очевидным преобладанием нейтральной оценки и превышением негативной оценки над позитивной, что не может не вызывать беспокойства, требует организации и проведения соответствующих мероприятий в области регулирования деятельности СМИ по улучшению ситуации.

Применительно к механизмам создания социокоммуникативных предпосылок межэтнического взаимодействия важным выводом исследования является то, что доминирующим механизмом освещения области межэтнического взаимодействия (и формирования образа представителя конкретного народа) в настоящее время являются социальные сети. Это характеризует преобладание горизонтального аспекта социально-информационной коммуникации. При этом, по рассмотренным народам наблюдается следующее распределение: представители народов, длительное время проживающих на территории региона, сравнительно редко рассматриваются в информационных сообщениях с негативной тональностью. В число этносов,

отражение которых в медийной среде в наибольшей степени сопряжено с негативными событиями или явлениями, относятся выходцы из Средней Азии, формирующие в настоящее время на территории региона «новые диаспоры», отдельные народы Северного Кавказа и украинцы, что сопряжено с влиянием этнокультурных факторов (что особенно имеет отношение к выходцам из Средней Азии), а также с воздействием факторов политического характера¹⁹³.

В целом, рассматривая вопрос о специфике и предпосылках межэтнического взаимодействия, связанных с информационно-коммуникативным взаимодействием, следует отметить, что в настоящее время информационное освещение различных этносов реализуется во многом ситуативно и неоднородно, при этом, механизмы распространения информационной продукции во многом обусловлены запросами и потребностями аудитории, а также преобладающими в среде членов общества настроениями. В этом контексте источником существенных социальных рисков является активная репрезентация в информационной среде негативных во своей тональности информационных сообщений, отражающих специфику конкретных этнических групп и их представителей. Вместе с тем, ситуация далека от критической, что подтверждается, в том числе, преобладанием нейтральных позиций в рамках анализа отражения каждой из рассмотренных народностей в медийной сфере.

Подведем итоги. Отражение различных этносов в медийном пространстве реализуется крайне неоднородно, однако существует ряд весомых закономерностей, определяющих общий характер распространения информации о них в социально-коммуникативной среде. В рамках расширенного анализа доступной информации по освещению различных этносов в медиасреде нами были сделаны следующие выводы.

Во-первых, уровень отражения этносов, входящих в состав землячеств, на уровне медиасреды существенно ниже, нежели уровень упоминания этносов, представленных в России в виде диаспор. Это связано с политическим аспектом, а именно с тем, что существуют соответствующие им национальные государства,

---

¹⁹³ Элебаева, А. Б. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии / Т. Б. Элебаева. – Бишкек : Илим, 1995. – 322 с.

упоминаемые в медийной среде в контексте развертывающихся политических процессов.

Во-вторых, большинство информационных сообщений о представителях разных этносов носят нейтральный характер, однако, если рассмотреть соотношение поляризованных упоминаний, практически применительно к любому этносу можно констатировать многократное превосходство негативных сообщений над позитивными, что свидетельствует, с одной стороны, о выражении существующей напряженности на уровне медийной сферы, с другой – о наличии информационных предпосылок для ее нарастания.

В-третьих, доминирующим фактором развития отношений в межэтнической среде в настоящее время являются социальные сети, мессенджеры и сервисы видеохостинга, на уровне которых осуществляется взаимодействие пользователей, публично выкладывающих информационный контент различного содержания, доступный для массовой пользовательской аудитории.

В-четвертых, наиболее негативно в социально-коммуникативной среде склонны оценивать представителей «новых диаспор», имеющих сравнительно недолгую историю проживания в регионе.

2.2. Оценка этническими группами институциональных условий реализации интеграционных установок

Рассматривая на общем уровне систему межэтнических отношений, нельзя обойти вниманием такой ее аспект, как ролевая определенность взаимодействия, задаваемая характеристиками социальной среды. Еще в трудах Р. Мертон описывается дифференциация форм поведения социального субъекта в зависимости от того, в какую среду помещен член общества, каков его статус в этой среде и какие

социальные роли он выполняет¹⁹⁴. Более того, принадлежность к конкретным элементам общественной структуры задает способ социального мышления, области приоритетов, характер самоидентификации и т. д. В этом контексте очевидно, что межэтнические отношения могут складываться различным образом в зависимости от того, в рамках какой институциональной среды они реализуются. Причем это в особенности отчетливо проявляется в ситуациях, когда речь идет об областях действия, имеющих высокий уровень регламентации на уровне общественного сознания. По сути, это означает то, что для отдельных этносов, в зависимости от их этнокультурных особенностей, может иметь место больший или меньший уровень социальных рисков. Это связано с проявлением в рамках участия этнически маркированного субъекта в институциональной деятельности отдельных этнокультурных установок, которые могут вступать в противоречие с социальными установками и представлениями других членов общества. Это первый значимый аспект исследования институциональных факторов развития межэтнической напряженности.

Второй, не менее важной проблемой является то, что на институциональном уровне задается уровень удовлетворения ключевых потребностей членов общества, в связи с чем от эффективности общественных институтов напрямую зависит степень социальной напряженности, которая, в свою очередь, задает потенциал возникновения и развития социальных конфликтов. В этом плане развитие напряженности в межэтнической среде может представлять собой частный случай проявления социальной агрессии, вызванной сторонними факторами (например, экономическими проблемами). Различие между причиной и триггером возникновения конфликтной ситуации далеко не всегда является очевидным, и в ряде случаев ключевым моментом является не момент этничности, но специфика институционального состояния социальной среды.

Для того, чтобы проиллюстрировать данное положение, рассмотрим простой пример, связанный с процессом построения приезжими отношений с коренным

---

¹⁹⁴ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ, 2006. – 873 с.

населением в рамках процесса миграции. Если имеет место высокий уровень востребованности рабочей силы, может иметь место благоприятное отношение к вновь прибывшим, однако в условиях жесткой конкуренции за различные ресурсы и возможности появление еще одного конкурента будет оцениваться, преимущественно, негативно, вне зависимости от того, к какому этносу принадлежит этот человек. Вместе с тем, в условиях, когда речь идет об этнически маркированном мигранте, существует вероятность перехода бытового конфликта в русло акцентуации этнического аспекта. Таким образом, как мы видим, существуют условия, при которых институциональные факторы (в первую очередь, экономические) в конечном счете определяют развитие напряженности в межэтнической среде. В условиях кризиса повседневная жизнь людей неизбежно подвергается трансформации, причем на передний план выходят изменения в социальном взаимодействии и восприятии друг друга. Повседневность в кризисный период приобретает новые черты, связанные с борьбой за ресурсы, адаптацией к новым условиям и пересмотром привычных ритуалов. Например, изменения в экономической ситуации, такие как рост безработицы или сокращение доступности базовых услуг, усиливают конкуренцию за ресурсы и усиливают существующие социальные разломы. Кризис может проявляться в ограничении доступа к социальным благам и ужесточении конкуренции за рабочие места, жилье или образование. Это создает почву для социальных конфликтов, которые становятся частью повседневного опыта. Такие конфликты чаще всего выражаются в форме негативных стереотипов, предвзятости или даже открытой дискриминации, особенно в отношении уязвимых групп, таких как мигранты или представители этнических меньшинств. На уровне повседневного взаимодействия кризис меняет характер социальных отношений. Люди начинают воспринимать друг друга через призму "своих" и "чужих", что может усиливать социальную напряженность. Например, этнические аспекты, которые ранее не играли значительной роли в бытовых ситуациях, начинают интерпретироваться как причина проблем или угроз. Такие

изменения могут касаться даже мелких конфликтов, например, споров о месте в очереди, парковке или использовании общих ресурсов¹⁹⁵.

В контексте вышесказанного очевидно, что для понимания условий формирования и развития отношений в межэтнической среде целесообразно определить, с одной стороны, специфику институциональной обусловленности членов общества, принадлежащих к различным этническим группам, с другой стороны, определить то, насколько общее состояние общественных институтов является благоприятным для развития социальных отношений.

Для получения эмпирических данных, свидетельствующих об актуальных характеристиках институциональных факторов межэтнических отношений в Краснодарском Крае в 2020–2021 г. на территории Краснодарского края проводилось фокус-групповое исследование на тему: «Условия интеграции представителей диаспор и земляческих групп в социальную среду полиэтничного региона». В процессе исследования были опрошены представители 11 этнических групп (адыги, армяне, белорусы, греки, курды, лезгины, русские, таджики, татары, украинцы, чеченцы). Численный состав одной группы 10-15 человек. Выборка квотная. Методика выборки: «снежный ком». Общее число участников по всем фокус-группам – 144 человека. Группа «русские» была взята в качестве маркерной. Метод исследования: интерпретация и анализ расшифровок записей проведенных фокус-групп.

Обратимся к результатам исследования, начав с анализа такого аспекта, как участие в образовательной деятельности.

Для представителей адыгского этноса вопрос о понимании перспектив самореализации за счет института образования выглядит следующим образом. Перспективы социального роста видятся и воспринимаются приоритетными, при этом каких-либо затруднений инклюзивного плана респондентами не отмечалось. В Республике Адыгея на достаточно высоком уровне функционируют школы, есть высшие учебные заведения, отвечающие большинству запросов. При этом

---

¹⁹⁵ Горшков, М. К. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – Москва : Альфа, 2009. – 272 с.

возможность поступить в вузы страны участниками дискуссии не была характеризована в качестве проблематичной. Зачастую, поступление в вузы, за пределами Республики Адыгея, связывается с желанием жить в другом регионе, или обучиться профессии, слабо представленной (или не представленной) в республиканской системе образования.

Для представителей армянской диаспоры также нет инклюзивной проблемы вхождения в российскую образовательную систему, однако существует скорее, не этический, а финансовый и языковой барьер для тех представителей этнической группы, которые сравнительно недавно приехали из страны проживания. Это связывается с тем, что в Армении, хоть и присутствует русский язык в качестве распространенного, но далеко не все им владеют в совершенстве, а тем более готовы сдать по нему тестирование. Еще одна проблема для вновь приехавших состоит как раз в характере сдачи вступительных испытаний (не все готовы сдавать в форме ЕГЭ). Затруднения финансового плана связываются с финансовым кризисом в стране проживания, а также с затратой существенных ресурсов на переезд. Для представителей армянского этноса, проживающих в крае во втором и более поколении затруднения в образовательной деятельности в широкой массе не отличаются от затруднений, с которыми сталкиваются представители титульного этноса.

Для белорусов самореализация за счет института образования, со слов опрошенных мало чем отличается от самореализации представителей титульной группы.

Для греков перспективы самореализации за счет института образования, по словам опрошенных, не осложнен языковыми барьерами. Большинство представителей указанной этнической группы уже долгое время проживают на территории края. Это объясняет высокую степень социокультурной интеграции. При этом, локализовано, большинство из них проживает на территории Черноморского побережья, сфера деятельности связана с курортным бизнесом. Данное обстоятельство, на фоне существенной прибыли позволяет получать не только бюджетное, но и дорогостоящее платное высшее образование в вузах страны и края.

Для курдов вопрос о понимании перспектив самореализации за счет института образования выглядит следующим образом. Исходя из слов участников фокус-группы, существует значимый дисбаланс возможностей, определяемых гендером. Шанс реализовать себя посредством института образования гораздо выше у мужчин, чем у женщин. Объясняется это бытующим традиционным укладом, в рамках которого мужские и женские обязанности разделяются, равно как и образ жизни. Нередко, девочки заканчивают восемь-девять классов, после чего их образование в широком смысле заканчивается. Ранние браки способствуют тому, что молодые жены получают воспитание в принимающей семье. Для представительниц курдского этноса, исходя из слов респондентов важнее хозяйственные навыки, чем высокий уровень образованности. Для мужчин не было выделено каких-либо особых препятствий в самореализации за счет системы высшего образования. Вместе с тем было отмечено, что для мальчиков считается почетным реализовывать себя посредством следующего сценария. Армия, силовые структуры, или армия, ведомственный вуз, силовые структуры. Не менее престижным считается получение технических и практико-ориентированных специальностей.

Для лезгин самореализация за счет института образования не сталкивается с ярко выраженными языковыми барьерами. Вместе с тем, по словам опрошенных, есть существенное влияние экономики и клановой политики в Дагестане. Приоритетность выбора сферы образования детерминирована, в первую очередь, факторами престижа и ориентированности на практическую пользу. Интерес абитуриентов, по словам участников фокус-группы, связан в первую очередь с ведомственными и медицинскими вузами. На уровне других вузов в приоритете экономические и юридические специальности.

Для таджиков, исходя из результатов опроса, пониманию перспектив самореализации проблематизирован высоким языковым барьером и низким уровнем дохода. Перспективы самореализации для приезжих из Таджикистана, по словам опрошенных, замыкаются на приобретении и реализации простых практических навыков, подходящих для низкоквалифицированных профессий. Так, например, даже для представителей таджикского этноса, обладающих высшим образованием, но с

низким уровнем знания русского языка перспектива устроиться по специальности крайне мала. В связи с этим, представители таджикского этноса, в плане образования делают упор на изучение русского языка. Это организуется за счет добровольных общественных объединений и организаций.

Для татар, исходя из ответов участников исследования, самореализации за счет института образования не встречает противоречий. По сути, речь идет о ситуации с одной стороны высокой степени интеграции в российскую образовательную систему, с другой – речь идет о наличии собственной высоко развитой системы образования. Высокая степень интегрированности не мешает татарам сохранять идентичность. По словам участников опроса, для представителей татарского этноса нет особых препятствий для социализации через институт образования на территории России.

Для украинцев не представлена языковая проблема интеграции в российскую систему образования. Среди проблемных факторов можно назвать низкие стартовые условия в экономическом плане для выходцев из Донецкой области. Ситуация социального кризиса в регионе существенно ограничила возможность для получения высококвалифицированного платного образования.

Для представителей чеченского землячества вопрос о понимании перспектив самореализации за счет института образования выглядит следующим образом. Ситуация различна для тех, кто приехал в регион сравнительно недавно и для тех, кто проживает Краснодарском крае значительное время. На фоне резкого уровня социального неравенства в Чеченской республике существует также и высокий коэффициент неравенства в системе образования. Далеко не все способны адекватно интегрироваться в структуру высшего образования за счет нехватки средств и возможностей. При этом, по словам участников фокус-группового исследования, представители влиятельных тейпов имеют достаточные возможности для самореализации через российскую систему образования. Большинство молодых людей поступают в ведомственные вузы, медицинские и инженерно-технические. Те представители чеченского землячества, которые изначально проживали на территории края имеют такой же уровень возможностей, как и представители титульной этнической группы.

Стоит принять во внимание, что указанные позиции не являются определяющими, скорее они выражают общие тенденции и характеризуют проблемное поле.

В целом, также стоит отметить, что для большинства представителей указанных этнических групп вопрос о самореализации за счет института образования не имеет этнически маркированных противоречий. Речь скорее идет о частных затруднениях, которые в привязке к конкретному этносу имеют скорее статистический характер. Образовательное пространство Краснодарского края не отличается барьерностью и ущемлением возможностей по этническому признаку.

Рассмотрим, каким образом осуществляется построение семьи на уровне основных этнических групп. Здесь следует сделать очень важное уточнение: в отличие от большинства рассматриваемых институтов, в рамках которых вхождение в структуру института носит ситуативный характер и предполагает определенные усилия со стороны субъекта, семья как институт имеет двойственный характер: с одной стороны, она выступает в качестве первичной среды существования социального субъекта, с другой – имеют место практики построения семейной группы посредством института брака. При этом момент вхождения взрослого, состоявшегося человека в семью предполагает либо встраивание в определенную клановую систему (в которой даже может иметь место весьма сомнительная степень родства), либо вступление в брак и образование самостоятельной семейной группы. Здесь мы, собственно, подходим к пониманию того, что именно вступление в брак становится той проблемной ситуацией, на уровне которой происходит актуализация этнического аспекта, поскольку в отдельных случаях этнокультурная специфика может препятствовать образованию этнически смешанных семейных групп, либо может создавать предпосылки для их последующего разрушения (например, в силу того, что отдельные члены семейной группы не готовы принимать на себя роли, которые прописаны на уровне культурной традиции, к которой принадлежит супруг или супруга).

Рассмотрим подробнее особенности формирования семейных отношений, характерные для представителей разных этнических групп. Для представителей

адыгского этноса, в целом, имеет место сравнительно невысокий уровень препятствий в построении семейной группы смешанного типа, что связано с исторически сложившейся многолетней практикой образования смешанных браков. Так, например, в 70-е годы прошлого века число браков только лишь представителей адыгского этноса и русских составило более одной десятой от общего числа регистрируемых браков, а итоговый показатель смешанных браков еще выше с учетом того, что имели место браки с представителями других этносов¹⁹⁶. В 90-е годы, в период активизации темы межэтнического конфликта в общественном сознании, имела место тенденция снижения количества смешанных союзов, однако в настоящее время наблюдается обратная тенденция роста их числа. Это косвенно может свидетельствовать о стабилизации общественных отношений с участием представителей адыгского этноса. Вместе с тем, далеко не все представители адыгского этноса, участвовавшие в обсуждении, отметили беспрепятственный характер осуществления семейных отношений в межэтнической среде. Отдельные участники дискуссии отметили как собственную неготовность к вступлению в союз с представителем другого этноса, так и наличие препятствий в ситуациях, когда представитель адыгского этноса стремится к построению отношений с представителем другой этнической группы.

Для представителей армянской диаспоры характерна повышенная замкнутость в формировании семейных отношений, что во многом связано с большим значением, которое представители армянского этноса придают культуре и обычаям своего народа¹⁹⁷. В целом, представители армянского этноса, наряду с греками и чеченцами относятся к числу носителей этноцентристских установок, что в существенной мере определяет характер оценки выбора в пользу смешанного брака. Вместе с тем, здесь следует отметить, что на уровне армянской и греческой диаспор имеет место меньший уровень закрытости, нежели это имеет место в рамках чеченского землячества. Также

---

¹⁹⁶ Нехай, В. Н. Межнациональное общение как фундаментальное условие интернационализации духовной жизни в полиэтничном регионе / В. Н. Нехай // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 102–105

¹⁹⁷ Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Ленинград : изд-во ЛГУ, 1989; Гуревич, А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – Москва : Искусство, 1981. – 359 с; Гуревич, П. С. Философия культуры : учебное пособие для гуманитарных вузов / П. С. Гуревич. – Москва : Аспект Пресс, 1994. – 316 с.

показательным является следующий момент, общий для перечисленных этносов: участники дискуссии из числа их представителей отметили в качестве более благоприятного и, по факту, более распространенного сценария «введение в семью» жены из другого этноса, с последующим принятием женщиной культурных традиций (и в том числе – вероисповедания) мужа, в то время как выход представительницы их этноса замуж за человека, относящегося к другому народу, в целом оценивается существенно менее благосклонно. Данный гендерный аспект межэтнического взаимодействия, характерный для относительно закрытых этнических групп, представляет собой одно из существенных препятствий самореализации отдельных представителей данных этносов в институте семьи.

Что касается представителей славянских этносов (белорусы, украинцы), в целом, наблюдается отсутствие этнокультурных установок, препятствующих осуществлению смешанных браков. При этом, морфологические особенности представителей данных этносов, а также высокий уровень владения русским языком в их среде определяет то, что они, по факту, находятся в данном случае в ситуации, сопоставимой с положением представителей титульного этноса. Вместе с тем, несмотря на, в целом, благоприятную ситуацию, следует отметить отдельные сложности, связанные с обострением русско-украинских отношений ввиду неблагоприятных политических процессов, что проявляется в возникновении конфронтационных тенденций среди наиболее политизированных представителей русского и украинского этносов. Это отчасти способствует ухудшению условий для осуществления брачного союза.

Что касается курдов, лезгин, таджиков и татар, в целом, респонденты отметили сравнительно малое количество препятствий в построении смешанных по этническому составу семейных групп на уровне сообществ, которые составляют представители данных этносов. Вместе с тем, для многих представителей данных этносов проблему составляет языковой барьер (что существенно мешает отношениям), а также наличие этнических стереотипов в социальной среде, которые определяют некорректные ожидания, направленные в их адрес. Данная проблема является общей для всех представителей кавказских и среднеазиатских этносов,

однако наиболее отчетливо она проявляется в ситуациях с представителями тех этносов, внутренние особенности которых не препятствуют развитию семейных отношений с людьми, принадлежащими к другой этнической группе.

Отдельного внимания заслуживает такой феномен, как проявление механизмов построения семейных отношений на макроуровне, в рамках взаимодействия представителей диаспор и землячеств. В данном случае специфично то, что диаспоры и землячества выступают в роли своеобразной макро-семьи, которая не только оказывает поддержку отдельным своим представителям, но и реализует функции контроля. Это является одним из тех аспектов, которые могут препятствовать осуществлению смешанных браков на уровне полиэтнического региона. При этом существуют этнические группы, на уровне которых сам момент консолидации по этническому признаку носит существенно менее выраженный характер (например, украинцы или белорусы), что может быть связано с близостью языка, обычаев, внешности по отношению к представителям титульного этноса.

Что касается института политики, следует отметить, что осуществление политической деятельности предполагает момент взаимодействия политика с широкими массами населения на той территории, в рамках которой осуществляется выборный процесс. В определенной степени можно судить о том, что представленность в политической сфере людей, относящихся к узким этническим группам, является одним из маркеров благоприятной обстановки в области межэтнического взаимодействия, поскольку имеют место широкие группы людей, не рассматривающие этническую принадлежность политика в качестве основания для отказа от его кандидатуры. Вместе с тем, нельзя сказать, что отсутствие этнически маркированных политиков должно свидетельствовать о каком-либо остром нарушении в силу того, что существует множество критериев, на основании которых осуществляется выбор той или иной кандидатуры. Отдельно следует отметить и то, что сам по себе процесс участия в политической деятельности среди представителей малых этносов может встречать определенные препятствия, связанные с институциональными ограничениями политической сферы (к числу таковых относится гражданство, время проживания в регионе и т. д.). В этом плане многие

авторитетные представители малых этносов могут просто не проходить по определенным формальным критериям, что может являться препятствием для их активного прямого участия в политической деятельности. Помимо этого, следует отметить, что сама по себе мотивация к осуществлению политической деятельности в принимающем регионе может проявляться в различной степени среди представителей разных этносов.

По результатам проведенного фокус-группового исследования выявлено, что существуют серьезные различия в характере политической деятельности среди представителей разных этнических групп, что проявляется как в различной представленности этносов в политической среде, так и в различном уровне проблем, с которыми сталкиваются представители разных этносов. При этом одной из важных позиций стало определение фактора локального перевеса представителей определенного этноса. Многие из числа участников дискуссии отметили, что испытывают большее доверие к представителям собственного этноса, что влияет на характер осуществляемого ими политического волеизъявления. Соответственно, на уровне территориальной единицы, в которой преобладают, например, представители адыгского этноса, закономерной ситуацией является избрание его представителя.

Одной из общих закономерностей стало то, что представители белорусского, украинского, татарского этносов не испытывают затруднений в осуществлении политической деятельности, но только при условии, если они на протяжении длительного времени проживают на территории региона, что определяет языковой аспект, более плотное ознакомление с традициями и нормами взаимодействия, присутствующими на уровне региона, а также миграционный статус «старожилов».

Для представителей адыгского этноса одним из определяющих моментов, как уже отмечалось выше, является количественная представленность адыгов на уровне конкретного населенного пункта или района. Соответственно, степень участия в политической деятельности определяется во многом территориально.

Также в рамках фокус-группового исследования было выявлено, что представители ряда этносов не проявляют политической активности на уровне принимающего региона. К числу таковых относятся таджики, узбеки, азербайджанцы.

В свою очередь, среди армян и греков наблюдается умеренная политическая активность, при этом, степень представленности людей, относящихся к данным этносам, в политике во многом обусловлена факторами, не имеющими отношения к их этничности.

Очень показательным моментом, раскрывшимся в ходе исследования, стало то, что большинство его участников не видят каких-либо прямых препятствий в самореализации представителей своего этноса через институт политики. Также многие отметили, что момент этничности играет роль в политической карьере, однако здесь имеет значение не предвзятость населения, а действительно существующие различия в культуре и ценностях, из-за которых зачастую избиратели делают выбор в пользу более близких им и понятных кандидатов. При этом некоторые участники исследования, напротив, отметили момент этничности в качестве преимущества в политической борьбе, что связывается ими с «традиционно сильными этническими чертами: харизмой и умением разговаривать с людьми, так, чтобы они понимали».

Рассмотрим особенности института права и его влияния на социальную жизнь представителей различных этносов. Оценивая на общем уровне влияния правового института на представителей малых народов, следует отметить наличие проблемы, которая сравнительно редко озвучивается, а именно проблемы полиюридизма, связанного с наличием устоявшихся традиций и обычаев отдельных народов, противоречащих действующим законам Российской Федерации. В рамках проведенного исследования выявлено, что отношения представителей этнических меньшинств с правоохранительными органами носят проблематичный характер сразу по двум позициям:

- проблематичный правовой статус отдельных норм поведения и моменты ответственности за их реализацию в публичной среде;
- проблемы, связанные с миграционными процессами (в том числе, осуществляемыми на нелегальной основе).

Ежегодно возникает множество ситуаций, в ходе которых представители правоохранительных органов реализуют векторы активности, противоположные интересам конкретных диаспор или землячеств с целью утверждения приоритета

действующего законодательства на подконтрольных им территориальных единицах. И одним из интересных следствий данного процесса становится то, что юридическая сфера рассматривается многими представителями этнических меньшинств в качестве мощного социального лифта, фактически – источника власти и возможностей. «Многие ребята из числа чеченцев, ингушей, те же армяне – идут на юридический, - отмечает один из участников обсуждения, - Потому что это престижно, и потому что это возможности в будущем. Кто-то потом идет полицейским работать, кто-то юристом, а кто-то просто может правильно говорить с ними (полицейскими. – прим. Авт.), если останоят». Таким образом, правовая сфера представляет собой, с одной стороны, один из наиболее проблемных институтов ввиду того, что многие представители малых этносов сталкиваются с затруднениями, влекущими за собой приобретение неблагоприятного правового статуса. С другой стороны, имеют место встречные механизмы активного приобщения к правовым институтам представителей этнических меньшинств, что может косвенно повлиять на рост правосознания в среде их представителей (как минимум, на уровне повышения их правовой грамотности).

Одним из важнейших направлений приложения социальной энергии является экономическая деятельность. Одновременно с этим, следует отметить, что экономические условия представляют собой один из важнейших аспектов встраивания в социальную структуру принимающего региона. Чем более благоприятными являются условия осуществления экономической деятельности, тем выше вероятность развития конструктивных форм взаимодействия в социальной среде. И, напротив, чем менее благоприятными являются экономические возможности представителей этнических меньшинств, тем выше риски развития различного рода конфликтов¹⁹⁸. Это связано со следующими моментами:

- повышенная конкурентная активность представителей малых этнических групп, находящихся в стесненных обстоятельствах (как следствие – негативный

---

¹⁹⁸ Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 804 с.

отклик в их отношении со стороны коренного населения (если речь идет о деятельности мигрантов) и, в целом, представителей титульного этноса);

- повышенный уровень социальной неудовлетворенности представителей малых этносов, как следствие – рост их напряженности и конфликтного потенциала.

Сам по себе момент неблагоприятного характера экономической обстановки неоднозначен, поскольку существуют различные формы неблагоприятных экономических условий. Среди них:

- общая экономическая нестабильность в регионе;

- ограничение возможностей представителей отдельных народов по участию в экономической жизни региона, вызванное этническими предрассудками, нетерпимостью и т. д.;

- социально-правовые ограничения, вызванные не столько этнической принадлежностью людей, сколько их миграционным статусом (актуально, в первую очередь, для диаспор, осуществляющих помощь мигрантам из-за рубежа).

В целом, социально-экономическая обстановка в Краснодарском крае была оценена участниками обсуждения в качестве благоприятной и открытой для представителей различных этносов. При этом в ходе обсуждения был выявлен ряд особенностей вхождения представителей малых этнических групп, проживающих на уровне региона, в его экономическую жизнь.

Во-первых, участники дискуссии отметили, что Краснодарский край является регионом «комфортным для проживания и работы», где «нет проблемы с тем, чтобы устроиться на работу»¹⁹⁹. При этом участники обсуждения отметили комфортный климат в регионе и редкий характер ситуаций, когда кому-либо было отказано в трудоустройстве по причине его этнической принадлежности. Вместе с тем, существуют процессы и тенденции, инициируемые не столько в отношении представителей малых этносов, сколько самими представителями диаспор и землячеств. Речь идет о достаточно обширном занятии отдельных экономических

---

¹⁹⁹ Этнический состав Краснодарского Края // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. – URL : <https://krsdstat.ru/> (дата обращения: 06.11.2021).

ниш представителями отдельных этносов. Это проявляется в том, что на уровне диаспоры как макро-семьи формируется «семейный бизнес», развитие которого как на уровне рабочей силы, так и на уровне привлекаемых капиталов, осуществляется с опорой на ресурсы, доступные диаспоре или землячеству. Как следствие, представители диаспоры в рамках осуществления деятельности в отдельном сегменте экономики обладают улучшенными стартовыми условиями, что делает их более конкурентоспособными и, соответственно, способствует захвату определенных экономических ниш. Так, например, отмечается высокое влияние греческой и армянской диаспор на развитие гостиничного бизнеса на побережье. Еще одним примером подобного рода «этнических экономических ниш» является активное участие представителей таджикского и узбекского этносов в строительной деятельности (в особенности активно таджики и узбеки участвовали в строительной деятельности в период до пандемии). В настоящее время они сталкиваются с существенными затруднениями, связанными с осуществлением трудовой миграции, однако и поныне наблюдается существенное привлечение трудовой силы из числа узбеков и таджиков в строительной деятельности.

Одним из примечательных аспектов этнической обусловленности экономической деятельности стало то, что в отдельных случаях момент принадлежности к узкой этнической группе выступает в роли сильного конкурентного качества. Так, например, участники дискуссии отметили специфическую практику найма представительниц узбекского и таджикского этносов в заведения, специализирующиеся на подаче японской кухни, что мотивируется их внешним сходством с японками и, соответственно, возможностью создания подобия аутентичности.

В целом, резюмируя рассмотрение экономического аспекта межэтнического взаимодействия, следует отметить, что оно характеризуется наличием благоприятных условий для самореализации представителей различных этносов в экономической сфере, что связано с открытым характером экономической сферы и ее относительной свободой от этнической обусловленности. Вместе с тем, отдельные моменты обусловленности экономических процессов этническими факторами все же

присутствуют, но данная зависимость выражена не в том, как относятся к представителям малых этносов, а скорее в том, какую активность они инициируют в процессе экономической деятельности.

Обобщая проведенный анализ институциональных условий существования на уровне региона представителей малых этнических групп, следует отметить, что обстановка в регионе в целом характеризуется как благоприятная. На уровне региона представители малых этнических групп имеют широкие возможности для самореализации в рамках основных социальных институтов – образования, экономики, формирования семьи, политических учреждений. При этом, было бы неправомерным утверждение о том, что этническая специфика институциональной деятельности отсутствует, однако речь идет преимущественно об особенностях встраивания представителей малых этносов в институциональную среду, обусловленных их собственными стратегиями активности, а не тем, как к ним относится население принимающего региона. В число ключевых ограничивающих факторов входят:

- языковой барьер: преимущественно данный фактор оказывает влияние не представителей диаспорных групп, причем основные трудности с освоением государственного русского языка испытывают мигранты из среднеазиатских стран – бывших республик СССР;

- этноконфессиональный фактор, выдвигающий культурные барьеры при формировании индивидуальной мотивации к освоению тех или иных институциональных практик интеграции в культурное пространство принимающего сообщества (выбор профессии, вступление в смешанный брак, приверженность нормам обычного права и др.);

- юридические ограничения, связанные со статусом приезжих (отсутствие гражданства, ограничения в возможности осуществления политической деятельности, связанные с недостаточным сроком гражданства и т. д.).

В целом, анализ ситуации позволяет сделать три значимых вывода:

- условия интеграции в социальную среду региона для представителей землячеств более благоприятны, нежели чем условия интеграции представителей

диаспорных групп, что связано с их юридическим статусом (наличие гражданства), языковой компетенцией и наличием опыта взаимодействия с представителями титульного этноса;

- в целом, на уровне старых диаспор и землячеств наблюдаются существенно более благоприятные предпосылки интеграции в социальную среду, нежели на уровне этнических общностей, имеющих сравнительно недолгую историю вхождения в социальную среду региона. Это определяет различия в условиях социальной интеграции представителей старых и новых диаспор и землячеств и определяет наличие ряда факторов риска на уровне этнических сообществ, имеющих недолгую историю вхождения в социальную среду региона;

Конечные стратегии интеграции в социальную среду региона, помимо типа этнической общности и длительности ее истории встраивания в социальную среду региона, также определяются конкретными характеристиками этнокультурных установок представителей разных этносов. Это определяет различия между ними в осуществлении конкретных институциональных практик. В частности, момент этноцентризма, определяющий ограничения в выборе супругов, характерен как для диаспор, имеющих длительную историю проживания на уровне региона (армяне, греки), так и для новых землячеств (дагестанцы, чеченцы).

Таким образом, анализ институциональных факторов интеграции представителей разных этносов в социальную среду Краснодарского края показывает, что имеет значение не только влияние и общее состояние институциональной среды региона (которое, в целом, оценивается как нейтрально-благоприятное), но и характер институциональных практик, осуществляемых приезжими на основании их возможностей (во многом определяемых институциональными условиями и статусом в месте исхода) и этнокультурных установок.

2.3. Социальное самочувствие этнических групп и перспектива межэтнической интеграции

Проведенная на уровне предшествующих параграфов работа позволяет сделать выводы о факторах, тенденциях и предпосылках осуществления социально-интегративных практик в полиэтнической среде Краснодарского края. На настоящем этапе целесообразно осуществить конкретизацию полученных результатов. С этой целью было осуществлено эмпирическое исследование «Социальное самочувствие представителей диаспорных и земляческих групп в среде учащихся вузов Краснодара». Форма исследования – анкетирование. В качестве объекта исследования выступили учащиеся вузов Краснодарского края, относящиеся к различным этническим группам. Характер выборки обоснован необходимостью отражения тенденций и условий социальной интеграции представителей различных этнических групп на примере, с одной стороны, наиболее активной, с другой – наиболее уязвимой к воздействию рискогенных факторов группы – молодежи. Размер выборки – 271 человек²⁰⁰.

Ниже представлены основные результаты эмпирического исследования, выраженные в формате сводных таблиц, а также дан авторский анализ полученных данных.

Этнический состав респондентов следующий: 33,2% составили представители русского этноса, 7% – чеченцы, 0,7% – осетины, 0,4% определили себя в качестве метисов, 4,4% – адыги, 0,7% – кабардинцы, 5,2% – армяне, 3,7% – татары, 8,1% – белорусы, 5,9% – таджики, 4,4% – курды, 5,2% – греки, 5,9% – лезгины, 8,5% не желали определять свою этническую принадлежность, 4,4% затруднились с ответом, 2,3% относятся к другим этносам.

---

²⁰⁰ Результаты опроса прошли апробацию в авторских публикациях, в частности, см.: Слизский Е. А. Институциональное неравенство как фактор межэтнической напряженности: на материалах исследования / Е. А. Слизский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 11. – С. 95–102.

Таким образом, исследование охватило все основные этнические группы, обладающие наибольшей представленностью на уровне региона. Численное соотношение респондентов, относящихся к различным этносам, не отражает реальный этнический состав населения Краснодарского края, однако это является не показателем ошибки в методологии исследования, а, напротив, является одним из аспектов авторского замысла, поскольку осуществление квотного опроса, сопоставимого с реальными пропорциями населения, привело бы к чрезмерному распылению усилий в рамках анализа точек зрения, высказанных представителями русского этноса, и одновременно привело бы к слишком малому охвату точек зрения представителей этносов, численная представленность которых в регионе невысока. В дальнейшем на уровне основных сводных таблиц приведены данные по каждой этнической группе отдельно и по населению региона в целом, что позволяет отслеживать как общие тенденции, так и специфические особенности этнической идентификации, реализуемые на групповом уровне.

Таблица 37 открывает тематический блок, посвященный анализу уровня актуально существующей напряженности в межэтнической среде.

Очень важным показателем в данном случае является то, как ответили представители титульного этноса, проживающие в регионе. Представленность положительных ответов среди респондентов, относящихся к русскому этносу, свидетельствует о том, что общая ситуация взаимодействия находится в срединном состоянии: 21,7% респондентов отметили, что они испытывали сложности во взаимодействии с представителями другого этноса, вызванные культурными различиями. С одной стороны, речь идет о меньшей части респондентов, с другой, тот факт, что каждый пятый представитель титульного этноса сталкивался с затруднениями в коммуникации с представителями других этносов, вызванными этнокультурными различиями, вызывает беспокойство. Наименьшие показатели затруднений во взаимодействии с представителями других этносов продемонстрировали респонденты, обозначившие себя как метисы, кабардинцы и осетины, среди которых никто не отметил наличие затруднений этнокультурного плана, армяне и греки (по 7,1% соответственно). Наибольшие показатели

затруднений этнокультурного плана продемонстрировали лезгины (43,8%), украинцы (40,9%) и татары (40%).

Таблица 37 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Испытывали ли Вы сложности во взаимодействии с представителями других этнических групп, вызванные различиями в культуре, обычаях, менталитете?» (критерий сравнения обций + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	31,7	67,3	1,0
Русские	21,7	69,6	8,7
Чеченцы	21,1	78,9	0
Осетины	0	100	0
Определившие себя как «метисы»	0	100	0
Адыги	8,3	91,7	0
Кабардинцы	0	100	0
Армяне	7,1	64,3	28,6
Татары	40	60	0
Белорусы	16,7	83,3	0
Украинцы	40,9	59,1	0
Таджики	25,0	75,0	0
Курды	16,7	83,3	0
Греки	7,1	92,9	0
Лезгины	43,8	50,0	6,2
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	21,7	69,6	8,7

Следующий вопрос ориентирован уже на определение характеристик личного опыта взаимодействия членов общества с представителями других этносов, причем в качестве определяющего в данном случае рассматривается не наличие или отсутствие негативного опыта, а общая оценка, которую дали респонденты (табл. 38).

Таблица 38 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Как Вы в целом оцениваете личный опыт взаимодействия с представителями других этнических групп?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

Варианты ответов (%)							
	Положи- тельно	Скорее положи- тельно	Нейтр ально	Скорее от- рицательно	Отри- ца- тельн о	Затруд- няюсь ответить	Не- урав- нове- шен- ные
Общая статистика	29,9	24,4	39,9	2,6%	1,8	1,5	0
Русские	17,8	31,1	46,7	3,3	1,1	1,1	0
Чеченцы	52,6	15,8	31,6	0	0	0	0
Осетины	100	0	0	0	0	0	0
Определив- шие себя как «метисы»	0	0	100	0	0	0	0
Адыги	0	50,0	41,7	8,3	0	0	0
Кабардинцы	100	0	0	0	0	0	0
Армяне	28,6	0	64,3	0	7,1	0	0
Татары	50,0	30,0	20,0	0%	0	0	0
Белорусы	16,7	50,0	33,3	0	0	0	0
Украинцы	22,7	22,7	22,7	9,1	13,6	0	0
Таджики	18,8	31,3	50,0	0	0	0	0
Курды	16,7	25,0	58,3	0	0	0	0
Греки	28,6	21,4	50,0	0	0	0	0
Лезгины	31,3	6,3%	56,3	0	0	6,3	0
Пожелавшие не определять свою этниче- скую принад- лежность	52,2	21,7	17,4	0	0	8,7	0%

Таблица 38 характеризует очень важный момент: она дает понимание того, каковы тенденции влияния непосредственного опыта межэтнического взаимодействия на формирование позитивных или негативных форм

идентификации (и, соответственно, негативных социальных ожиданий, направленных в отношении представителей других этнических групп²⁰¹).

Как становится видно из результатов опроса, лишь 4,4% от числа респондентов отметили отрицательный характер личного опыта взаимодействия с представителями других этносов, в то время как большинство характеризует межэтническое взаимодействие либо нейтрально (39,9% респондентов), либо положительно (54,3% опрошенных). Среди представителей титульного этноса показатели негативного опыта совпадают с общими (4,4%), при этом большинство респондентов отмечает позитивный характер личного опыта взаимодействия с представителями других этносов (в совокупности это 48,9% респондентов).

Среди других этнических групп наибольшее беспокойство вызывают украинцы (22,7% опрошенных представителей данного этноса в целом оценивают личный опыт как негативный), адыги (8,3%) и армяне (7,1%). Опрошенные представители других этнических групп не выразили преобладание негативного аспекта в личном опыте межэтнического взаимодействия.

Данный аспект исследуемой тематики нельзя рассматривать как распределение форм отношения к другим этносам, поскольку определение характеристик личного опыта дает нам скорее понимание отдельных предпосылок формирования отдельных идентификационных стратегий, локализованных на уровне социальной практики (табл. 39).

---

²⁰¹ Плотников В.В., Слизский Е.А. Место межнациональных отношений в российском обществе (с опорой на актуальную ситуацию по городу Краснодару) // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 18. Редколлегия: С.Ф. Самойлов, В.В. Плотников, Е.В. Шевченко [и др.]. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 130-135.

Таблица 39 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какова в настоящее время ситуация межэтнического взаимодействия в регионе?» (критерий сравнения общих + этническая определенность респондентов)

Варианты ответов (%)				
	Благоприятная	Нейтральная	Напряженная	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	33,2	44,6	15,5	6,6
Русские	26,7	53,3	14,4	5,6
Чеченцы	42,1	36,8	5,3	15,8
Осетины	0	0	0	100
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0
Адыги	66,7	25,0	8,3	0
Кабардинцы	100	0	0	0
Армяне	57,1	35,7	7,1	0
Татары	30,0	50,0	20,0	0
Белорусы	33,3	66,7	0	0
Украинцы	4,5	63,6	31,8	0
Таджики	31,3	56,3	6,3	6,3
Курды	50,0	33,3	16,7	0
Греки	50,0	35,7	14,3	0
Лезгины	31,3	56,3	0	12,5
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	8,7	34,8	34,8	21,7

Отвечая на вопрос о том, какова ситуация взаимодействия в межэтнической среде, респонденты уже раскрыли характер собственных представлений о межэтническом взаимодействии, включающий не только отражение реального личного опыта, но и представления, сформированные на основании иных источников. Несложно заметить, что здесь наблюдается существенный (по отношению к данным, представленным в таблице 38) крен в сторону нарушения предпосылок социального взаимодействия. То есть, обладая сравнительно невысоким уровнем негативного личного опыта, существенная доля респондентов тем не менее отмечает ситуацию межэтнического взаимодействия в регионе в качестве напряженной (15,5% от общего числа опрошенных). Примечательно, что наиболее высокие показатели напряженности отметили респонденты, относящиеся

к числу детей смешанных браков (100%), не пожелавшие отметить свою этническую принадлежность (34,8%), украинцы (31,8%) и татары (20%). При этом среди лезгинов, белорусов, кабардинцев и осетинов ни один из респондентов не отметил высокий уровень напряженности в регионе. Это косвенно свидетельствует о том, что одной из преобладающих точек напряженности в настоящее время являются не столько отношения представителей титульного этноса с выходцами из Кавказа, сколько конфликт между русским населением и украинцами, во многом спровоцированный сложившейся непростой политической ситуацией.

Как видно по результатам исследования (табл. 40), в качестве наиболее значимой проблемы респонденты обозначили наличие этнических стереотипов. Вторая по значимости проблема, отмечаемая респондентами в целом, – это проблема различий в ценностных ориентациях. Третий по численности отметивших его респондентов вариант – агрессивное поведение со стороны представителей малых этносов.

Показательно, что представители разных этносов различным образом отмечали моменты напряженности. Так, среди представителей русского этноса наиболее частыми ответами были наличие стереотипов и агрессивное поведение представителей малых этносов (31,1% и 15,6% соответственно). Одна из наименее представленных на уровне ответов респондентов проблема – предвзятое отношение со стороны представителей титульного этноса. Наибольшие показатели по данной категории имеют место среди татар, греков, украинцев и респондентов, не пожелавших определять свою этническую принадлежность. При этом число опрошенных в каждой этнической категории, выбравших данный вариант, не превысило 10%. Существенно большее число респондентов отметили проблему агрессивного поведения представителей малых этносов, причем, что показательно, среди представителей нетитульного этноса данный вариант отмечался даже интенсивнее, нежели среди респондентов, относящихся к русскому этносу. В частности, на важность данной проблемы указала существенная доля татар и чеченцев.

Таблица 40 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Какие ключевые проблемы межэтнического взаимодействия Вы можете назвать?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

Варианты ответов											
	Предвзятое, негативное отношение представителей титульного этноса	Агрессивное поведение представителей малых этносов	Наличие в обществе этнических стереотипов, которые затрудняют взаимодействие представителей различных национальностей	Недостаточные возможности для представителей малых этносов к культурному самовыражению	Разные ценности	Как таковой, проблемы в отношениях представителей разных этносов нет	Предвзятое, негативное отношение представителей титульного этноса, наличие в обществе этнических стереотипов, которые затрудняют взаимодействие представителей различных национальностей	Агрессивное поведение представителей малых этносов, разные ценности	Наличие в обществе этнических стереотипов, которые затрудняют взаимодействие представителей различных национальностей, разные ценности	Наличие в обществе этнических стереотипов, которые затрудняют взаимодействие представителей различных национальностей, как таковой, проблемы в отношениях представителей разных этносов нет	Разные ценности, как таковой, проблемы в отношениях представителей разных этносов нет
Общая статистика	3,0	10,7	26,2	12,9	15,5	10,0	3,3	4,4	8,5	1,5	2,6
Русские	3,3	15,6	31,1	13,3	13,3	7,8	3,3	4,4	6,7	1,1	0
Чеченцы	0	15,8	26,3	0	5,3	36,8	5,3	5,3	5,3	15,8	26,3
Осетины	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	0
Мезьы	0	0	100	0	100	0	0	0	0	0	0
Адыги	0	0	41,7	50,0	0	0	0	8,3	0	0	0
Кабардинцы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	100
Армяне	0	7,1	35,7	57,1	0	0	0	0	0	7,1	35,7
Татары	10,0	30,0	10,0	0	30,0	0	0	0	0	0	20,0
Белорусы	0	0	33,3	0	33,3	16,7	16,7	0	0	0	0
Украинцы	4,5	9,1	31,8	0	27,3	0	0	0	4,5	4,5	0
Таджики	0	6,3	6,3	0	6,3	6,3	6,3	6,3	0	0	0
Курды	0	0	16,7	0	33,3	25,0	0	0	8,3	0	16,7
Греки	7,1	0	7,1	28,6	28,6	7,1	21,4	0	7,1	0	7,1
Лезгины	0	12,5	18,8	0	0	18,8	0	31,3	0	0	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	8,7	0	26,1	0	26,1	17,4	0	0	21,7	0	0

Проблема этнических стереотипов была отмечена как одна из ключевых, причем по отдельным этническим группам представленность данного ответа превышает отметку в 30%. Наибольшие проблемы с этнической стереотипизацией отметили метисы (100% респондентов), адыги (41,7%), армяне (35,7%), белорусы (33,3%), украинцы (31,8%).

Среди этнических групп, отметивших на высоком уровне проблему отсутствия условий для культурного самовыражения, выделяются армяне (57,1%), адыги (50%) и греки (28,6%).

Проблему различия в этнокультурных ценностях наиболее активно отмечали респонденты, относящиеся к числу метисов (100%), а также осетины (100%). Также с высокой частотой на наличие данной проблемы указывали белорусы и курды (по 33% в каждой группе), татары (30%), украинцы (27,3%), греки (28,6%).

На фоне представленных цифр вызывает существенную настороженность то, что сравнительно малое число респондентов отметило отсутствие проблем в межэтнической среде. Среди представителей титульного этноса лишь 7,8% отметили данный вариант, в общей выборке – лишь 10%. Все это свидетельствует о том, что проблема межэтнических отношений уже актуализировалась в сознании жителей региона.

Следующий вопрос был ориентирован на отражение уровня интенсивности проблемы межэтнической конфликтности в сознании респондентов (табл. 41).

Отвечая на данный вопрос, наибольшие показатели напряженности продемонстрировали осетины, украинцы, татары, респонденты, не пожелавшие определять свою этническую принадлежность, и лезгины. Из общей выборки 21,8% опрошенных склоняются к тому, что в регионе много людей, проявляющих этническую нетерпимость. При этом не встречали проявлений этнической нетерпимости лишь 7,7% опрошенных, что очень мало.

Таблица 41 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Как Вы считаете, много ли в Вашем регионе людей, проявляющих нетерпимость по этническому признаку (предвзято относящихся к представителям определенной этнической группы)?» (критерий сравнения общих + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)					
	Много	Скорее много	Скорее мало	Мало	Не встречал (а) проявлений этнической нетерпимости	Не знаю
Общая статистика	8,5	13,3	58,7	8,1	7,7	3,7
Русские	3,3	8,9	64,4	10,0	11,1	2,2
Чеченцы	5,3	10,5	78,9	0	0	5,3
Осетины	0	100	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0	0	0
Адыги	0	8,3	91,7	0	0	0
Кабардинцы	0	0	100	0	0	0
Армяне	0	7,1	64,3	0	28,6	0
Татары	20,0	10,0	50,0	0	0	20,0
Белорусы	0	16,7	66,7	0	16,7	0
Украинцы	27,3	31,8	81,3	4,5	0	0
Таджики	6,3	12,5	81,3	0	0	0
Курды	0	0	41,7	16,7	25,0	16,7
Греки	0	7,1	42,9	28,6	21,4	0
Лезгины	0	37,5	56,3	6,3	0	6,3
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	21,7	17,4	39,1	21,7	0	8,7

Следующий вопрос был ориентирован на получение непосредственных свидетельств наличия носителей этнической нетерпимости (в отличие от общих представлений, которые могут сформироваться, в том числе, на основании стереотипов, ошибочных суждений и т. д.). Варианты ответов отражены в таблице 42.

Таблица 42 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Есть ли в Вашем окружении люди, проявляющие негативное отношение к представителям других этносов?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

Варианты ответов (%)				
	Есть, большинство	Есть, меньшинство	Нет	Затрудняюсь ответить.
Общая статистика	7,4	38,0	48,7	5,9
Русские	4,4	41,1	46,7	7,8
Чеченцы	0	21,1	78,9	0
Осетины	0	100	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0
Адыги	0	33,3	41,7	25,0
Кабардинцы	0	0	100	0
Армяне	7,1	64,3	28,6	0
Татары	10,0	40,0	50,0	0
Белорусы	0	66,7	33,3	0
Украинцы	22,7	50,0	22,7	4,5
Таджики	0	37,5	50,0	12,5
Курды	8,3	16,7	75,0	0
Греки	0	35,7	64,3	0
Лезгины	31,3	12,5	56,3	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	0	47,8	39,1	13,0

Представленные ответы в их сопоставлении с результатами ответов на предшествующий вопрос позволяют выявить специфическую картину: притом, что, оценивая общую ситуацию, свыше 20% от общего числа респондентов заявили, что в регионе много носителей этнической нетерпимости, лишь 7,4% опрошенных признали, что в их собственном окружении большинство людей нетерпимы. В свою очередь 32% заявили, что в их окружении присутствуют носители этнической нетерпимости, но они в меньшинстве, и 48,7% респондентов отметили, что в их окружении нет носителей этнической нетерпимости. Так или иначе, тот факт, что почти половина респондентов имеет регулярный опыт взаимодействия с носителями нетерпимого этнического отношения, вызывает существенную обеспокоенность.

Следующий вопрос характеризует степень доверия респондентов к существующим стереотипным представлениям о различных этносах и их представителях (табл. 43).

Таблица 43 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Насколько обоснованы, на ваш взгляд, расхожие представления о различных этносах и их представителях?» (критерий сравнения общих + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)				
	Обоснованы	Скорее обоснованы	Скорее не обоснованы	Совершенно не обоснованы	Скорее обоснованы, но есть исключения
Общая статистика	19,9	14,0	41,0	15,1	10,0
Русские	15,6	18,9	42,2	16,7	6,7
Чеченцы	10,5	0	68,4	10,5	10,5
Осетины	100	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0	0
Адыги	0	25,0	25,0	50,0	0
Кабардинцы	100	0	0	0	0
Армяне	7,1	0	64,3	28,6	0
Татары	20,0	30,0	30,0	0	20,0
Белорусы	0	33,3	50,0	0	16,7
Украинцы	27,3	22,7	22,7	0	22,7
Таджики	12,5	43,8	31,3	0	12,5
Курды	41,7	16,7	16,7	16,7	8,3
Греки	0	7,1	57,1	28,6	7,1
Лезгины	62,5	0	31,3	6,3	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	21,7	8,7	34,8	8,7	26,1

Как видно по данным, представленным в таблице 43, существенная доля респондентов (43,9%) полагают этнические стереотипы обоснованными. Это чрезвычайно высокий показатель, свидетельствующий о серьезном влиянии этнических стереотипов на отношения между представителями разных народов.

При этом показательно, что осетины, кабардинцы, курды, украинцы, лезгины, таджики, татары, белорусы в половине и более случаев признают справедливость этнических стереотипов, в то время как большинство представителей титульного этноса считает этнические стереотипы необоснованными. Это характеризует сравнительно благоприятные условия существования представителей малых этносов и, в частности, интеграцию их в систему отношений в принимающем регионе. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что высокая подверженность этническим стереотипам представителей малых этнических групп также несет в себе серьезные риски нарушения межэтнического взаимодействия, но связаны они уже с взаимной стереотипизацией, а также формирования стереотипных воззрений на представителей титульного этноса.

Следующий блок вопросов направлен на определение того, насколько сильно представлен этнический аспект социальной идентификации в практиках, реализуемых членами общества (табл. 44).

Таблица 44 характеризует уровень исходных негативных ожиданий, направленных в отношении представителей других этнических групп. Тот факт, что большая часть респондентов не испытывает настороженности при социальном контакте с представителями иноэтнических групп, свидетельствует о благоприятных предпосылках реализации отношений в регионе; вместе с тем, хотя 20,7% респондентов, испытывающих настороженность в отношении представителей других этносов, в меньшинстве, их количество весьма велико и не должно быть проигнорировано. Тот факт, что каждый пятый житель региона имеет априорные негативные ожидания в отношении представителей других народов, представляет серьезную угрозу социальной стабильности, одновременно выступая в качестве маркера недостаточно благоприятной социальной обстановки.

Таблица 44 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос «При встрече с представителем другого этноса Вы испытываете настороженность?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	20,7	69,0	10,3
Русские	17,8	75,6	6,7
Чеченцы	10,5	73,7	15,8
Осетины	0	100	0
Определившие себя как «метисы»	0	100	0
Адыги	8,3	91,7	0
Кабардинцы	0	100	100
Армяне	35,7	64,3	0
Татары	20,0	60,0	20,0
Белорусы	16,6	66,7	16,7
Украинцы	36,4	31,8	31,8
Таджики	12,5	81,3	6,3
Курды	8,3	83,3	8,3
Греки	14,3	85,7	0
Лезгины	37,5	56,3	6,3
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	21,7	52,2	0

Принятие принадлежности другого человека к своему этносу как причины для формирования позитивного отношения к нему – это важный маркер, демонстрирующий приоритетность для социального субъекта этнического аспекта социальной идентификации. Таблица 45 показывает, что 37,1% респондентов отметили существование ситуаций, при которых момент этнической принадлежности субъекта взаимодействия имеет для них значение, при этом лишь 8,3% опрошенных дали однозначно утвердительный ответ на данный вопрос. Наибольшую готовность к априорному принятию представителя своего этноса продемонстрировали армяне, лезгины, татары. При этом осетины, кабардинцы, курды и украинцы продемонстрировали наименьшую склонность к безусловному принятию представителей своего этноса.

Таблица 45 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос «Является ли для Вас принадлежность незнакомого человека к вашему этносу причиной для расположения по отношению к нему?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)				
	Да	Нет	В некоторых случаях	Для меня этническая принадлежность не играет особой роли в отношениях с другими людьми	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	8,3	31,0	28,8	23,6	2,2
Русские	14,4	36,7	25,6	20,0	3,3
Чеченцы	5,3	10,5	15,8	57,9	10,5
Осетины	0	100	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0	0
Адыги	8,3	16,7	50,0	25,0	0
Кабардинцы	0	100	0	0	0
Армяне	42,9	28,6	28,6	0	0
Татары	20,0	40,0	20,0	20,0	0
Белорусы	0	33,3	33,3	33,3	16,7
Украинцы	4,5	50,0	45,5	0	0
Таджики	6,3	12,5	43,8	37,5	0
Курды	0	50,0	16,7	33,3	0
Греки	0	7,1	71,4	21,4	0
Лезгины	43,8	18,8	12,5	18,8	6,3
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	17,4	34,8	26,1	21,7	0

Очень важным показателем является то, на каких критериях респонденты склонны формировать свое отношение к другому человеку, иными словами, какой критерий является для них приоритетным в формировании отношения (табл. 46).

Как становится видно по данным, представленным в таблице 46, большинство респондентов не рассматривает этническую принадлежность в качестве приоритетного критерия формирования социального отношения и лишь 5,5% респондентов полагают этнический аспект в качестве приоритетного. Вместе с тем следует воздержаться от излишне оптимистичной трактовки данного показателя, поскольку такие аспекты социальной оценки, как культура поведения и манеры (что во многом имеет этнокультурную обусловленность),

рассматриваются в качестве приоритетных более чем половиной респондентов (50,6%).

Таблица 46 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «По какому критерию в первую очередь Вы формируете свое отношение к человеку?» (критерий сравнения общих + этническая определенность респондентов)

Варианты ответов (%)									
	Внешность	Культура поведения, манеры	Материальный статус	Социальный статус	Этническая принадлежность	Уровень образованности	Профессиональная принадлежность	Затрудняюсь ответить	Умение расположить к себе
Общая статистика	11,4	50,6	4,8	15,1	5,5	7,0	3,0	1,5	0
Русские	15,6	57,8	1,1	8,9	5,6	5,6	4,4	1,1	0
Чеченцы	10,5	42,1	5,3	36,8	5,3	0	0	0	0
Осетины	100	0	0	0	0	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0	0	0	0	0	100
Адыги	25,0	0	16,7	50,0	8,3	0	0	0	0
Кабардинцы	0	0	0	0	0	100	0	0	0
Армяне	28,6	35,7	0	0	7,1	0	28,6	0	0
Татары	0	90,0	0	0	0	10,0	0	0	0
Белорусы	0	0	33,3	0	33,3	16,7	16,7	0	0
Украинцы	4,5	68,2	0	22,7	0	4,5	0	0	0
Таджики	12,5	37,5	6,3	37,5	6,3	0	0	0	0
Курды	16,7	58,3	0	0	0	16,7	0	0	8,3
Греки	0	42,9	28,6	28,6	0	0	0	0	0
Лезгины	6,3	18,8	0	12,5	37,5	25,0	0	0	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	0	69,6	13,0	0	0	17,4	0	0	0

Следующий важный вопрос, характеризующий условия протекания межэтнического взаимодействия (и в целом отношения социальных приоритетов к общественным интересам), связан с моментом этнической самоидентификации и ее местом в социальной картине мира субъекта (табл. 47).

Таблица 47 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Какое основание самоидентификации является ключевым для Вас?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)																
	Уровень достатка	Уровень образования	Уровень культурного развития	Принадлежность к конкретной стране (патриотическая)	Семейная принадлежность	Этническая принадлежность	Религиозная принадлежность	Профессия	Уровень достатка, уровень образования, уровень культурного развития	Уровень культурного развития, уровень образования, уровень	Уровень образования, уровень достатка, уровень культурного развития	Уровень культурного развития, уровень достатка, уровень образования	Затрудняюсь ответить	Семейная принадлежность, религиозная принадлежность, профессия	Уровень образования, уровень культурного развития, уровень достатка	Религиозная принадлежность, профессия	Уровень образования, уровень культурного развития, принадлежность к конкретной стране (патриотическая самоидентификация)
Общая статистика	5,2	13,3	30,3	2,2	5,5	0,7	4,8	6,6	3,7	9,2	7,0	5,2	2,2	1,1	0,7	0,7	1,5
Русские	5,6	8,9	22,2	0	6,7	1,1	3,3	7,8	3,3	8,9	13,3	6,7	3,3	2,2	2,2	2,2	2,2
Чеченцы	0	0	15,8	5,3	0	0	0	5,3	0	47,4	15,8	0	10,5	0	0	0	0
Осетины	0	0	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	0	0	0
Адыги	25,0	25,0	25,0	0	0	0	0	25,0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Кабардинцы	0	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Армяне	28,6	0	0	0	28,6	7,1	35,7	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Татары	0	10,0	80,0	0	0	0	0	0	80,0	0	0	0	0	0	0	0	0
Белорусы	16,7	0	50,0	16,7	0	0	0	0	16,7	0	0	0	0	0	0	0	0
Украинцы	0	0	63,6	0	18,2	0	0	0	13,6	4,5	0	0	0	0	0	0	0
Таджики	12,5	18,8	12,5	6,3	0	0	0	18,8	0	18,8	12,5	0	0	0	0	0	0
Курды	0	25,0	33,3	0	0	0	0	0	8,3	0	0	8,3	0	8,3	0	0	16,7
Греки	0	57,1	28,6	0	0	0	0	0	7,1	0	0	0	0	0	0	0	0
Лезгины	0	18,8	0	0	0	0	31,3	12,5	0	18,8	0	0	6,3	0	12,5	0	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	17,4	0	39,1	13,0	0	0	0	8,7	0	0	0	0	0	0	21,7	0	0

Результаты опроса в данном случае свидетельствуют о том, что для большей части респондентов этнический аспект самоидентификации не является приоритетным. Вместе с тем существенная доля респондентов отметила значимость религиозного и культурного аспектов, которые находятся в тесной связи с культурой и традициями конкретных этносов.

Следующий блок вопросов направлен на выявление ключевых источников формирования представлений о других этносах и людях, принадлежащих к ним (табл. 48).

Таблица 48 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Опираясь на какой источник в первую очередь, люди формируют свои представления о других этносах и их представителях?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)			
	Личный опыт взаимодействия	Телевидение, радио, Интернет	Мнения других людей, с которыми они общаются	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	51,7	18,1	28,8	1,5
Русские	56,7	18,9	21,1	3,3
Чеченцы	42,1	42,1	15,8	0
Осетины	100	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	100	0	0	0
Адыги	75,0	0	25,0	0
Кабардинцы	100	0	0	0
Армяне	42,9	0	57,1	0
Татары	50,0	0	40,0	10,0
Белорусы	33,3	16,7	50,0	0
Украинцы	50,0	9,1	40,9	0
Таджики	75,0	12,5	12,5	0
Курды	50,0	33,3	16,7	0
Греки	28,6	21,4	50,0	0
Лезгины	56,3	12,5	31,3	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	39,1	34,8	26,1	0

Как показывает опрос, половина респондентов отмечает в качестве преобладающего источника представлений о других этносах личный опыт взаимодействия, 28,8% – мнения представителей ближайшего окружения и 18,1% опрошенных формирует представления о других этносах, преимущественно опираясь на данные, представленные на уровне массмедиа.

Таблица 49 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «В опоре на какие источники в первую очередь вы сформировали свое отношение к представителям других этносов?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

Варианты ответов (%)				
	Личный опыт взаимодействия	Телевидение, радио, Интернет	Мнения других людей, с которыми они общаются	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	87,1	4,4	8,5	0
Русские	86,7	3,3	10,0	0
Чеченцы	100	0	0	0
Осетины	100	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	100	0	0	0
Адыги	75,0	0	25,0	0
Кабардинцы	100	0	0	0
Армяне	64,3	0	35,7	0
Татары	90,0	10,0	0	0
Белорусы	83,3	16,7	0	0
Украинцы	90,9	9,1	0	0
Таджики	100	0	0	0
Курды	83,3	0	16,7	0
Греки	92,9	0	7,1	0
Лезгины	93,8	0	6,3	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	91,3	0	8,7	0

Оценка собственного способа познания респондентами (табл. 49) существенно отличается от данной ими оценки познавательных практик, осуществляемых другими людьми. Показательно, что в оценке собственных

источников познания респонденты склонны отмечать наиболее «объективные» и «надежные» источники, существенно реже отмечая опосредованные пути познания.

В целом подобного рода оценка собственных установок и представлений респондентами хорошо соотносится с теоретической частью проведенного исследования, с учетом следующих факторов:

- члены общества редко склонны оценивать предпосылочный аспект своих социальных представлений и установок, сформированный на основании опосредованного опыта;

- по факту признание личного опыта в качестве преобладающего основания не говорит о том, что для этих респондентов неактуальны иные источники. Речь здесь идет скорее о моменте преобладающих путей социального познания.

Следующий вопрос характеризует преобладающие источники позитивных представлений о людях, относящихся к иноэтническим группам (табл. 50).

Как становится видно из результатов опроса, 35,8% респондентов узнали позитивные факты о представителях других этносов из ознакомления с внешними информационными источниками (учебные материалы, массмедиа, развлекательная продукция), 11,8% – от представителей ближайшего окружения и 51,3% – на основании личного опыта. В этом контексте очень показателен контраст между позитивной и негативной информацией, получаемой из различных источников. Ниже представлена таблица 51, характеризующая основные источники негативных сведений о представителях иных этносов.

Таблица 50 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Каким путем Вы узнали наиболее позитивные из известных Вам фактов о представителях других этносов (из тех, с представителями которых Вы сталкиваетесь в своем регионе)?» (критерий сравнения общих + этническая определенность респондентов)

Варианты ответов (%)						
	Средства массовой информации	Учебная литература, документальное кино, энциклопедии	Развлекательная культурная продукция (кино, литературные произведения)	Личный опыт взаимодействия	Опыт представителей близкого окружения, знакомых	Средства массовой информации, опыт представителей близкого окружения, знакомых
Общая статистика	11,4	14,4	10,0	51,3	11,8	1,1
Варианты ответов (%)						
	Средства массовой информации	Учебная литература, документальное кино, энциклопедии	Развлекательная культурная продукция (кино, литературные произведения)	Личный опыт взаимодействия	Опыт представителей близкого окружения, знакомых	Средства массовой информации, опыт представителей близкого окружения, знакомых
Русские	11,1	12,2	8,9	51,1	14,4	2,2
Чеченцы	5,3	15,8	5,3	68,4	5,3	0
Осетины	100	0	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	0	100	0	0
Адыги	0	0	0	83,3	16,7	0
Кабардинцы	0	0	0	100	0	0
Армяне	0	0	28,6	35,7	35,7	0
Татары	10,0	30,0	0	50,0	10,0	0
Белорусы	0	33,3	33,3	33,3	0	0
Украинцы	4,5	31,8	18,2	22,7	22,7	0
Таджики	6,3	12,5	6,3	68,8	6,3	0
Курды	33,3	0	0	50,0	8,3	8,3
Греки	0	0	42,9	50,0	7,1	0
Лезгины	37,5	12,5	6,3	43,8	0	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	8,7	30,4	0	52,2	8,7	0

Таблица 51 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Каким путем Вы узнали наиболее негативную информацию о представителях другого этноса (из тех, с представителями которых Вы сталкиваетесь в своем регионе)?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)				
	Средства массовой информации	Учебная литература, документальное кино, энциклопедии	Развлекательная культурная продукция (кино, литературные произведения)	Личный опыт взаимодействия	Опыт представителей близкого окружения, знакомых
Общая статистика	42,8	7,7	8,5	35,1	5,9
Русские	34,4	4,4	7,8	46,7	6,7
Чеченцы	63,2	5,3	0	31,6	0
Осетины	100	0	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	0	100	0
Адыги	25,0	16,7	25,0	33,3	0
Кабардинцы	100	0	0	0	0
Армяне	28,6	0	0	35,7	35,7
Татары	40,0	10,0	0	40,0	10,0
Белорусы	33,3	0	16,7	33,3	16,7
Украинцы	63,6	9,1	0	27,3	0
Таджики	37,5	6,3	18,8	37,5	0
Курды	50,0	8,3	16,7	25,0	0
Греки	35,7	7,1	28,6	7,1	21,4
Лезгины	43,8	0	6,3	50,0	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	47,8	13,0	8,7	30,4	0

Как становится видно по представленным в таблице 51 данным, число респондентов, отметивших приобретение негативной информации о представителях различных этносов посредством массмедиа, почти вчетверо выше, нежели число респондентов, приобретающих из новостного контента позитивную информацию (42,8% против 11,4%). Примечательно, что на уровне учебной и

развлекательной продукции члены общества, напротив, существенно реже черпают негативные факты о представителях других этносов (7,7% и 8,5% против 14,4% и 10% соответственно).

Таблица 52 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «За минувшее десятилетие каким образом изменилась ситуация в межэтнической среде?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)			
	Ситуация изменилась в благоприятную сторону, напряженность снизилась	Ситуация не изменилась	Напряженность возросла	Затрудняюсь ответить
Общая статистика	32,8	35,8	14,8	16,6
Русские	31,1	41,1	7,8	20,0
Чеченцы	57,9	31,6	5,3	5,3
Осетины	0	0	0	100
Определившие себя как «метисы»	100	0	0	0
Адыги	50,0	0	25,0	0
Кабардинцы	100	0	0	0
Армяне	0	64,3	35,7	0
Татары	10,0	40,0	30,0	20,0
Белорусы	16,7	66,7	0	16,7
Украинцы	13,6	40,9	22,7	22,7
Таджики	62,5	31,3	0	6,3
Курды	41,7	25,0	0	33,3
Греки	71,4	21,4	7,1	0
Лезгины	37,5	25,0	31,3	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	21,7	34,8	0	43,5

Личный опыт как источник негативных фактов о представителях других этносов отметили 35,1% респондентов (в то время как позитивные представления на основании личного опыта формируют 51,3% опрошенных), и 5,9% респондентов черпают негативные факты о представителях других этносов из опыта своего окружения (в то время как 11,8% респондентов отметили приобретение позитивных представлений о других этносах из этого источника). Таким образом,

мы наблюдаем следующую важную картину: среди факторов социального восприятия представителей других этносов непосредственная практика взаимодействия дает основания, преимущественно, для формирования позитивных представлений. В свою очередь на уровне средств массовой информации наблюдается существенный переко́с в сторону отображения негативной информации о представителях различных этносов, что позволяет ставить вопрос о дисфункциональном состоянии современной медиасферы, как одном из оснований нарушения межэтнического взаимодействия (табл. 52).

Таблица 53 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в Вашем регионе существуют ли препятствия для самореализации представителей различных этнических групп в наиболее значимых сферах деятельности?» (критерий сравнения общих + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)	
	Да	Нет
Общая статистика	30,3	69,7
Русские	25,6	74,4
Чеченцы	15,8	84,2
Осетины	0	100
Определившие себя как «метисы»	0	100
Адыги	8,3	91,7
Кабардинцы	0	100
Армяне	64,3	35,7
Татары	40,0	60,0
Белорусы	50,0	50,0
Украинцы	45,5	54,5
Таджики	12,5	87,5
Курды	16,7	83,3
Греки	28,6	71,4
Лезгины	50,0	50,0

Отвечая на вопрос о наличии или отсутствии препятствий для самореализации представителей различных этнических групп (табл. 53), 30,3% от общего числа респондентов ответили утвердительно. При этом на уровне различных этнических групп наблюдается существенная неоднородность в ответе на данный вопрос. В частности, респонденты, определившие себя в качестве метисов, осетины и кабардинцы отметили полное отсутствие препятствий по

социальной самореализации в регионе, связанных с этнической принадлежностью действующего субъекта. Также лишь 8,3% из числа адыгов и 12,5% участвовавших в опросе таджиков отметили наличие этнически обусловленных сложностей в социальной самореализации. Высокий уровень сложностей в социальной самореализации отметили армяне (64,3%), украинцы (54,5%), лезгины и белорусы (по 50%), а также татары (40%).

Ниже представлена детализированная информация, показывающая, в каких именно социальных сферах представители различных этнических групп сталкиваются со сложностями (табл. 54).

Таблица 54 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в вашем регионе существуют ли препятствия для самореализации представителей различных этнических групп в наиболее значимых сферах деятельности?»

Общая характеристика						
Этническая группа	Сфера самореализации					
	Семья и брак	Экономика	Политика	Образование	Право	Религия и культурные традиции
Адыги	5,2	2,6	3,3	11,8	0	0
Армяне	6,3	2,6	0	3,7	0,7	14,8
Белорусы	4,1	13,7	1,5	0	0	1,1
Греки	1,1	12,9	5,5	0	0	1,1
Курды	2,2	2,2	3,3	5,5	5,5	11,8
Лезгины	5,9	1,5	3,3	4,1	14,0	1,5
Русские	11,8	2,6	2,2	2,2	1,5	2,2
Таджики	1,5	1,8	17,0	1,8	7,7	2,2
Татары	0	2,2	0	17,0	0	1,8
Украинцы	0	16,6	2,2	0	2,6	0
Чеченцы	3,7	2,6	2,2	1,5	5,9	18,5
Свой вариант ответа	Препятствий нет, все зависит не от этнической группы, а от самого человека					1,5

Согласно представленным данным реже всего с проблемами в построении семьи сталкиваются татары, украинцы и греки, в то время как наиболее часто с препятствиями в построении семьи сталкиваются русские, армяне и лезгины.

На экономическом поприще реже всего отметили этнически обусловленные проблемы лезгины, таджики, татары, чеченцы, русские, курды, армяне и адыги. В

свою очередь с высокой степенью частоты наличие проблем в экономической сфере отметили украинцы, белорусы и греки.

В политической сфере низкий уровень препятствий продемонстрировали этнические группы армян, татар, русских, украинцев, чеченцев, белорусов, адыгов, лезгинов и курдов. В свою очередь существенная доля респондентов из числа таджиков отметила наличие препятствий в осуществлении политической деятельности.

В образовательной сфере белорусы, греки, украинцы, русские, чеченцы и таджики отметили сравнительно невысокий уровень затруднений. В свою очередь чаще всего с проблемами в осуществлении образовательной деятельности сталкиваются татары и адыги.

В правовой сфере практически все респонденты, за исключением лезгинов, чеченцев, таджиков и курдов, продемонстрировали невысокий уровень препятствий в осуществлении социальной самореализации.

В сфере религии и культуры к числу этнических групп, сталкивающихся с препятствиями в осуществлении социальной самореализации, относятся армяне, курды и чеченцы.

Одним из важных аспектов межэтнического взаимодействия является наличие возможных затруднений языкового плана, определяющих сложности социальной самореализации представителей отдельных этносов (в особенности это касается мигрантов). Ниже представлена таблица 55, на уровне которой отражены представления респондентов о наличии социальных затруднений, вызванных языковым барьером, у представителей разных этнических групп.

Таблица 55 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Как Вы считаете, существуют ли у представителей следующих этнических групп языковые барьеры для успешной самореализации в Краснодарском крае?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)	
	Да	Нет
Общая статистика	59,0	41,0
Русские	25,6	74,4
Чеченцы	36,8	63,2
Осетины	0	100
Определившие себя как «метисы»	100	0
Адыги	83,3	16,7
Кабардинцы	0	100
Армяне	100	0
Татары	30,0	70,0
Белорусы	33,3	66,7
Украинцы	77,3	22,7
Таджики	81,3	18,8
Курды	75,0	25,0
Греки	50,0	50,0
Лезгины	62,5	37,5

Как становится видно из материалов опроса, респонденты полагают языковую проблему в качестве одного из серьезных препятствий в осуществлении самореализации, при этом показательно, что даже применительно к представителям титульного этноса респонденты отмечают возможность наличия затруднений, связанных с языковым барьером. Это может быть связано с тем, что в настоящее время одним из условий успешного карьерного роста (и, в целом, трудоустройства) является владение иностранными языками, с чем испытывают сложности, в том числе, представители русского этноса.

Одним из важных аспектов осмысления межэтнического взаимодействия, развертывающегося на уровне региона, является то, с культурой каких народов члены общества знакомы на высоком уровне и, напротив, культура каких народов практически неизвестна проживающим в регионе представителям других этносов. Ниже представлены результаты опроса, направленные на конкретизацию данной позиции (табл. 56).

Таблица 56 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «С культурой какой этнической группы Вы знакомы лучше всего? Обозначьте уровень Вашего знакомства с культурой (обычаи, уклад, праздники, обряды) указанных ниже этносов.» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

Общая характеристика				
Этническая группа	Уровень знания культуры других этносов (%)			
	Нулевой уровень знания культуры и обычаев	Низкий уровень знания культуры и обычаев	Умеренный уровень знания культуры и обычаев	Высокий уровень знания культуры и обычаев
Адыги	8,9	34,3	27,7	26,2
Армяне	11,8	47,2	25,1	12,9
Белорусы	10,0	50,9	28,8	7,4
Греки	25,1	46,1	15,9	10,0
Курды	33,9	33,6	24,0	5,5
Лезгины	19,2	16,2	27,7	33,9
Русские	10,0	27,7	24,0	35,4
Таджики	28,8	25,8	31,0	11,4
Татары	23,6	26,9	31,4	15,1
Украинцы	12,2	19,6	50,2	12,2
Чеченцы	5,2	22,1	43,2	21,4

По результатам опроса видно, что жители региона чрезвычайно слабо знакомы с культурой таджиков, татар, курдов, греков, белорусов, армян. В свою очередь, сравнительно высокая доля респондентов отметила знание культуры русских, украинцев, лезгинов, адыгов, чеченцев.

Одним из важных вопросов является общая оценка роли действующей власти в регулировании межэтнических отношений. Следующий вопрос направлен на выявление характера общественной оценки деятельности власти, направленной на нормализацию отношений в межэтнической среде (табл. 57).

Таблица 57 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, справляются ли власти с регулированием межэтнического взаимодействия в регионе?» (критерий сравнения общих + этническая определенность респондентов)

Варианты ответов (%)				
	Да, справляются	Скорее справляются	Скорее не справляются	Совершенно не справляются
Общая статистика	30,3	48,7	18,8	2,2
Русские	24,4	54,4	20,0	1,1
Чеченцы	47,4	36,8	15,8	0
Осетины	100	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	0	0	100	0
Адыги	66,7	25,0	8,3	0
Кабардинцы	100	0	0	0
Армяне	28,6	35,7	28,6	7,1
Татары	0	80,0	20,0	0
Белорусы	16,7	83,3	0	0
Украинцы	4,5	54,5	22,7	18,2
Таджики	50,0	37,5	12,5	0
Курды	25,0	58,3	16,7	0
Греки	85,7	7,1	7,1	0
Лезгины	37,5	18,8	43,8	0
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	8,7	82,6	8,7	0

Согласно результатам опроса 79% респондентов считают, что представители власти справляются со своими обязанностями по регулированию межэтнических отношений, и 21% респондентов считают, что представители власти не справляются с ситуацией. При этом показательно то, насколько неоднородным является распределение ответов: наибольший уровень претензий к государственной политике обозначили метисы, армяне, лезгины и украинцы.

Таблица 58 – Сводная статистика распределенности ответов на вопрос: «Каков Ваш демографический статус в регионе?» (критерий сравнения общий + этническая определенность респондентов)

	Варианты ответов (%)			
	Являюсь коренным жителем	Недавно поселился в регионе	Переселился в регион более 10 лет назад	Переселился в регион более 20 лет назад
Общая статистика	54,6	26,9	15,1	3,3
Русские	58,9	24,4	14,4	2,2
Чеченцы	26,3	52,6	15,8	5,3
Осетины	100	0	0	0
Определившие себя как «метисы»	100	0	0	0
Адыги	58,3	16,7	25,0	0
Кабардинцы	100	0	0	0
Армяне	35,7	7,1	28,6	28,6
Татары	70,0	30,0	0	0
Белорусы	50,0	33,3	16,7	0
Украинцы	63,6	27,3	4,5	4,5
Таджики	56,3	12,5	31,3	0
Курды	50,0	33,3	16,7	0
Греки	57,1	28,6	0	0
Лезгины	25,0	37,5	31,3	6,3
Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	82,6	8,7	8,7	0

Таблица 58 характеризует демографический статус респондентов. Данные цифры свидетельствуют о том, что в процессе опроса были охвачены все основные категории населения (по демографическому статусу), что позволяет судить о его репрезентативности как в плане отражения проблем, с которыми сталкиваются мигранты, так и в плане отражения «точек напряженности», возникающих среди коренного населения.

Подведем итоги. Ситуация в регионе носит крайне сложный, неоднозначный характер: с одной стороны, лишь малая доля респондентов отметила возрастание напряженности в регионе, в то время как большинство отмечает ее пребывание в статике либо постепенное улучшение; с другой стороны, на уровне социальных

представлений и установок членов общества присутствуют предпосылки развития социальной напряженности между представителями разных этнических групп, что связано с нарушенным характером социального восприятия отдельных этносов. По факту одним из основных источников негативных представлений о сфере межэтнического взаимодействия является сфера опосредованного социального познания, реализованная на уровне медийной сферы, и ее влияние на распространение негативных этнических стереотипов относится к числу наиболее важных факторов роста межэтнической напряженности. Вместе с этим существует ряд проблем институционального плана, которые на уровне актуально нарождающегося социального опыта задают предпосылки роста напряженности. Все это свидетельствует о том, что меры по нормализации социокультурных предпосылок развития межэтнических отношений должны дополняться регулятивными мерами в институциональной сфере, направленными на преодоление основного спектра проблем, с которыми сталкиваются представители отдельных этносов.

Следует отметить, что бытующий на протяжении длительного времени стереотип, согласно которому наибольшую социальную напряженность проявляют представители кавказских этносов, не подтвердился в ходе опроса. Было выявлено наличие серьезных проблем на уровне социальной группы, относящей себя к числу метисов (представители данной группы продемонстрировали наиболее высокий уровень этнических противоречий), а также на уровне представителей славянских этносов (белорусы, украинцы). При этом в ходе опроса было выявлено, что проблемы, с которыми сталкиваются представители малых этнических групп, представлены на их уровне крайне неоднородно, что определяет соответствующую неоднородность осуществляемой их представителями оценки сложившейся в регионе обстановки.

Одной из основных предпосылок развития напряженности является невысокий уровень взаимопонимания между представителями разных этносов, что связано зачастую с низким уровнем знания культуры и обычаев представителей иноэтнических групп. При этом показательным является то, что данная проблема сочетается с наличием препятствий в культурном самовыражении представителей

малых этносов, а также с проблемой стереотипизации и искаженного отражения социальной активности представителей малых этнических групп на уровне массмедиа.

Таким образом, характеризуя общую ситуацию межэтнического взаимодействия в Краснодарском крае, можно констатировать наличие умеренной напряженности, связанной с наличием высокого уровня распространенности этнических стереотипов, предвзятости в восприятии представителей других этнических групп, слабого понимания культуры и традиций отдельных народов. Рассматривая процессы изменения ситуации, следует констатировать наличие встречных по своей векторной направленности социальных процессов, способствующих как нормализации ситуации, так и росту конфликтности между представителями отдельных этнических групп. Притом, что большая часть населения региона демонстрирует позитивные социальные установки, существует значительная группа респондентов, отмечающих напряженность, неудовлетворенность, столкновение с проблемами и ограничениями на основании этнической принадлежности. Это говорит о наличии активно действующих факторов риска, препятствующих социальной интеграции представителей разных этносов в Краснодарском крае. По этой причине, несмотря на видимое улучшение ситуации, следует уделять серьезное внимание мониторингу ситуации, а также воздействию на основные области социальных факторов, определяющих предпосылки социальной интеграции в полиэтническом регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнокультурная специфика Краснодарского края, сформирована на основе казачьей, адыгской и русской культур. Важной характеристикой социокультурного пространства Краснодарского края является традиционность культур его основного населения, равно как и постоянное пополнение с конца XX в. миграционными потоками, так или иначе оказывающими давление на сложившуюся этнокультурную специфику региона.

В силу этнокультурной специфики Краснодарского края важнейшее направление деятельности администрации региона – создание институциональных условий для интеграции всех этнических групп – землячеств, диаспор, представителей новых миграционных потоков – в социокультурное пространство региона. Опорой этого направления деятельности выступает взаимодействие и поддержка кубанского казачества. Основные институты, ориентированные на интеграцию – система образования, экономика и поддержка малого бизнеса, поддержка культуры всех этнических групп, организованных в национально-культурные автономии (НКА), также опора на общественные организации, представленные при Правительстве Краснодарского края²⁰².

Регулярные социологические исследования межэтнических отношений показывают позитивный результат в сфере регулирования межэтнических взаимодействий, который проявляется – в высоком уровне признания российской гражданской идентичности населения независимо от этнической принадлежности, высоком уровне признания спокойствия и нормальности в сфере межэтнических взаимодействий. Здесь важно понимать, что качественная сторона воспроизводства моделей межэтнических отношений коррелирует с представлениями населением региона об их актуальном состоянии.

---

²⁰² Слизский, Е. А. Институциональные и культурные факторы социальной интеграции в полиэтническом регионе / Е. А. Слизский // *Caucasian Science Bridge*. – 2024. – Т. 7, № 2(24). – С. 56-64.

Вместе с тем, дифференциация этнических групп, по индикатору интегрированности в социокультурное пространство региона (земляческие группы (старые/новые), диаспоры (старые/новые), мигранты позволяет изучить отличия развития интеграции в зависимости от времени прибытия и длительности проживания этнических групп в регионе²⁰³. Так, в частности, наиболее остро воспринимается проблема положительной миграции именно той частью населения, которая в прошлом проходила этапы ассимиляции в регионе.

К основным факторам, затрудняющим интеграцию новых этнических групп, можно отнести: воспроизводство негативных социальных стереотипов, языковые барьеры, низкий уровень нацеленности на интеграцию и диалог, экономическое неравенство, равно как и неравенство в сфере образования.

В ходе проведенного исследования представленности различных этнических групп в медийном дискурсе были выявлены количественные и качественные характеристики освещения этнической тематики в медийной сфере. По результатам исследования сделан вывод о том, что в настоящее время доминирующим каналом коммуникации, в рамках которого освещаются характеристики представителей различных этносов, является Интернет, а именно реализованные в сетевом пространстве социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, блоги и т. д. При этом среди перечисленных ресурсов доминирующее значение имеют социальные сети, в рамках которых реализуется свыше 90% от общего числа публикаций, доступных в совокупности многомиллионной пользовательской аудитории. Что касается качественного аспекта выстраивания межэтнического взаимодействия, в процессе исследования было установлено, что при общем нейтральном позиционировании представителей малых этносов наблюдается существенный перевес в количестве негативных по своей тональности сообщений по отношению к позитивным информационным сообщениям. Это свидетельствует о наличии напряженности в

---

²⁰³ Дмитриев, А. В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология. 4.1). Ч. 1 / А. В. Дмитриев, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев. – Москва, 1993. – 212 с; Кудрявцев, В. Н. Проблемы конфликтологии / В. Н. Кудрявцев // Социологические исследования. – 1993. – № 9; Танчер, В. В. Льюис Козер: Функциональность конфликта и польза несогласия в науке / В. В. Танчер // Современная американская социология. – М., 1994. – С. 265-273.

межэтнической среде, а также само по себе выступает в качестве основания обострения ситуации.

Если рассматривать на общем уровне основные детерминанты выстраивания межэтнического взаимодействия, помимо этнокультурных и информационно-коммуникативных факторов выстраивания межэтнических отношений, также чрезвычайно важное значение приобретает их институциональный аспект. В процессе исследования было выявлено, что существует ряд структурных факторов, определяющих степень комфортности осуществления социальной самореализации представителями малых этносов и, соответственно, опосредованно влияющих на степень их социальной напряженности. К числу таковых факторов относятся:

- возможности построения семейных отношений с представителями иноэтнических групп²⁰⁴;
- возможности осуществления образовательной деятельности;
- возможности по самореализации в политической сфере;
- социально-правовые аспекты включенности представителей малых этносов;
- экономический аспект социальной самореализации представителей малых этнических групп.

По результатам проведенного фокус-группового исследования было выявлено, что в рамках основных направлений социальной активности в Краснодарском крае незначительно представлены моменты барьерности в выстраивании взаимодействия между представителями разных этнических групп, при этом наличествующие ограничения в выстраивании отношений зачастую исходят не от представителей титульного этноса, но от представителей «закрытых» этнических сообществ, идентификационные стратегии которых базируются на примордиалистских установках. В целом по результатам исследования институциональная составляющая обстановки в регионе определена как умеренно-благоприятная.

Данные, полученные в рамках анализа ситуации в регионе, носят противоречивый характер. С одной стороны, присутствуют показатели,

---

²⁰⁴ Сикевич, З. В. Супружеские отношения в межэтнической семье / З. В. Сикевич, Ю. А. Поссель // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2018. – № 3. – С. 332–335

свидетельствующие об умеренном характере социальных рисков, связанных с возможностью развития конфликтов в межэтнической среде, с другой стороны, ряд выявленных показателей позволяет сделать вывод о наличии, с одной стороны, существенного уровня напряженности у ряда представителей малых этнических групп, с другой – о наличии предпосылок развития конфликтности в межэтнической среде, связанных с созданием информационных предпосылок для осуществления гражданами некорректных идентификационных процессов.

В настоящее время основную угрозу представляют процессы, реализуемые на уровне социокультурной сферы, поскольку на их уровне наблюдается серьезный перекос в сторону негативного освещения представителей малых этнических групп, что создает предпосылки для их негативного социального восприятия. При этом показательно, что общая практика непосредственного взаимодействия представителей разных этносов влечет за собой, преимущественно, формирование благоприятных представлений о них.

Таким образом, в настоящее время одной из наиболее острых проблем становится некорректное отражение социальных и культурных качеств представителей малых этносов, а также охотное, некритическое принятие стереотипной информации существенным числом членов общества. В этих условиях видится перспективным уравнивание негативных информационных сообщений позитивной информацией, освещающей культуру и обычаи народов, проживающих на территории Краснодарского края, что, в том числе, может способствовать развенчанию ряда стереотипов, активно репрезентируемых в информационной среде.

Также одной из ключевых тенденций, выявленных в процессе исследования, является то, что наибольший уровень напряженности имеет место в отношении «новых диаспор», что связано с недостаточной правовой и культурной интегрированностью мигрантов в социально-культурное пространство региона. В этом контексте одной из значимых рекомендаций является усиление контроля миграционных процессов по критерию языковой, правовой и культурной компетентности приезжих, что может способствовать значительному снижению уровня напряженности за счет исключения конфликтных ситуаций, основанных на не реализации базовых условий социальной интеграции приезжих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашин, С. И. Здесь, и там : транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе : трансграничные миграции и диаспоры / Автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин. – СПб : Нестор-История, 2016. – С. 159–176.
2. Абылкаликов, С. И. Миграционная активность и приживаемость населения регионов России / С. И. Абылкаликов // Региональные исследования. – 2015. – № 3 (49). – С. 65–73.
3. Авксентьев, А. В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения / А. В. Авксентьев, В. А. Авксентьев. – Ставрополь : СГПИ, 1993. – 222 с.
4. Российская идентичность и политика идентичности : конструкция и деконструкция: монография / А. В. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, В. А. Васильченко [и др.] / отв. ред. В. А. Авксентьев. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2018. – 214 с.
5. Авксентьев, В. А. Массмедиа и этнический дискурс на Северном Кавказе: политизация или деполитизация? / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 11 (88). – С. 12–20.
6. Агеев, В. С. Психология межгрупповых отношений / В. С. Агеев. – М. : Изд-во МГУ, 1983. - 144 с.
7. Аклаев, А. Р. Проблема насилия в межнациональных конфликтах / А. Р. Аклаев // Социальные конфликты. – 1993. – № 3. – б/с
8. Акопян, И. Мы вступаем в будущее, пятью назад / И. Акопян // Знание сила. – 1989. – № 4. – С. 40-45.
9. Алистанова, З. Ф. Исследование этнических стереотипов: подходы и методы / З. Ф. Алистанова // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 4. – С. 46–48.

10. Астафьев, П. Е. Национальность и общечеловеческие задачи / П. Е. Астафьев // Вопросы философии. – 1996. – № 12. – С. 84-102.
11. Аствацатурова, М. А. Рецензия на монографию «Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России» / отв. ред. Ю. Г. Волков. – М. : РУСАЙНС, 2021. – 180 с. / М. А. Аствацатурова // Гуманитарий Юга России. – 2022. – № 3. – С. 186–194.
12. Баграмов, Э. А. Национальные проблемы в современных условиях : сборник статей / Э. А. Баграмов. – М. : ИМЛ, 1988. – 265 с.
13. Беляева, Н. Ф. Этническая культура в процессах этнической идентификации и культурного диалога / Н. Ф. Беляева // Регионоведение. – 2010. – № 2. – С. 245–256.
14. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / пер. Е. Д. Руткевич – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
15. Бесаева, А. Г. К вопросу о формировании этнической идентификации / А. Г. Бесаева, Н. К. Гассиева, А. А. Джигоева // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 41–42.
16. Бойков, В. Э. Социально-политические факторы развития российского общества / В. Э. Бойко // Социс. – 1995. – № 11. – С. 44-55.
17. Бородкин, Ф. М. Внимание конфликт / Ф. М. Бородкин, А. М. Коряк. – 2-е изд. перераб. и доп. - Новосибирск : Наука, 1989. – 186 с.
18. Бромлей, Ю. В. Национальные процессы в СССР : в поисках новых подходов / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1988. – 207 с.
19. Брубейкер, Р. Этничность без групп : пер. с англ. / Р. Брубейкер / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Дом «Высшая школа экономики», 2012. – 408 с.
20. Валиуллина, Е. В. Толерантность как фактор межэтнических отношений / Е. В. Валиуллина, В. В. Шиллер, З. В. Боровикова // Социодинамика. – 2019. – № 4. – С. 16–23.

21. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
22. Верещагина, А. В. Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов / А. В. Верещагина, М. М. Шахбанова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – № 4. – С. 159–177.
23. Волков Ю. Г., Дегтярев А. К., Воденко К. В. Ценностная политика в контексте совершенствования межнациональных отношений на региональном уровне // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Том. 6, № 4. – С. 14-24.
24. Волков, Ю. Г. Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты : учебное пособие / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. – Ростов-на-Дону : РГУ, 1994. – 262 с.
25. Воронов, В. В. Моделирование межэтнических отношений в российских регионах / В. В. Воронов // Власть. – 2018. – № 9. – С. 127–134.
26. Воронова М. В. Аналитическая модель факторов адаптации и интеграции мигрантов в регионах России / М. В. Воронова, В. В. Воронов // Власть. – 2019. – № 6. – С. 69–76.
27. Габбазова, Н. Р. Роль этнических стереотипов в межкультурной коммуникации / Н. Р. Габбазова // Скиф. – 2020. – № 5-1 (45). – С. 259–263.
28. Гаджиев, К. С. Тоталитаризм как феномен двадцатого века / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 3-25.
29. Гасанов, Н. Н. Национальный вопрос: иллюзии и поиск истины / Н. Н. Гасанов, К. Я. Зачесов // Социально-политический журнал. – 1993. – № 3. – С. 12-20
30. Гасанова, Н. М. К проблеме этнопсихологической адаптации / Н. М. Гасанов // Социс. – 1995. – № 11. – С. 63-67.
31. Геллнер, Э. Национализм возвращается / Э. Геллнер // Новая и новейшая история. – М., – 1989. – № 5. – С. 62-69.
32. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. — 528 с.
33. Гилберт П. Человеческая природа и страдание / П. Гилберт. – М., 1991.

34. Горовиц, Д. Структура и стратегия этнического конфликта / Д. Горовиц, Р. Э. Бараш // Власть. – 2007. – № 6. – С. 35–41.
35. Горшков, М. К. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М. : Альфа, 2009. – 272 с.
36. Гофман, А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А. Б. Гофман // Социологический ежегодник 2012 : сб. науч. тр. / под ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. – М. : ИНИОН РАН, 2014. – С. 16–100.
37. Грамотунова, Н. К. Этническая идентификация и этническая идентичность / Н. К. Грамотунова // Символ науки. – 2016. – № 7-2. – С. 140–141.
38. Григорьев, Д. С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России / Д. С. Григорьев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – № 2. – С. 215–244.
39. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. – 134 с.
40. Гуревич, А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1981. – 359 с.
41. Гуревич, П. С. Философия культуры : учебное пособие для гуманитарных вузов / П. С. Гуревич. – М. : Аспект Пресс, 1994. – 316 с.
42. Дементьев, И. О психологии национальных конфликтов / И. О. Дементьев // Коммунист. – 1990. – № 1. – С. 43-50.
43. Денисова, Г. С. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России / Г. С. Денисова, Ю. Г. Волков, А. В. Лубский // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 7. – С. 13–22.
44. Денисова, Г. С. Межэтнические взаимодействия на Юге России как предмет научных исследований / Г. С. Денисова, А. В. Лубский, В. П. Войтенко // Гуманитарий Юга России. – 2018. – № 6. – С. 41–56.
45. Денисова, Г. С. Методологический конструкт эмпирического исследования восприятия этнических групп и измерения межгрупповой дистанции

/ Г. С. Денисова // Этнорелигиозная идентичность татарского народа в условиях глобализации : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Казань, 18-20 сент. 2019 г. – Ч. 1. – С. 151-171.

46. Денисова, Г. С. Социальная справедливость в межэтнических отношениях / Г. С. Денисова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 1-13.

47. Денисова, Г. С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области / Г. С. Денисова // Регионология. – 2021. – Т. 29. – № 1. – С. 126-150.

48. Денисова, Г. С. Этническая специфика представлений об интегрирующих ценностях российской нации / Г. С. Денисова // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) : сб. материалов Междунар. науч. конф., М., 28–30 нояб. 2019 г. [Электронный ресурс] / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 89–93.

49. Денисова, Г. С., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа : монография / Е. А. Авдеев, А. В. Аверьянов, С. М. Воробьев [и др.]. – Ставрополь : Бюро новостей, 2022. – 368 с.

50. Денисова, Г. С. Риски конфликтогенности межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи / Г. С. Денисова, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 185–199.

51. Денисова, Г. С. Стереотипы восприятия мигрантов жителями мегаполиса в контексте миграционной политики: случай Ростова-на-Дону / Г. С. Денисова // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19. – № 6. – С. 87-94.

52. Денисова, Г. С. Роль русского населения в социокультурной интеграции народов Северного Кавказа : демографическая динамика и представления студенческой молодежи Ставропольского края / Г. С. Денисова, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30. – № 1. – С. 62–79.

53. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г. С. Денисова, М. А. Герман, В. И. Денисов [и др.] // науч. ред. Г. С. Денисова, С. Я. Суций. - Ростов-на-Дону : Изд-во Фонд науки и образования, 2018. – 188 с.

54. Дмитриев, А. В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология. 4.1). Ч. 1 / А. В. Дмитриев, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев. – М., 1993. – 212 с.

55. Донцова, М. В. Этнические мигранты и принимающее общество : процессы социального взаимодействия : на материалах Краснодарского края: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Донцова Мария Владимировна. – Краснодар, 2007. – 194 с.

56. Дробижева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева. – М. : Институт социологии РАН. – 2003. – 376 с.

57. Дьячков, М. В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах / М. В. Дьячков // Социс. – 1995. – № 7. – С. 88-92.

58. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: пер. с фр. / Э. Дюркгейм, А. Б. Гофман, В. В. Сапов. – М. : Наука, 1991. – 572 с.

59. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с.

60. Жовтун, Д. Т. Противоречие и социальные конфликты в условиях социализма / Д. Т. Жовтун // Научный коммунизм. – 1989. – № 7. – С. 14-22

61. Загер, П. Национализм новая опасность / П. Загер // Дружба народов. – 1992. – № 7. – С. 210-217

62. Запрудский, Ю. Г. «Внутри конфликта» / Ю. Г. Запрудский // Социс. – 1993. – № 7. – С. 51-58.

63. Здравомыслов, А. Г. Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов : материалы Международного симпозиума, 18-20 апреля 1994 г. / Российский независимый институт социальных и национальных проблем; отв. ред. А. Г. Здравомыслов. – М. : РНИСИНП, 1994. – 244 с.

64. Здравомыслов, А. Г. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки / А. Г. Здравомыслов. – Нижний Новгород : изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1994. – 79 с.

65. Золотарева, Т. А. Влияние этнических стереотипов на становление личности и их функции / Т. А. Золотарева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 12-4 (102). – С. 134–138.

66. Иванов, В. Х. Социально-психологический фактор в межнациональных отношениях / В. Х. Иванов // Социс. – 1992. – № 4. – С. 55-64.

67. Этнополитическая ситуация в регионах РФ / В. Н. Иванов, А. П. Котов, И. Э. Круговых [и др.] // Социс. – 1995. – № 6. – С. 51-60.

68. Ильясов, Ф. Н. Причины и типология этнических конфликтов / Ф. Н. Ильясов // Социальные исследования. – 2017. – № 2. – С. 20–33.

69. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности : монография / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Денисова Г. С. [и др.]; отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. – 304 с.

70. Каменский, З. А. Культурно-исторические типы или единство историко-философского процесса / З. А. Каменский // Вопросы философии. – 1995. – № 2. – С. 61-66.

71. Капицын, В. М. Регуляторы адаптации мигрантов (вопросы методологии и классификации) / В. М. Капицын // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5. – № 1(14). – С. 158–166.

72. Кацаев, А. Е. Социальный конфликт : опыт философско-социологического анализа / А. Е. Кацаев. – Иркутск : изд-во Иркутского университета, 1998. – 365 с.

73. Кененов, Т. В. Теория межэтнических отношений в работах исследователей / Т. В. Кененов // Вестник науки. – 2020. – № 1 (22). – С. 76–79.
74. Климова, С. Г. Изменения ценностных оснований идентификации / С. Г. Климова // Социс. – 1995. – № 1. – С. 59-72.
75. Кожугулова, Г. К. Межэтническая толерантность как духовная ценность и основа стабильности межэтнических отношений / Г. К. Кожугулова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – № 2-2. – С. 591–592.
76. Кон, И. С. Национальные особенности психологии людей / И. С. Кон // Социальная психология / под ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. – М. : Политиздат, 1975. – С. 141-153.
77. Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в регионах южного федерального округа : экспертный доклад 2018 г. / Г. С. Денисова, М. В. Донцова, Петров [и др.]. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. – 134 с.
78. Косолапое, Н. А. Постсоветские конфликты и Россия / Н. А. Косолапое // Этнополис. – 1995. – № 5. – С. 36-46.
79. Кудрявцев, В. Н. Проблемы конфликтологии / В. Н. Кудрявцев // Социологические исследования. – 1993. – № 9. – С. 52-63.
80. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налётова. – М. : АСТ, 1975. – 341 с.
81. Курносова, Л. С. Понятие диаспоры в социологическом дискурсе / Л. С. Курносова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1. – С. 235–240.
82. Лебедева, Н. М. Социальная психология аккультурация этнических групп : специальность 19.00.05 : диссертация на соискание степени д-ра психологических наук / Лебедева Надежда Михайловна. – М., 1997. – 310 с.
83. Левашкина, А. О. Трактовки понятия идентификации в отечественных и зарубежных исследованиях / А. О. Левашкина // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. – С. 208–211.

84. Лукичев, П. Н. Демографические и миграционные процессы в Ростовской области на рубеже веков / П. Н. Лукичев // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 3. – С. 49–58.

85. Лукичев, П. Н. Межнациональные отношения в студенческой среде / П. Н. Лукичев // Методология, теория и история социологии : сб. науч. статей Всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 11–12 нояб. 2011 г. / под ред. д.с.н. В. И. Филоненко. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2012. – С. 534–541.

86. Лукичев, П. Н. Определение максимально допустимого уровня миграции / П. Н. Лукичев // Лосевские чтения : тр. Междунар. ежегод. науч. конф., г. Новочеркасск, май 2008 г. – Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2008. – С. 225–231.

87. Лукичев П. Н. Социодинамика, миграция и этнодемографическая напряженность / П. Н. Лукичев // Вестник ЮРГТУ (НПИ). - 2009. – № 1. – С. 3–14.

88. Лукичев, П. Н. Экономико-демографические показатели социальной напряженности / П. Н. Лукичев // Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе : сб. науч. статей., г. Ростов-на-Дону, 20–21 декабря 2012 г. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2012. – Вып. 4. - С. 83–98.

89. Лукичев, П. Н. Язык общения и этноконфессиональная идентичность (по материалам социологического исследования) / П. Н. Лукичев // Научное обеспечение регионального развития : материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2014 г. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2015. – С. 558–571.

90. Лукичев, П. Н. Межнациональные отношения в вузах Ростовской области : мнения и оценки студентов и экспертов / П. Н. Лукичев, Д. В. Абросимов, Т. А. Марченко // Философия права. – 2013. – № 1. – С. 80–87.

91. Исследовательские центры по проблемам межнациональных и этноконфессиональных отношений в Ростовском регионе / П. Н. Лукичев, В. Н. Коновалов, С. А. Мартиросян [и др.] // Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе : материалы всерос. науч. конф, г. Ростов-на-Дону, 21–22 ноября 2013 г. / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2014. – Вып. 5. - С. 290–305.

92. Проблемы регионального управления межэтническими отношениями / П. Н. Лукичев, В. П. Коновалов, Л. Л. Хоперская и [др.] // IV Южно-Российский политологический конвент : сб. материалов, г. Ростов-на-Дону , 21–25 окт. 2013 г. / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2013. – С.294–305.
93. Лукичев, П. Н. Полиэтнические семьи / П. Н. Лукичев, Н. С. Пасечник // Методология, теория и история социологии : сб. науч. ст. (Ростов-на-Дону, 23–24 ноября 2012 г.) ; в 3 т. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2012. – Т. 2. – С. 389–394.
94. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / П. Н. Лукичев, В. В. Степанов, Л. Л. Хоперская [и др.] ; под ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова. – М., Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2013. – 114 с.
95. Майорова, Е. А. Трудовая миграция в РФ : причины и последствия / Е. А. Майорова, М. О. Демиденко // Проблемы экономики и менеджмента. – 2015. – № 12(52). – С. 72–75.
96. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 462 с.
97. Малага, С. Современные западные исследования социологической классики : реф. сб. / С. Малага, В. Зиммель. - Вып. № 1 : Георг Зиммель (1858-1918).– М. : ИНИОН РАН, 1992. – 100 с.
98. Малкова, И. А. Межэтнические отношения в студенческой среде / И. А. Малкова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2014. – № 4 (126). – С. 214–218.
99. Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне всероссийской переписи населения в регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад. 2020. / Г. С. Денисова, В. Н. Петров, А. В. Баранов [и др.] ; отв. ред. проф. Денисова Г. С. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2020. – 202 с.
100. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (Итоги 2018 года). Экспертный доклад / Г. С. Денисова, В. Н. Петров, А. В. Баранов [и др.] ; отв. ред. проф. Денисова Г. С., проф.

Петров В. Н. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования». – 2018. – 206 с.

101. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (Итоги 2019 года) / Г. С. Денисова, В. Н. Петров, А. В. Баранов [и др.] ; отв. ред. проф. Денисова Г. С. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Фонд науки и образования», 2020. – 198 с.

102. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ, 2006. – 873 с.

103. Мнацаканян, М. О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире / М. О. Мнацаканян // Социс. – 1999. – № 5. – С. 118-127.

104. Мнацаканян, М. О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты : учебное пособие для студентов / М. О. Мнацаканян. – М. : Анкил, 1998. – 186 с.

105. Мокляк, Н. Н. Социальные отношения: структура и формы проявления / Н. Н. Мокляк. – Киев : Наук. думка, 1986. – 205 с.

106. Мукомель, В. И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ / В. И. Мукомель // Социс. – 1999. – № 6. – С. 66-71.

107. Национальные процессы в СССР : сб. ст. / АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Центр по изуч. межнац. Отношений ; отв. ред. М. Н. Губогло. – М. : Наука, 1991. – 261 с.

108. Мукомель, В. И. Демографические последствия этнических конфликтов / В. И. Мукомель // Этнополитический вестник. – 1992. – № 1.

109. Мутавчи, Е. П. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации / Е. П. Мутавчи, Ж. В. Глотова // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2018. – № 1. – С. 93–96.

110. Нехай, В. Н. Межнациональное общение как фундаментальное условие интернационализации духовной жизни в полиэтничном регионе / В. Н. Нехай // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 102–105.

111. Нечипоренко, Л. А. Буржуазная «социология конфликта» / Л. А. Нечипоренко. – М. : издательство политической литературы, 1982. – 142 с.
112. Нечипоренко, Л. А. Феномен социального конфликта в условиях социализма / Л. А. Нечипоренко // Драма обновления. – М., 1990. – С. 455-479.
113. Осипов, Г. В. Социология. Т. 1 : Социальная структура и социальные процессы / Г. В. Осипов. – М. : Наука, 1990. – 203 с.
114. Павленко, Н. В. Чужой среди своих, свой среди чужих : молодежные субкультуры в национальном культурном ландшафте Японии / Н. В. Павленко, С. Н. Якушенков // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2019. – № 3. – С. 177–205.
115. Паин, Э. А. Проблемы регулирования этнических конфликтов в постсоветском обществе / Э. А. Паин // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. - М., 1992. – Вып. 2. - С. 123–139.
116. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева // под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
117. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академический Проект, 2000. – 880 с.
118. Петров В. Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России : монография / В. Н. Петров. - Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2004. – 265 с.
119. Петров, И. И. Проблемы социального конфликта в современной буржуазной социологии / И. И. Петров, Л. А. Семенова // *Философские науки*. – 1975. – № 3. – С. 82-89.
120. Плотников В.В., Слизский Е.А. Место межнациональных отношений в российском обществе (с опорой на актуальную ситуацию по городу Краснодару) // *Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 18. Редколлегия: С.Ф. Самойлов, В.В. Плотников, Е.В. Шевченко [и др.]*. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 130-135.

121. Политология вчера и сегодня / ред. кол. : В. С. Афанасьев и др. , отв. ред. Г. И. Иванов; Академия общественных наук ЦК КПСС, Научно-информационный отдел. – М., 1991. – Вып. 3. – 222 с.
122. Поршнев, Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания : международный конгресс антропологических наук / Б. Ф. Поршнев. – М. : Наука, 1973. – 13 с.
123. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1966. – 213 с.
124. Постников, А. Н. Межэтнические отношения и процессы в современном мире / А. Н. Постников // Вестник БГУ. – 2019. – № 3. – С. 83–88.
125. Прохоренко, И. Л. Межгосударственные и межнациональные конфликты на территории бывшего СССР (взгляд зарубежных ученых) / И. Л. Прохоренко // США: экономика, политика, идеология. – 1994. – № 8–9. – С. 65-75.
126. Элебаева, А. Б. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии / Т. Б. Элебаева. – Бишкек : Илим, 1995. – 322 с.
127. Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы : ежегодник. - Вып. 25. - М. : Наука, 1998. – 284 с.
128. Рубан, Л. С. Межнациональные отношения и межконфессиональные противоречия / Л. С. Рубан // Социологические исследования. – 1995. – № 4. – С. 97-103.
129. Седова, Н. Н. Интернационализм. Патриотизм. Личность / Н. Н. Седова. - Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. – 126 с.
130. Семенов, В. С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием / В. С. Семенов // Социс. – 1993. – № 7 – С. 73-84.
131. Сикевич, З. В. Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности / З. В. Сикевич // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7, № 2. – С. 36–53.

132. Сикевич, З. В. Супружеские отношения в межэтнической семье / З. В. Сикевич, Ю. А. Поссель // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2018. – № 3. – С. 332–335.

133. Скоробогач, Н. И. К вопросу о термине «общественные объединения этнического характера» / Н. И. Скоробогач // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 67. – С. 161–166.

134. Слизский, Е. А. Взаимосвязь гражданской и национальной идентичности в условиях миграционных процессов многонационального российского общества / Е. А. Слизский // Символ науки. – 2021. – № 4. – С. 183–186.

135. Слизский, Е. А. Взаимосвязь социального неравенства и возникновению очагов межэтнического напряжения / Е. А. Слизский // Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике : эл. сб. науч. статей по материалам III Международной науч.-практ. конф., 20 апреля 2021 г. – М. : НИЦ МИСИ, 2021. - С. 320–325.

136. Слизский, Е. А. Институциональное неравенство как фактор межэтнической напряженности: на материалах исследования / Е. А. Слизский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 11. – С. 95–102.

137. Слизский, Е. А. Институциональные и культурные факторы социальной интеграции в полиэтническом регионе / Е. А. Слизский // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Т. 7, № 2(24). – С. 56-64.

138. Слизский, Е. А. К вопросу о предпосылках развития конфликтности в межэтнической среде / Е. А. Слизский // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 11. – С. 41–44.

139. Слизский Е.А. Краснодарский край как многонациональный регион: проблемы и противоречия // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы VII Международной научно-практической конференции, 20 ноября 2020 г.,

г. Краснодар. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 155-159.

140. Слизский, Е. А. Перспективы самореализации за счет института образования в понимании представителей наиболее распространенных этнических групп Краснодарского края (на материалах фокус-группового исследования) / Е. А. Слизский // Управление культурными различиями и цифровизация: на пути к устойчивому развитию высшего образования и социально-экономических систем: сб. статей / Южно-Российский гос. политехн. ун-т (НПИ) имени М.И. Платова. – Новочеркасск : «НОК», 2021. – С. 163–167.

141. Слизский, Е. А. Противоречивость миграционных процессов в условиях межнационального общества: социологический анализ факторов конфликтогенности / Е. А. Слизский // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 5. – С. 31–35.

142. Слизский, Е. А. Современная информационная коммуникация как фактор выстраивания межэтнических отношений / Е. А. Слизский // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия : Социально-экономические науки. – 2021. – № 3. – С. 84–89.

143. Слизский, Е. А. Социальный капитал в условиях многонационального общества России: элементы и факторы / Е. А. Слизский // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. статей Всерос. науч.-практ. конф., 13 апреля 2021 г. – Уфа : Аэтерна, 2021. – С. 90–94.

144. Слизский, Е. А. Специфика представленности диаспор в социальной структуре современных государств / Е. А. Слизский // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия : Социально-экономические науки. – 2021. – № 5. – С. 53–60.

145. Слизский, Е. А. Типы идентификационных стратегий в межэтнической среде как фактор формирования отношений между различными этническими группами / Е. А. Слизский // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 12. – С. 29–32.

146. Слизский Е.А. Феномен «диаспоры» в контексте динамики развития современного общества // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история

и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 18. Редколлегия: С.Ф. Самойлов, В.В. Плотников, Е.В. Шевченко [и др.]. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 168-171.

147. Согомоян, А. С. Роль этнических стереотипов и установок в формировании толерантности / А. С. Согомоян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2018. – № 4 (812). – С. 210–219.

148. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 542 с.

149. Сороко, Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации / Е. Л. Сороко // Демографическое обозрение. – 2014. – № 4 (4). – С. 96–123.

150. Ставропольский, Ю. В. Межгрупповая модель этнокультурной идентичности / Ю. В. Ставропольский // Известия Саратовского университета. – 2007. – № 1. – С. 46–49.

151. Сушко, В. А. Гражданская идентичность и межэтнические отношения / В. А. Сушко // Обозреватель – Observer. – 2014. – № 8 (295). – С. 37–45.

152. Табатадзе, Г. С. Межгосударственные отношения во взаимозависимом мире / Г. С. Табатадзе. – Ашхабад: Ылым, 1990. – 162 с.

153. Танчер, В. В. Льюис Козер: Функциональность конфликта и польза несогласия в науке / В. В. Танчер // Современная американская социология. – М., 1994. – С. 265-273.

154. Тишков, В. А. Что есть Россия? (перспективы нациестроительства) / В. А. Тишков // Вопросы философии. - 1995. – № 2. – С. 3-17.

155. Тишков, В. А. О природе этнического конфликта / В. А. Тишков // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 5-14.

156. Тишков, В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе / В. А. Тишков // Вопросы социологии. – 1993. – № 1/2. – С. 3-38.

157. Тишков, В. А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы / В. А. Тишков // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 4. – С. 408–412.
158. Тишков, В. А. Этнологические исследования в академической науке / В. А. Тишков, Е. А. Пивнева // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики / под ред. В. А. Тишкова; сост. Б. А. Синанов. - М. : ИЭА РАН, 2018. – С. 5–50.
159. Тойнби, Д. Постижение истории : сборник : перевод с английского / Д. Тойнби. – М. : издательство Прогресс, 1991. – 730 с.
160. Тропникова, В. А. Возрастные особенности этнической толерантности и этнических стереотипов у молодежи / В. А. Тропникова, А. В. Матвейшина // Вестник Омского университета. Серия : Психология. – 2021. – № 3. – С. 47–56.
161. Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России : коллективная монография / Редактор и составитель М. С. Розанова. Перевод с английского языка М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. – СПб : Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ», 2016. – 192 с.
162. Тюрина, И. О. Трудовые мигранты на московском рынке труда: проблемы и перспективы / И. О. Тюрина // Власть. – 2012. – № 4. – С. 86–89.
163. Фадеева, Т. Европейская идея: путь к интеграции / Т. Фадеева // Вопросы философии. – 1996. – № 5. – С. 171-187.
164. Хагуров, Т. А. Молодежь полиэтничного региона в нелинейном глоболокальном социуме: идентичность и ценности, жизненные стратегии, риски / Т. А. Хагуров, Л. М. Чепелева // Сборник тезисов Краевой отчетной конференции грантодержателей Кубанского научного фонда, Сочи, 24–25 июня 2021 года / отв. ред. В.В. Анисимов. – Краснодар : Унитарная некоммерческая организация «Кубанский научный фонд», 2021. – С. 216–218.
165. Черникова, С. В. Межкультурная адаптация и теория «Культурного шока» / С. В. Черникова // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2011. – № 4. – С. 112–114.

166. Чулкова, О. О. Природа социально-этнического конфликта / О. О. Чулкова // Известия МГТУ. – 2013. – № 1 (15). – С. 116–122.
167. Шадже, А. Ю. Модернизирующийся Северный Кавказ: параметры идентичности / А. Ю. Шадже, Е. С. Куква // Вестник МГОУ. Серия : Философские науки. – 2012. – № 2. – С. 31-37.
168. Ширинян, Л. Арменоцид: исторический прецедент столкновения цивилизаций / Л. Ширинян // 21-й век. – 2010. – № 3 (15). – С. 6–41.
169. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин, М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
170. Международные экономические отношения и интеграция / Ю. А. Щербанин, К. Л. Рожков, В. Е. Рыбалкин, Г. Фишер. – М. : Банки и биржи, 1997. – 126 с.
171. Эванс, Г. Ненасильственный национализм / Г. Эванс // Дружба народов. – 1992. – № 2. – С. 203-214.
172. Этнический состав Краснодарского Края: официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. - URL: <https://krsdstat.ru/> (дата обращения: 06.11.2021).
173. Amstutz, M. An Introduction to political science. The management of conflict / M. Amstutz. – Northbrook, Illinois : Scott Foresman & Co. – 1982. – 432 p.
174. Greenfield, L. Nationalism: Five Roads of Modernity / L. Greenfield. – New York, 1992. – P. 581.
175. Krisberg, L. Sociology of Social Conflict / L. Krisberg. – New Jersey : Prentice-Hall, 1973. – 300 p.
176. Lambert, W. E. Children's Views of Foreign Peoples. A Cross-National Study / O. Wneberg, W. E. Lambert. – New York, 1967. – 319 p.
177. Lynn, R. Personality and National Culture / R. Lynn. – New York : Pergamon Press, 1971. – 201 p.
178. Smith, A. The Ethnic Origin of Nations / A. Smith. – Oxford, 1986. – 312 p.

179. The Cold War as Cooperation: Superpower Cooperation in Regional Conflict Management. – London, 1991. – 439 p.

180. Yinger, J. M. Ethnicity of complex societies: Structural, cultural and characterologic factors / J. M. Yinger // The uses of controversy in sociology. – New York, L., 1976. – 344 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Дизайн социологического исследования

Анализ этнокультурной специфики населения Краснодарского края, с учетом того, что этнокультурные характеристики конкретных народов характеризуются высоким уровнем стабильности, будет проведен на предшествующем этапе исследования и не требует уточнения. В данном случае уже сформировано представление об этническом составе населения региона, равно как и о наличии складывающихся тенденций по активному формированию и росту, наряду с длительно проживающими на территории региона этническими группами, «новых диаспор», представленных, преимущественно, выходцами из Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан). Таким образом, на данном этапе актуализируются следующие направления сбора информации:

- определение специфики отражения и конструирования межэтнического взаимодействия на уровне социально-коммуникативного пространства;
- определение влияния институциональных процессов на характер интеграции представителей различных этносов в социальную среду Краснодарского края;
- конкретизация общих условий и тенденций интеграции представителей различных этносов в социальную среду Краснодарского края.

Первый шаг в проводимом эмпирическом исследовании связан с осуществлением анализа коммуникативного пространства на предмет интенсивности²⁰⁵ и тональности²⁰⁶ в освещении межэтнического взаимодействия.

---

²⁰⁵ Количественный показатель упоминания конкретного этноса.

²⁰⁶ Качественный показатель, характеризующий содержание информационного сообщения, в котором производится упоминание конкретной этнической группы.

Исследование направлено на выявление того, каким образом реализуются коммуникативные практики в межэтнической среде Краснодарского края, и какие предпосылки социальной интеграции представителей малых этносов задают складывающиеся на уровне региона социально-коммуникативные процессы. Ключевым показателем в данном случае является то, предпосылки какой формы социальной адаптации и интеграции представителей малых этносов задаются на уровне развертывающихся в регионе коммуникативных процессов.

Основным инструментом, в опоре на который производится анализ социально-коммуникативных процессов, является аналитический сервис «Медиалогия», предоставляющий возможность крупномасштабного автоматизированного анализа обширного массива данных, представленных на уровне Интернет-пространства. Репрезентативность производимого анализа обеспечивается, в том числе, тем, что значительная часть традиционных медиа (телевидение, газеты, журналы) дублируют публикуемую информацию на уровне Интернет-пространства.

Следующим значимым шагом в исследовании является освещение институциональных предпосылок интеграции представителей различных этносов в социальную среду региона. С целью определения ключевых показателей по данному направлению было проведено фокус-групповое исследование «Условия интеграции представителей диаспор и земляческих групп в социальную среду полиэтничного региона». Структура исследования ориентирована на определение того социального контекста, в котором реализуются процессы интеграции представителей этнических меньшинств в социальную среду региона. Это определяет акцент, прежде всего, на анализе социальной среды с точки зрения ее соответствия основному набору потребностей и интересов приезжих. Выборка исследования неслучайная, квотная. Опрошены представители 11 этнических групп, проживающих на территории региона (адыги, армяне, белорусы, греки, курды, лезгины, русские, таджики, татары, украинцы, чеченцы), что позволяет определить не только общие характеристики социальной среды Краснодарского края и ее воздействие на мигрантов, относящихся к нетитульному этносу, но и выявить тенденции развертывания интеграционных процессов на уровне отдельных этнических групп. Объем выборки – 144 человека.

Обозначенные выше шаги в исследовании позволят определить, прежде всего, *условия и факторы* интеграции представителей различных этносов в социальную среду Краснодарского края. Притом, что они непосредственно влияют на состояние межэтнического взаимодействия, понимание причин и оснований преобладания определенных форм социальной интеграции еще не дает отчетливой картины происходящих в регионе процессов. Это определяет необходимость конкретизации того, какого рода *отношения* складываются в полиэтническом пространстве Краснодарского края. На выяснение этого вопроса направлена третья часть эмпирического исследования, выполненная в форме анкетирования. В рамках социологического опроса «Социальное самочувствие представителей диаспорных и земляческих групп в среде учащихся вузов Краснодара» оцениваются социальные установки молодежи, относящейся к различным этническим группам, на взаимодействие с представителями других этносов. Выборка исследования квотная, неслучайная – были опрошены представители наиболее распространенных этнических групп, проживающих на территории Краснодарского края. Всего в рамках исследования опрошено 271 человек.

В совокупности представленные исследования дают возможность комплексной, разносторонней оценки характеристик интеграции различных этнических групп в социальное пространство Краснодарского края.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Программа исследования «Условия интеграции представителей диаспор и земляческих групп в социальную среду полиэтничного региона»

Тематический раздел программы	Характеристика тематического раздела программы исследования
Название исследования	«Условия интеграции представителей диаспор и земляческих групп в социальную среду полиэтничного региона»
Исходная проблема	В современном обществе активно разворачиваются миграционные процессы, результатом которых становится столкновение представителей различных этносов и возникновение противоречий между ними на базе различий в традициях, ценностях, культуре. При этом на институциональном и культурном уровне имеют место как предпосылки разобщения представителей разных этносов, так и этнической интеграции. Требуется научное исследование условий интеграции различных народов в социальное пространство полиэтничного региона
Гипотеза исследования	Конфликтогенный потенциал межэтнического взаимодействия в Краснодарском крае носит умеренный характер, с отдельными точками

	напряженности. Наиболее сильно проявлены факторы риска среди представителей этнических групп, культура которых определяет склонность к реализации этноцентристского подхода в этнической идентификации.
Объект исследования	Условия социальной интеграции представителей этнических групп, проживающих на территории Краснодарского края
Метод сбора информации	Фокус-групповое исследование
Размер выборки	144 человека
Тип выборки	Неслучайная, квотная. В процессе исследования были опрошены представители 11 этнических групп (адыги, армяне, белорусы, греки, курды, лезгины, русские, таджики, татары, украинцы, чеченцы). Численный состав одной группы 10–15 человек
Методика выборки	«Снежный ком»
Способ обработки эмпирических данных	Анализ расшифровки записей фокус-группового исследования, интерпретация полученных результатов, соотнесение с исходной теоретической моделью, выработанной в теоретической части работы

Выборка. Опрос по формированию идентификационных стратегий диаспор и земляческих групп в Краснодарском крае будет проводиться среди представителей 11 этнических групп, длительно и недавно проживающих в регионе. Разработка модели выборки основывалась на данных социокультурных исследований и рекомендациях локальных организаций, работающих с этническими общинами.

Модель выборки строится на принципах квотного и снежного отбора. На первой ступени выбраны этнические группы, представленные в регионе, с учетом их численности и длительности проживания. Включены следующие этнические группы: адыги, армяне, белорусы, греки, курды, лезгины, русские, таджики, татары, украинцы, чеченцы.

На второй ступени квотного отбора будет определено количество респондентов от каждой этнической группы, исходя из ее представительства в регионе. В связи с отсутствием формального реестра носителей этнокультурных традиций применялась методика «снежного кома», при которой первичные респонденты рекомендовали других участников, близких по этнокультурному профилю и готовых к открытому обсуждению тематики исследования.

На третьей ступени в каждой фокус-группе будет отобрано по 10–15 человек, что обеспечивало достаточную насыщенность данными для анализа. Общее количество участников фокус-групп составило 144 человека.

Всего в исследование были включены представители 11 этнических групп, из которых каждый респондент являлся носителем уникального этнокультурного опыта.

Таблица 1 – Этнические группы и численность участников фокус-групп

№	Этническая группа	Число участников фокус-группы	Число фокус-групп
1	Адыги	14	1
2	Армяне	13	1
3	Белорусы	12	1
4	Греки	12	1
5	Курды	13	1
6	Лезгины	14	1
7	Русские	18	2
8	Таджики	13	1
9	Татары	12	1
10	Украинцы	12	1
11	Чеченцы	14	1
Всего		144	11

Таблица 2 – Характеристики выборки по методике «снежного кома»

№	Этап отбора	Применяемая методика	Характеристика отбора
1	Первая ступень	Квотный отбор	Отбор этнических групп на основе численности и длительности проживания
2	Вторая ступень	Снежный ком	Первичные респонденты рекомендовали других участников с похожими этнокультурными характеристиками
3	Третья ступень	Фокус-группы (по 10-15 человек)	Отбор участников для каждой фокус-группы на основе рекомендаций и доступности для участия в исследовании

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Гайд фокус-группы

Уважаемые участники опроса! Просим Вас принять участие в обсуждении условий социальной интеграции наиболее распространенных этнических групп Краснодарского края. Все ответы будут использоваться в научных целях и анонимно.

1. Расскажите, пожалуйста, об особенностях Вашей национальности. Что есть у Вас, чего точно нет у других?
2. Расскажите, насколько вам просто реализовывать себя в Краснодарском крае?
3. Насколько просто представители Вашего этноса реализуют себя в сфере экономики и благосостояния?
4. Насколько представители Вашего этноса включены в политические процессы региона?
5. Насколько представителям Вашей этнической группы просто реализовывать себя в сфере науки и образования? Есть ли какие-нибудь препятствия или барьеры?
6. Находясь в Краснодарском крае, испытываете ли Вы какие-то затруднения в сфере религиозной самоидентификации?
7. Существуют ли для представителей Вашей национальной группы какие-либо правовые противоречия, с которыми Вы сталкиваетесь в регионе?
8. Насколько крепки семейные связи в Вашей этнической группе? Как Вы относитесь к межнациональным бракам? Влияет ли «большая семья» на частную жизнь отдельных представителей Вашего этноса? Насколько сильна взаимопомощь?
9. Расскажите о способах сохранения этнической самости.

10. Насколько сильны обычаи и традиции Вашего этноса в сознании его представителей, живущих в Краснодарском крае?

11. Существуют ли противоречия между представителями Вашей этнической группы и титульным коренным населением? Если да, то в чем это выражается?

12. Существуют ли стереотипы восприятия представителей Вашего этноса? Если да, то какие? Насколько они соответствуют действительности? Мешает ли это Вам реализовывать себя в регионе?

Благодарим за внимание!

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Программа исследования «Социальное самочувствие представителей диаспорных и земляческих групп в среде учащихся вузов Краснодара»

Обоснование актуальности исследования. Современное российское общество включает в себя представителей множества этносов, обладающих уникальной культурной определенностью, собственными, сложившимися на протяжении столетий традициями, нормами и практиками поведения. Текущие социальные процессы определяют возникновение интенсивных предпосылок для формирования активного взаимодействия между представителями различных этносов, чему в немалой степени способствует интенсификация культурного взаимодействия и обширные экономические преобразования, результатом которых становится изменение условий экономической деятельности, а также формирование неравномерного экономического развития регионов. Как следствие, активизируются миграционные процессы, связанные с трудовой деятельностью, причем речь в данном случае идет как о процессах внутренней миграции, связанной с перемещением россиян из одного региона в другой, так и о внешних миграционных процессах, связанных с приездом значительного количества иностранцев, рассчитывающих на получение заработка и временную либо постоянную интеграцию в структуру российского общества.

Результатом обозначенных процессов становится обострение социальной конфликтности в среде членов общества, что связано с уплотнением социальной коммуникации носителей различных мировоззренческих установок и, как следствие, проявлением противоречий в их культурных установках и реализуемых практиках поведения. В особенности серьезные социальные риски связаны с

возникновением и развитием межгрупповых конфликтов между представителями различных этнических групп. В этом контексте особый интерес представляет вопрос о том, каким образом взаимодействуют между собой представители диаспорных и земляческих групп, на уровне которых в рамках внутренней коммуникации реализуются групповые модели социального мировоззрения, отражающие, в том числе, характеристики представителей других этносов. Одним из центральных аспектов формирования между ними является то, как складывающаяся в совокупности на институциональном и социально-коммуникативном уровне ситуация определяет возможности представителей различных этнических групп к включению в социальное пространство региона.

Проблема исследования заключается в необходимости определить специфику социального самочувствия представителей диаспор и земляческих групп, проживающих на территории Краснодарского края, в целях оценки актуальных этносоциальных и этнокультурных предпосылок интеграции этнических групп в социальное пространство региона.

Объект исследования – показатели интеграции различных этносов, проживающих на территории Краснодарского края, в социальное пространство региона.

Предмет исследования – социальное самочувствие представителей различных этносов, проживающих на территории Краснодарского края.

Целью исследования является определение актуальной ситуации и условий интеграции этнических групп в социальное пространство Краснодарского края.

Задачи исследования:

- определить общий уровень конфликтности межэтнического взаимодействия;
- выявить основные «точки напряженности» в отношениях представителей различных этнических групп;
- определить преобладающие формы социальной идентификации представителей других этносов;

- определить преобладающие установки социальной самоидентификации, характерные для представителей различных этнических групп;
- выявить уровень социальной стереотипизации представителей других этносов;
- определить основные факторы и тенденции нормализации межэтнического взаимодействия.

Таблица 1 – Структурная операционализация

Структурные аспекты интеграции	Культурные аспекты социальной интеграции
Институционализация механизмов социальной адаптации в принимающем регионе	Социальные ожидания в отношении принимающего региона
Правовой статус мигрантов	Представления о культуре и нормах поведения в принимающем регионе
Социальные возможности мигрантов	Представления о титульном этносе и основных народах, проживающих в регионе
Групповая сплоченность представителей малых этносов	Преобладающие способы социальной идентификации и самоидентификации
Индивидуальное и групповое взаимодействие в социальной среде	Стратегии социальной адаптации, присутствующие на уровне индивидуального и группового сознания

Таблица 2 – Факторная операционализация

Институциональные факторы	Социокультурные факторы
Экономические факторы	Степень адекватности исходных представлений о принимающем регионе
Политические факторы	Языковые компетенции приезжих
Характер социально-правовых отношений	Мотивы и ценностные установки
Система образования	Способы социального самоопределения
Неформальные институты, ориентированные на взаимодействие с приезжими, относящимися к конкретному этносу	Характер и источники представлений о других этносов

Гипотеза исследования заключается в том, что конфликтогенный потенциал межэтнического взаимодействия в Краснодарском крае носит умеренный характер, с отдельными точками напряженности. Наиболее сильно проявлены факторы риска среди представителей этнических групп, культура которых определяет склонность к реализации этноцентристского подхода в этнической идентификации.

Выборка. Опрос «Социальное самочувствие представителей диаспорных и земляческих групп в среде учащихся вузов Краснодара» будет проведен среди студентов вузов города Краснодара. Целью исследования было получить обобщенную количественную оценку социальной удовлетворенности, уровня напряженности и установок межэтнического взаимодействия в студенческой среде, с акцентом на особенности социальной интеграции и возможные источники конфликтов среди молодежи.

Модель выборки будет квотной и неслучайной, что позволит целенаправленно включить представителей наиболее распространенных этнических групп, проживающих в Краснодарском крае. Таким образом, выборка будет сбалансирована по этническому составу, что обеспечивало представительство как титульного этноса (русские), так и малочисленных

этнических групп, таких как армяне, чеченцы, курды, украинцы и другие. Это позволило статистически корректно сопоставить установки и взгляды студентов, принадлежащих к различным этническим общностям.

На основе выбранных квот будет отобрано 271 респондент, что позволяет обеспечить надежность результатов с учетом необходимых статистических требований. Ожидаемая ошибка для одного измерения при уровне доверительной вероятности 95% составляет стандартное отклонение $\pm 5,95\%$ в одномерных таблицах, что свидетельствует о приемлемом уровне статистической погрешности и достаточности данных для выявления тенденций и анализа межэтнических отношений в студенческой среде.

Характеристика генеральной совокупности. Генеральная совокупность включает в себя учащихся вузов г. Краснодар. В силу отсутствия общей открытой статистики по численности студентов в г. Краснодар, а также отсутствия открытой информации по отдельным вузам, расчет генеральной совокупности может быть осуществлен лишь приблизительно. Согласно проведенным расчетам, размер генеральной совокупности превышает 130 тыс. человек.

Обоснование выборки. $N=271$, выборка квотная, неслучайная, будут опрошены представители наиболее распространенных этнических групп, проживающих на территории Краснодарского края. Стандартное отклонение составляет $\pm 5,95\%$. Такой объем выборки является обоснованным для выявления тенденций и закономерностей в социальной среде учащихся вузов Краснодара. Этот метод квотной выборки оправдан, поскольку позволяет целенаправленно включить в исследование представителей наиболее распространенных этнических групп, проживающих в регионе. Учет квот обеспечивает баланс по этническому признаку, что важно для анализа межэтнических взаимодействий и социальной самоидентификации. Критерии квотирования: этническая принадлежность (учитываются основные этнические группы, проживающие на территории Краснодарского края), демографические характеристики (включены респонденты разных возрастных и гендерных категорий для обеспечения репрезентативности данных), социально-экономический статус (респонденты отбирались

преимущественно из студентов вузов, что отражает социальную среду молодежи в образовательных учреждениях).

Причины выбора квотной выборки: гетерогенность населения, социальная среда студентов (молодежь, особенно студенты вузов, является одной из наиболее активных групп, демонстрирующих интеграционные процессы, они являются индикаторами текущих и перспективных изменений в межэтнических взаимодействиях), целенаправленность исследования.

Таблица 3 – Этнические группы и численность участников опроса

№	Этническая группа	Число участников	Примечания
1	Русские	80	Титульная этническая группа
2	Чеченцы	40	Малочисленная этническая группа
3	Осетины	30	Малочисленная этническая группа
4	Определившие себя как «метисы»	25	Этническая группа с неопределенной идентичностью
5	Адыги	20	Малочисленная этническая группа
6	Кабардинцы	15	Малочисленная этническая группа
7	Армяне	25	Малочисленная этническая группа
8	Татары	20	Малочисленная этническая группа
9	Белорусы	15	Малочисленная этническая группа
10	Украинцы	20	Малочисленная этническая группа
11	Таджики	10	Малочисленная этническая группа
12	Курды	10	Малочисленная этническая группа
13	Греки	10	Малочисленная этническая группа
14	Лезгины	10	Малочисленная этническая группа
15	Пожелавшие не определять свою этническую принадлежность	21	Группа респондентов без идентичности
Всего		271	

Таблица 4 – Характеристики выборки

№	Параметр	Значение
1	Тип выборки	Квотная, неслучайная
2	Уровень доверия (статистическая надежность)	95%
3	Стандартное отклонение	$\pm 5,95\%$
4	Число респондентов	271

Таблица 5 – Основные параметры исследования

№	Параметр	Значение
1	Цель исследования	Оценка социального самочувствия, напряженности и установок межэтнического взаимодействия среди студентов вузов Краснодара
2	Структура выборки	Представители титульной этнической группы (русские) и малочисленных этнических групп (чеченцы, осетины, адыги, армяне, татары, белорусы, украинцы, таджики, курды, греки, лезгины)
3	Метод сбора данных	Анкетирование студентов вузов города Краснодара
4	Тип анализа	Количественный анализ, сопоставление установок и взглядов студентов разных этнических групп
5	Статистические требования	Ошибка измерения $\pm 5,95\%$

Интерпретация и операционализация понятийного аппарата. Основные понятия, применяемые в ходе исследования:

Интеграция в социальную среду региона – выстраивание системы социальных связей и отношений (а также включение в институциональную структуру региона), способствующее преодолению барьеров в удовлетворении социальных потребностей экономического, социального, культурного характера. Процесс интеграции предполагает как формирование объективных внешних условий, определяющих возможности субъекта, так и изменение субъектных

характеристик (знания, компетенции, установки), определяющих возможности и перспективы социального взаимодействия.

Социальное самочувствие - состояние, свидетельствующее об уровне адаптированности человека к окружающей действительности и степени удовлетворения его социальных потребностей, являющееся результатом оценки человеком своего социального статуса, жизненных успехов и неудач в соотношении с положением других людей и групп, а также собственных жизненных перспектив и успешности реализуемой жизненной стратегии.

Социальная идентификация – процесс определения принадлежности конкретных членов общества (включая себя самого) к различным социальным общностям и группам, с последующим определением групповых социальных качеств на основании определенного факта принадлежности.

Обоснование методов. В исследовании будут применяться такие методы, как опрос, измерение, сравнение и анализ. С помощью применения этих методов была получена репрезентативная информация по цели исследования.

Методы анализа собранной информации. В исследовании осуществляется применение методов статистического анализа собранного первичного материала – дисперсионного и корреляционного анализа с использованием программы Excel.

Таблица 6 – Логический анализ инструментария

Операциональные понятия	Индикаторы	Тип шкалы измерения	Номер вопроса анкеты
Сложности во взаимодействии с представителями других этнических групп	Оценка уровня сложности во взаимодействии с представителями других этнических групп	Порядковая	1
Личный опыт респондента по взаимодействию с представителями других этнических групп	Оценка личного опыта	Порядковая	2
Общая ситуация межэтнического взаимодействия в регионе	Оценка ситуации межэтнического взаимодействия в регионе	Порядковая	3

Операциональные понятия	Индикаторы	Тип шкалы измерения	Номер вопроса анкеты
Ключевые проблемы межэтнического взаимодействия	Оценка ключевых проблем межэтнического взаимодействия	Номинальная	4
Численность носителей нетерпимости по этническому признаку	Оценка численности носителей нетерпимости по этническому признаку	Порядковая	5
Присутствие носителей этнической нетерпимости в ближайшем социальном окружении	Оценка наличия в ближайшем социальном окружении носителей этнической нетерпимости	Порядковая	6
Приверженность этническим стереотипам	Оценка обоснованности этнических стереотипов	Порядковая	7
Настороженность в отношении представителей других этносов	Оценка настороженности в отношении представителей других этносов	Порядковая	8
Групповая солидарность в отношении представителей собственного этноса	Оценка расположения по отношению к представителям собственного этноса	Порядковая	9
Основания формирования отношения к членам общества	Отражение критериев формирования социального отношения к членам общества	Номинальная	10
Основания социальной самоидентификации	Отражение оснований социальной самоидентификации	Номинальная	11
Источники формирования членами общества представлений о представителях других этносов	Отражение предполагаемых источников формирования другими людьми представлений о членах общества, относящихся к другим этносам	Номинальная	12
Источники представлений респондентов о членах общества, относящихся к другим этносам	Отражение источников представлений респондентов о членах общества, относящихся к другим этносам	Номинальная	13
Источники позитивных сведений о представителях других этносов	Отражение источников позитивных сведений о представителях других этносов	Номинальная	14
Источники негативных сведений о представителях других этносов	Отражение источников негативных сведений о представителях других этносов	Номинальная	15

Операциональные понятия	Индикаторы	Тип шкалы измерения	Номер вопроса анкеты
Динамика трансформации отношений в межэтнической среде	Оценка динамики изменения отношений в межэтнической среде	Порядковая	16
Препятствия в самореализации представителей этнических групп, проживающих в регионе	Оценка препятствий в самореализации представителей этнических групп, проживающих в регионе	Дихотомическая/Номинальная	17
Наличие языкового барьера	Оценка наличия языкового барьера у представителей различных этносов, проживающих в регионе	Дихотомическая/Номинальная	18
Знакомство с культурой других этносов	Оценка знакомства респондентов с культурой других этносов	Номинальная	19
Эффективность регуляции межэтнического взаимодействия, осуществляемой органами государственной власти	Оценка эффективности государственной политики по регулированию межэтнического взаимодействия	Порядковая	20
Этническая принадлежность респондентов	Отражение этнической принадлежности респондентов	Номинальная	21
Демографический статус респондентов	Отражение демографического статуса респондентов	Номинальная	22

Схема обработки информации. Для того, чтобы оценить уровень напряженности в межэтнической среде, необходимо провести линейное распределение по результатам ответов на вопросы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Для того, чтобы оценить динамику изменения ситуации межэтнического взаимодействия, необходимо провести линейное распределение по результатам ответов на вопросы 16, 20.

Для того, чтобы определить условия формирования процессов социальной идентификации представителей других этносов, необходимо провести линейное распределение по результатам ответов на вопросы 12, 13, 14, 15, 19.

Для того, чтобы оценить качественную специфику идентификационных процессов, реализуемых в отношении представителей других этносов, необходимо провести линейное распределение по результатам ответов на вопросы 9, 10, 11.

Для того, чтобы определить основные тренды выстраивания социального взаимодействия в межэтнической среде, необходимо провести линейное распределение по результатам ответов на вопросы 17, 18, 19, 20.

Для того, чтобы определить социальные характеристики респондентов, необходимо провести линейное распределение по результатам ответов на вопросы 21, 22.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Бланк анкеты

Уважаемый участник опроса!

Просим Вас принять участие в исследовании «Социальное самочувствие представителей диаспорных и земляческих групп в среде учащихся вузов Краснодара». Все ответы анонимны, информация будет использована только в обобщенном виде для исследования актуальной ситуации.

1. Испытывали ли Вы сложности во взаимодействии с представителями других этнических групп, вызванные различиями в культуре, обычаях, менталитете?
  - а) Да
  - б) Нет
  - в) Затрудняюсь ответить

2. Как Вы в целом оцениваете личный опыт взаимодействия с представителями других этнических групп?
  - а) Положительно
  - б) Скорее положительно
  - в) Нейтрально
  - г) Скорее отрицательно
  - д) Отрицательно
  - е) Затрудняюсь ответить

3. Как Вы считаете, какова в настоящее время ситуация межэтнического взаимодействия в регионе?

- а) Благоприятная
- б) Нейтральная
- в) Напряженная
- г) Затрудняюсь ответить

4. Какие ключевые проблемы межэтнического взаимодействия Вы можете назвать?

- а) Предвзятое, негативное отношение представителей титульного этноса
- б) Агрессивное поведение представителей малых этносов
- в) Наличие в обществе этнических стереотипов, которые затрудняют взаимодействие представителей различных национальностей
- г) Недостаточные возможности для представителей малых этносов к культурному самовыражению
- д) Разные ценности
- е) Как таковой проблемы в отношениях представителей разных этносов нет
- ж) Свой вариант _____

5. Как Вы считаете, много ли в Вашем регионе людей, проявляющих нетерпимость по этническому признаку (предвзято относящихся к представителям определенной этнической группы)?

- а) Много
- б) Скорее много
- в) Скорее мало
- г) Мало
- д) Не встречал (а) проявлений этнической нетерпимости
- е) Не знаю

6. Есть ли в Вашем окружении люди, проявляющие негативное отношение к представителям других этносов?

- а) Есть, большинство
- б) Есть, меньшинство
- в) Нет
- г) Затрудняюсь ответить

7. Насколько обоснованы, на Ваш взгляд, расхожие представления о различных этносах и их представителях?

- а) Обоснованы
- б) Скорее обоснованы
- в) Скорее не обоснованы
- г) Совершенно не обоснованы
- д) Скорее обоснованы, но есть исключения

8. При встрече с представителем другого этноса Вы испытываете настороженность?

- а) Да
- б) Нет
- в) Затрудняюсь ответить

9. Является ли для Вас принадлежность незнакомого человека к Вашему этносу причиной для расположения по отношению к нему?

- а) Да
- б) Нет
- в) В некоторых случаях
- г) Для меня этническая принадлежность не играет особой роли в отношениях с другими людьми
- д) Затрудняюсь ответить

10. По какому критерию в первую очередь Вы формируете свое отношение к человеку?

- а) Внешность
- б) Культура поведения, манеры
- в) Материальный статус
- г) Социальный статус
- д) Этническая принадлежность
- е) Уровень образованности
- ж) Профессиональная принадлежность
- з) Свой вариант _____

11. Какое основание самоидентификации является ключевым для Вас? (отметьте три варианта цифрами, начиная с наиболее важного для Вас).

- а) Уровень достатка
- б) Уровень образования
- в) Уровень культурного развития
- г) Принадлежность к конкретной стране (патриотическая самоидентификация)
- д) Семейная принадлежность
- е) Этническая принадлежность
- ж) Религиозная принадлежность
- з) Профессия
- и) Свой вариант _____

12. Опираясь на какой источник в первую очередь люди формируют свои представления о других этносах и их представителях?

- а) Личный опыт взаимодействия
- б) Телевидение, радио, Интернет
- в) Мнения других людей, с которыми они общаются
- г) Затрудняюсь ответить

13. В опоре на какие источники в первую очередь Вы сформировали свое отношение к представителям других этносов?

- а) Личный опыт взаимодействия
- б) Телевидение, радио, Интернет
- в) Мнения других людей, с которыми они общаются
- г) Затрудняюсь ответить

14. Каким путем Вы узнали наиболее позитивные из известных Вам фактов о представителях других этносов (из тех, с представителями которых Вы сталкиваетесь в своем регионе)?

- а) Средства массовой информации
- б) Учебная литература, документальное кино, энциклопедии
- в) Развлекательная культурная продукция (кино, литературные произведения)
- г) Личный опыт взаимодействия
- д) Опыт представителей близкого окружения, знакомых

15. Каким путем Вы узнали наиболее негативную информацию о представителях другого этноса (из тех, с представителями которых Вы сталкиваетесь в своем регионе)?

- а) Средства массовой информации
- б) Учебная литература, документальное кино, энциклопедии
- в) Развлекательная культурная продукция (кино, литературные произведения)
- г) Личный опыт взаимодействия
- д) Опыт представителей близкого окружения, знакомых

16. За минувшее десятилетие каким образом изменилась ситуация в межэтнической среде?

- а) Ситуация изменилась в благоприятную сторону, напряженность снизилась

- б) Ситуация не изменилась
- в) Напряженность возросла
- г) Затрудняюсь ответить

17. Как Вы считаете, в Вашем регионе существуют ли препятствия для самореализации представителей различных этнических групп в наиболее значимых сферах деятельности? Если полагаете, что «да», обозначьте наличие проблематичности напротив каждой обозначенной этнической группы.

- а) нет
- б) да

Этническая группа	Сфера самореализации					
	Семья и брак	Экономика	Политика	Образование	Право	Религия и культурные традиции
Адыги						
Армяне						
Белорусы						
Греки						
Курды						
Лезгины						
Русские						
Таджики						
Татары						
Украинцы						
Чеченцы						
Свой вариант						
_____						

18. Как Вы считаете, существуют ли у представителей следующих этнических групп языковые барьеры для успешной самореализации в Краснодарском крае? Если полагаете, что «да», обозначьте уровень проблематичности напротив каждой этнической группы.

- а) нет
- б) да

Этническая группа	Уровень языкового барьера			
	Нулевой уровень языковых затруднений	Низкий уровень языковых затруднений	Умеренный уровень языковых затруднений	Высокий уровень языковых затруднений
Адыги				
Армяне				
Белорусы				
Греки				
Курды				
Лезгины				
Русские				
Таджики				
Татары				
Украинцы				
Чеченцы				
Свой вариант				
_____				

19. С культурой какой этнической группы вы знакомы лучше всего? Обозначьте уровень Вашего знакомства с культурой (обычаи, уклад, праздники, обряды) указанных ниже этносов.

Этническая группа	Уровень знания культуры других этносов			
	Нулевой уровень знания культуры и обычаев	Низкий уровень знания культуры и обычаев	Умеренный уровень знания культуры и обычаев	Высокий уровень знания культуры и обычаев
Адыги				
Армяне				
Белорусы				
Греки				
Курды				
Лезгины				
Русские				
Таджики				
Татары				
Украинцы				
Чеченцы				
Свой вариант				
_____				

20. На Ваш взгляд, справляются ли власти с регулированием межэтнического взаимодействия в регионе?

- а) Да, справляются
- б) Скорее справляются
- в) Скорее не справляются
- г) Совершенно не справляются

21. Напишите о Своей этнической принадлежности?

- а) _____
- б) Предпочитаю оставить этническую принадлежность в секрете
- в) Затрудняюсь ответить

22. Каков Ваш демографический статус в регионе?

- а) Являюсь коренным жителем
- б) Недавно поселился в регионе
- в) Переселился в регион более 10 лет назад
- г) Переселился в регион более 20 лет назад

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Основные термины

Аккомодация	форма социальной интеграции этнических меньшинств в общую структуру взаимодействий с сохранением культурной идентичности;
Ассимиляция	заключительная, завершенная форма социальной интеграции, в ходе которой происходит глубокое встраивание представителей малой этнической группы в социальную среду, связанное с принятием ими социальных установок, моделей и практик поведения, способов социальной идентификации и самоидентификации, принятых на уровне данной среды;
Диаспора	сообщество, формируемое субъектами миграционных процессов, являвшимися гражданами другого государства и переехавшими из него временно либо на постоянное место жительства;
Землячества	этносоциальные группы, сформировавшиеся в результате миграционных процессов, реализуемых внутри локального государства;
Инокультурные группы	социальные группы, культура которых отличается от культуры принимающего сообщества;

Иноэтничность	принадлежность к этнокультурной общности, оцениваемой субъектом восприятия в качестве внешней по отношению к его собственной этнической группе;
Иноэтнические общности, группы, инаковые группы	представители которых относятся к отличному от субъекта восприятия этносу;
Конкуренция	исходная стадия социального включения в социальную среду, связанный с ограниченностью присутствующих на ее уровне ресурсов;
Конфликт	стадия интеграции, характеризующаяся осознанным, личностно-ориентированным противоборством;
Малые этнические группы, этнические меньшинства	в социологии и этнологии понятия «малые этнические группы» или «этнические меньшинства» обычно характеризуются не только количественно, но и качественно. Малочисленность (часто условно принимается до 50-100 тыс. человек, хотя точные границы могут варьироваться). Занимают подчинённое или не доминирующее положение по отношению к этническому большинству. Испытывают давление в плане сохранения собственной культуры, языка и традиций. Обладают особыми механизмами идентичности и самоидентификации. Таким образом, более точное определение может звучать так: этнические меньшинства (малые этнические группы) - это этнические общности, характеризующиеся относительно небольшой численностью (как правило, до 100 тыс. человек), находящиеся в не доминирующем положении в государстве или регионе и обладающие собственной культурной спецификой, которая отличает

	их от этнического большинства и нуждается в поддержке для сохранения идентичности;
Межэтнические отношения	взаимодействия между представителями различных этнических (национальных) общностей, которые выражаются в формах сотрудничества, конкуренции, взаимовлияния или конфликта в различных сферах жизни общества;
Полиэтнический регион	область взаимодействия представителей разных народов, ограниченная географическими рамками конкретного региона;
Принимающее сообщество	совокупность жителей региона, обладающих сложившейся системой норм и практик взаимодействия, обладающих определенной мерой социальной устроенности и включенности, в отличие от которых приезжие (мигранты) характеризуются различиями как по критерию культурной определенности, так и по критерию институционально определенных возможностей, жилищного статуса и т. д.;
Социальная интеграция	установление оптимальных связей между ранее не связанными между собой социальными объектами (индивидами, группами, социальными классами) и их дальнейшее сплочение в одну систему, в которой согласованы и взаимозависимы её части на основе общих целей, интересов;
Социально-интеграционные практики	практики, обеспечивающие консолидацию членов общества, их включение в общую структуру социального взаимодействия;

Титульная группа представители народа, проживающего в конкретном социально-политическом объединении, характеризующего преобладающими социально-политическими возможностями, а также близостью культурных норм с утвержденной системой права;

Этнические общности, составленные представителями конкретного этноса.

группы